This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

VE RI TAS

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

36

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Н. Д. Павловъ.

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

I. Необыкновенные разсказы. Теорія доктора Кощунскаго. Воспоминанія покойника. Тринадцать сеансовъ эфиризаціи. Лучше никогда, чѣмъ поздно. На винограде, въ Ялтѣ. Вечеринка у сумасшедшихъ. Обезьяна и женщина. Двѣ встрѣчи. II. Шаржи и каррикатуры. Воздушный шаръ и утюгъ. Impressario Марсова поля. Открытіе. Онъ, она и оно.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія В. Войцицкаго и С. Корнатовскаго
9, Малая Морская, 9.

1892

Digitized by Google

Slav 4350.57.381

Дозволено Цензурою
С.-Петербургъ, 25 февраля 1892 года.

Digitized by Google

ТЕОРІЯ ДОКТОРА КОЩУНСКАГО.

(Городская легенда).

Digitized by Google

Digitized by Google

Преданія о сверхъестественномъ и разсказы о легендарныхъ событіяхъ не составляютъ исключительной принадлежности далекаго прошлаго, но существуютъ и въ наше прозаическое время. Средневѣковыя легенды Карла Великаго и Роберта Дьявола смѣнились, съ теченіемъ времени, легендою Наполеона. Всѣ писатели, разрабатывавшіе легенды — Шлегель, Гердеръ, Вильмаркэ, Мори, а равно Гете и Викторъ Гюго—черпали сказанія не только изъ средневѣковыхъ, но и изъ значительно позднѣйшихъ источниковъ, доходящихъ, въ иныхъ случаяхъ, даже до половины текущаго столѣтія. Легенды, которыя пересказываются въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, часто также относятся къ настоящему, какъ и къ прошлому. Множество такихъ легендъ и преданій, описывающихъ то, что совершилось на народной памяти, идетъ толпою вдоль безконечныхъ береговъ Волги, тѣснится въ ущельяхъ Дагестана, грезится потомкамъ храбрыхъ чеченцевъ и передается изъ рода въ родъ у татаръ, самоѣдовъ, якутовъ, чувашей и зырянъ.

По самому свойству своему, легенда селилась всегда подъ тѣнью густыхъ, вѣчно зеленыхъ лѣсовъ, ютилась на пустынныхъ горныхъ вершинахъ и населяла печальными призраками высокіе и неприступные замки отжившаго прошлаго. Старинныя русскія легенды, въ свою очередь, имѣютъ мѣстомъ дѣйствія или темныя дубравы Волыни, въ непогожій осенній вечеръ, или берега зачарованнаго «стодола» въ Ма-

Digitized by Google

лороссіи, въ яркую лунную ночь, исполненную таинственной поэзіи, или печальныя снѣговыя пустыни, засыпаемыя мятелями и буранами.

Такимъ образомъ, всѣ эти разсказы, полные тайны и очарованія, повидимому, сторонятся отъ большихъ городовъ, гдѣ нѣтъ простора для фантазіи и приволья для чувства. Призракамъ легенды тѣсно въ узкихъ улицахъ города, и таинственный ропотъ преданія безсиленъ бороться съ шумомъ и гамомъ городской жизни. Однако, это не совсѣмъ такъ. Города имѣютъ свои легенды, и эти «городскія легенды», исполненныя мрачнаго смысла, толпами блуждаютъ по узкимъ, лишеннымъ свѣта и воздуха улицамъ, спускаются въ убогіе подвалы, заглядываютъ на чердаки и наполняютъ своими блѣдными призраками роскошные, ярко освѣщенные чертоги.

Одна изъ такихъ «городскихъ легендъ» и является предметомъ настоящаго разсказа.

I.

Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, въ столичныхъ, а за ними и въ провинціальныхъ городахъ было замѣчено странное движеніе, охватывавшее всѣ классы городского населенія. Движеніе это коснулось, между прочимъ, и большого университетскаго города N. Начиная съ мелкаго мѣщанства, проводившаго цѣлые дни на одной изъ окраинъ города, передъ домомъ, въ которомъ было «нечисто», и кончая довольно большимъ кружкомъ профессоровъ мѣстнаго университета, занимавшимся изслѣдованіемъ явленій мантевизма, гипнотизаціи и спиритизма, — весь городъ былъ одержимъ маніей таинственнаго, неизслѣдован-

Digitized by Google

наго и непостижимаго. Подъ впечатлѣніемъ фантастическихъ розсказней, въ чрезвычайномъ обиліи циркулировавшихъ по городу, были смущены и настроены на нервическій тонъ сверхъестественнаго даже такія лица, которыя были чужды области таинственнаго едва-ли не въ большей мѣрѣ, чѣмъ чужды этой области домашнія животныя этихъ лицъ. Мелкіе лавочники, возвратясь домой, на лоно своихъ семействъ, съ немалымъ смущеніемъ передавали содержаніе городскихъ толковъ про нечистую силу, забравшуюся въ домъ сапожника, по Глухой улицѣ, и, несмотря на совокупныя усилія пристава, его помощника, шести околоточныхъ и одиннадцати городовыхъ, не желающую оставлять излюбленнаго ею дома. Городскія кумушки прибавляли при этомъ, что, благодаря столь неумѣстному и даже противузаконному пребыванію нечистой силы въ домѣ, исконные обыватели его принуждены были искать себѣ другого пристанища. Полицейскіе протоколы, въ свою очередь, надлежащимъ и вполнѣ форменнымъ, хотя и недостаточно грамотнымъ образомъ, «удостовѣряли о разбитіи» всѣхъ до единаго стеколъ въ окнахъ злосчастнаго дома. Мелкій чиновный людъ забросилъ, въ это время, не только свой вѣчный преферансъ, но и только-что входившую тогда въ моду игру въ винтъ, чтобы посвящать свои досуги продолжительному сидѣнью вокругъ стола, въ чаяніи его движенія и стуковъ. Многіе изъ этихъ двигателей науки или, вѣрнѣе, двигателей стола предъявляли довольно странныя претензіи къ силамъ, одухотворяющимъ безжизненную «столешницу». Такъ, одинъ очень старый и совершенно выцвѣвшій чиновникъ держалъ надъ столомъ свои растопыренные пальцы до полнаго ихъ одеревененія, въ твердой рѣшимости вывѣдать когда-нибудь отъ «духа» дѣйствительное средство отъ геморроя. Въ такомъ-же родѣ были и соображенія многихъ спиритокъ описываемыхъ кружковъ городской «интеллигенціи».

Digitized by Google

Одна изъ нихъ тщилась узнать у столешницы способъ обворожить судебнаго пристава при мѣстномъ окружномъ судѣ, молодого человѣка, расторопнаго до такой степени, что, считаясь постоянно женихомъ той или другой избранницы своего сердца, онъ, въ теченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ, съ успѣхомъ выдирался изъ узъ Гименея. Другія спиритки не задавали столешницѣ столь сложныхъ задачъ и соглашались удовольствоваться лишь перечисленіемъ цифръ того выигрышнаго билета, на который долженъ пасть, въ грядущій тиражъ, выигрышъ не меньше 75 тысячъ. Для многихъ, впрочемъ, сеансы спиритизма являлись лишь средствомъ провести нѣсколько вечернихъ часовъ въ близкомъ и пріятномъ общеніи съ молодежью другого пола. Но даже эта веселая и беззаботная молодежь смущалась иногда при слишкомъ явныхъ и энергичныхъ попыткахъ стола завести оживленную causerie съ присутствующими испытателями таинствъ природы.

Что касается не фальсифицированной, а настоящей интеллигенціи города N, то и она, въ свою очередь, чутко прислушивалась къ новымъ рѣчамъ о новыхъ предметахъ и съ интересомъ отыскивала въ столичныхъ газетахъ, спеціальныхъ медицинскихъ изданіяхъ и даже въ кое-какихъ заграничныхъ журналахъ все, что такъ или иначе, относилось къ явленіямъ гипнотизаціи, мантевизма, тогда еще не получившаго этого названія, и къ теоріи «четвертаго измѣренія», о которомъ, впрочемъ, имѣлось довольно смутное представленіе, такъ какъ многіе «испытатели непостижимаго» съ немалымъ трудомъ справлялись даже и съ «тремя» измѣреніями. Интересъ этотъ поддерживался, между прочимъ, положительными извѣстіями о томъ, что въ рядахъ пророковъ сверхъестественнаго насчитывается не малое число профессоровъ нѣсколькихъ, въ томъ числѣ и столичныхъ, университетовъ. Что касается до мѣстнаго

Digitized by Google

университета, постоянно и неизмѣнно дававшаго тонъ городу, то въ немъ чуть-ли не половина всѣхъ жрецовъ науки, да еще, будто нарочно, науки какъ нельзя болѣе точной, положительной и «естественной», находилась въ числѣ сторонниковъ всего неестественнаго, очень мало положительнаго и совершенно неточнаго.

Изслѣдователи таинственнаго и предвозвѣстники будущихъ знаній ни мало не стѣснялись исповѣдывать свою вѣру, признаваться въ своихъ увлеченіяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разглашать объ удивительныхъ результатахъ своихъ опытовъ. Впрочемъ, опыты эти, производившіеся въ обширныхъ аудиторіяхъ университета, были обставляемы всевозможными приспособленіями, совершенно исключавшими всякій обманъ или даже ошибку. Старые ученые, дѣйствительно и не на шутку, призадумывались надъ своимъ старымъ міровоззрѣніемъ, не будучи въ состояніи создать себѣ новаго, и отголоскомъ этого, повидимому, столь страннаго волненія въ ученыхъ сферахъ, а также и нелѣпой сумятицы въ уличной жизни, было полно все общество провинціальнаго города N.

II.

Увлеченія мѣстнаго общества раздѣлялись, однако, на высшихъ ступеняхъ послѣдняго, далеко не всѣми. Какъ въ средѣ профессоровъ, такъ и въ средѣ мѣстной интеллигенціи вообще, насчитывалось не мало ярыхъ антагонистовъ фантастическаго повѣтрія, охватившаго древнихъ и увѣнчанныхъ лаврами ученыхъ, всѣхъ этихъ математиковъ, химиковъ и историковъ. Самымъ опаснымъ для этого повѣтрія, не безъ осно-

Digitized by Google

ванія, считался еще очень молодой, не старше 35-ти лѣтъ, но уже стяжавшій себѣ громкую извѣстность въ наукѣ своими трудами по физіологіи,—извѣстность, успѣвшую перешагнуть границы государства,—докторъ медицины Владиміръ Яковлевичъ Кощунскій. Этотъ ярый противникъ фантастическаго движенія вовсе не думалъ вступать въ какіе-либо диспуты съ его сторонниками. Съ большимъ хладнокровіемъ и неизмѣнною аккуратностью посѣщая всевозможныя собранія и сеансы, онъ, однако, никогда не слѣдовалъ примѣру своихъ единомышленниковъ и вовсе не искалъ признаковъ фокуса, фальши или обмана тамъ, гдѣ ихъ очевидно, не могло быть. Вмѣсто споровъ, онъ ограничивался сдержанною, но въ самой сдержанности злою улыбкою ироніи. Онъ, очевидно, держалъ за пазухою камень, вѣсскій и солидный, который когда-нибудь долженъ былъ полетѣть въ ряды его противниковъ. Впрочемъ, о существованіи такого камня можно было пока только догадываться, хотя эти догадки и дѣлались съ увѣренностью тѣмъ бо́льшею, что докторъ Кощунскій съ величайшимъ терпѣніемъ высиживалъ на сеансахъ цѣлые долгіе вечера, дѣлая замѣтки въ своей записной книжкѣ и подробно изслѣдуя всѣ детали опыта; онъ, съ видимымъ интересомъ, искалъ всевозможныхъ случаевъ посѣщать старые и необитаемые дома, за которыми упрочилась репутація «неблагополучныхъ» и, какъ говорили, дѣйствительно, проводилъ цѣлыя ночи въ старинныхъ заброшенныхъ склепахъ, уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ въ старомъ, историческомъ городѣ, въ опустѣлыхъ помѣщичьихъ хоромахъ, покинутыхъ своими обитателями, и не брезгалъ убогими хатами, лишь-бы онѣ, хоть по слухамъ, были облюбованы какими-нибудь «призраками», порожденными, конечно, необузданною фантазіею народа и вскормленными его широкою молвою.

Въ одинъ изъ тѣхъ зимнихъ вечеровъ, которыми заканчивался старый годъ, молодой докторъ отправ-

Digitized by Google

лялся на «изысканія», какъ онъ называлъ свои оригинальныя экскурсіи по заброшеннымъ мансардамъ и погребамъ, съ которыми было связано какое-нибудь преданіе, повѣрье или легенда. На этотъ разъ цѣлью экскурсіи была одна изъ самыхъ глухихъ и отдаленныхъ улицъ, затерянныхъ на окраинѣ огромнаго города. Вѣроятно, изысканія его должны были представлять, въ данномъ случаѣ, особенный интересъ, такъ какъ онъ собирался на нихъ съ чрезвычайною тщательностью. Во всякомъ случаѣ, сборы молодого доктора поражали своею оригинальностію.

Прежде всего онъ уложилъ въ свой дорожный, помѣстительный сакъ небольшую аптечку—«артиллерію для борьбы съ привидѣніями», какъ онъ шутливо называлъ иногда этотъ деревянный ящикъ, наполненный медикаментами и вещами, подборъ которыхъ могъ-бы поставить въ тупикъ любого врача. Тутъ были объемистыя пачки—одна съ очищенною содой и другая, такая-же—съ виннокаменною кислотой. Очевидно, что молодой ученый освѣжалъ себя, во время долгихъ ночныхъ наблюденій, шипучимъ и ободряющимъ напиткомъ. Ту-же цѣль, повидимому, имѣли нѣсколько сортовъ нюхательной соли и двѣ—три стклянки съ нюхательнымъ-же спиртомъ. Противолихорадочныя средства были представлены хининомъ, развѣшаннымъ въ пилюли по одному грану, заключенныя въ небольшіе пенали. Кромѣ того, здѣсь-же лежали нарывные пластыри и пачки горчичниковъ Риголо. Весьма видное мѣсто занимали въ ящикѣ бутылки съ нѣсколькими сортами жидкостей, которыя, судя по названіямъ, должны были служить для дезинфекціи, и небольшой пульверизаторъ съ гуттаперчевымъ шарикомъ. Въ крышкѣ ящика было заткнуто два-три наиболѣе простыхъ изъ хирургическихъ инструментовъ, въ родѣ ланцета.

Кромѣ этой, столь нелѣпой по своему составу, аптечки, докторъ уложилъ въ свой сакъ термометръ,

Digitized by Google

нѣсколько книгъ, большую записную тетрадь и письменныя принадлежности. Затѣмъ, онъ помѣстилъ туда пары три или четыре обожженныхъ стеариновыхъ свѣчъ, свертокъ серебристой проволоки, дающей при сгораніи ослѣпительно яркое освѣщеніе и называемой, въ просторѣчіи, магніемъ, и наконецъ, нѣсколько пачекъ различныхъ спичекъ, при чемъ послѣднія были положены въ сакъ въ количествѣ, значительно превышающемъ всякую обыденную потребность.

Снабдивъ себя этимъ разнохарактернымъ багажемъ, докторъ Кощунскій засунулъ въ одинъ карманъ портсигаръ, а въ другой,—такъ называемый, Revolver-Tasche, карманъ, устраиваемый на задней сторонѣ таліи,—шестиствольный, толстенькій, никкелированный и весь сверкающій угрозою смерти револьверъ, носящій характерное названіе «бульдога». Затѣмъ, онъ прошелся по своему роскошному кабинету, подумалъ, машинально провелъ рукою по всѣмъ карманамъ своего одѣянія и, подойдя къ столу, вынулъ изъ ящика небольшой стилетъ на ремнѣ, который онъ обвязалъ подъ сюртукомъ, вокругъ стана.

Приготовленія были, повидимому, окончены, но, судя по тщательности, съ которою они производились, можно было не безъ увѣренности предположить, что экспедиція молодого доктора носила особенно серьезный и тревожный характеръ.

Владиміръ Яковлевичъ Кощунскій вышелъ изъ своего подъѣзда въ половинѣ девятаго часа. На дворѣ стояла безпросвѣтная декабрьская ночь, ненастная и холодная, не смотря на начинавшуюся оттепель. Зазябшія лошади, поданныя къ крыльцу Кощунскаго, рванули экипажъ съ мѣста и быстро понеслись по жидкому и мокрому снѣгу главной улицы города.

Digitized by Google

III.

Въ окна кареты замелькали уличные фонари и ярко освѣщенныя витрины магазиновъ. Высокія зданія смѣнились потомъ небольшими, убогими домишками, прерываемыми кое гдѣ мрачными каменными громадами, съ высокими трубами, очевидно, фабриками и заводами. Постройки становились все рѣже и рѣже и перешли, наконецъ, въ унылый рядъ покосившихся заборовъ. Пѣшеходовъ здѣсь почти не было, и карета, пронесясь по цѣлому лабиринту узкихъ и кривыхъ переулковъ, остановилась передъ длиннымъ заборомъ, когда-то изукрашеннымъ затѣйливыми столбиками, деревянными шарами и различными орнаментами.

На глухой шумъ экипажа вышла изъ калитки сѣрая и вполнѣ обыденная фигура дворника, того-же самаго флегматичнаго, неодобрительнаго и нѣсколько пренебрежительнаго вида, какимъ отличаются они во всѣхъ городахъ и весяхъ Россійской Имперіи.

— Пріѣхали?—спросилъ онъ Владиміра Яковлевича, отворяя дверцы кареты.

— Пріѣхалъ,—такъ-же коротко отвѣчалъ молодой докторъ, собирая съ подушекъ экипажа свой несложный багажъ и отдавая, затѣмъ, кучеру приказаніе ѣхать домой.

— Знать, въ прошлый разъ мало показалось?...

— Мало.

Карета сдѣлала почти правильный кругъ, вырѣзавшійся на таломъ снѣгу, и медленно поѣхала въ обратную сторону.

— Чудно... Что, вамъ платятъ за это? Или, можетъ, вы отъ полиціи назначены? Такъ полиція тутъ ни причемъ... Покойные господа даже архіерея приглашали...

Digitized by Google

— Архіерей тутъ негодится,—задумчиво сказалъ докторъ.—Тутъ совсѣмъ другое... Вотъ, что, любезный...—прибавилъ онъ другимъ тономъ.—Ты здѣсь одинъ?

— Одинъ... Можно сказать, во всемъ переулкѣ одинъ. Съ новаго года къ себѣ, въ сторожку, кого ни на есть жить пущу. А то ужь очень, сударь, жутко становится.

— Отчего-же жутко? Вѣдь, у тебя въ сторожкѣ явленій никакихъ не бываетъ?...

Дворникъ угрюмо покосился на своего гостя.

— Явленіевъ, сударь, не бываетъ, а все-же иногда слышно, что въ домѣ дѣлается. Такъ, въ тѣ поры, всю ночь протрясешься отъ страха. Закроешься тулупомъ и трясешься... Даже водка, сударь, этого страху одолѣть не можетъ.

— Такъ, вотъ, что я хотѣлъ тебѣ сказать,—перебилъ его докторъ.—Мнѣ нужно, чтобы ты сегодня оставался въ своей сторожкѣ и не входилъ въ домъ даже въ томъ случаѣ, если я стану тебя звать... Есть-ли у тебя какой-нибудь висячій замокъ, которымъ можно было-бы запереть твою каморку снаружи?

— Замóкъ, сударь, найдется...

— Кромѣ того, мнѣ надо осмотрѣть въ твоей сторожкѣ окно... Сколько мнѣ помнится, оно—не велико, и взрослому человѣку въ него не пролѣзть, неправда-ли?

— Не пролѣзть-то, не пролѣзть, а только...

— За сегодняшнюю ночь, кромѣ постоянной платы, ты получишь хорошую прибавку,—добавилъ Кощунскій тономъ, не допускающимъ возраженій, и, перешагнувъ калитку, твердо и увѣренно пошелъ по цѣльному снѣгу, по направленію къ ветхой и грязной однооконной избушкѣ, исполняющей обязанности дворницкой.

Подойдя къ убогой постройкѣ, онъ тщательно осмотрѣлъ дѣйствительно крошечное оконце, потомъ

Digitized by Google

взялъ вынесенный дворникомъ большой желѣзный замокъ, повидимому, отъ какого-нибудь сарая, пропустилъ дворника обратно въ избушку и, навѣсивъ замокъ на пробой, сдѣлалъ нѣсколько оборотовъ ключемъ.

Теперь онъ стоялъ одинъ посреди пустыннаго и темнаго двора, заканчивавшагося двухъ-этажнымъ домомъ, который выходилъ сюда своими пристройками и различными службами. Лицевой фасадъ дома былъ обращенъ въ противоположную сторону, гдѣ находился садъ, таинственный и угрюмый лѣтомъ и положительно страшный зимою.

Докторъ, тщетно отыскивавшій какую-нибудь тропинку, долженъ былъ обогнуть двухъ-этажное зданіе, идя все такъ-же по цѣлому, рыхлому снѣгу, въ который нога уходила выше лодыжки. Обойдя домъ, онъ остановился на минуту передъ его фасадомъ. Это было старинное зданіе казенно-барской архитектуры тридцатыхъ годовъ. Фасадъ украшали восемь тяжелыхъ и безвкусныхъ колоннъ, увѣнчанныхъ трехъугольною крышею. Домъ былъ погруженъ въ мракъ и безмолвіе; окна, частью, заколоченныя, частью лишенныя рамъ и стеколъ, смотрѣли безжизненными глазами слѣпца.

Докторъ вынулъ изъ кармана дверной ключъ и отворилъ двери подъѣзда. Войдя въ сѣни, онъ пошарилъ рукою по подоконникамъ и скоро нащупалъ жестяной фонарь съ уцѣлѣвшимъ въ немъ сальнымъ огаркомъ. Онъ зажегъ свѣчу и сталъ подниматься по лѣстницѣ, во второй этажъ, освѣщая свой путь мерцающимъ свѣтомъ еще не разгорѣвшагося огарка. Взобравшись по лѣстницѣ, онъ пошелъ по длинному ряду пустыхъ комнатъ. Изъ глубокой тьмы стали, постепенно, вырисовываться и выдѣляться различные предметы старинной и тяжелой мебели, когда-то вызолоченной, а теперь покрытой пылью и плѣсенью, какія-то безформенныя очертанія свѣсившихся съ

Digitized by Google

карнизовъ портьеръ, оборванные обои и треснувшіе квадратики стариннаго паркета. По временамъ, свѣтъ фонаря падалъ на край позолоченной рамы, иногда онъ отражался и вспыхивалъ цвѣтнымъ огонькомъ на подвѣскахъ разбитой хрустальной люстры, порой освѣщалъ небольшія лужицы растаявшаго снѣга, наметеннаго, во время бывшихъ мятелей, въ углахъ комнатъ и на подоконникахъ разбитыхъ оконъ.

Нѣкоторыя изъ комнатъ, по которымъ проходилъ Кощунскій, были совершенно лишены мебели, другія были сплошь завалены какими-то пустыми деревянными ящиками. Тутъ-же лежали кучи рогожи и виднѣлись обрывки какихъ-то, свернувшихся въ безсильныхъ изгибахъ веревокъ. Иныя комнаты, напротивъ того, имѣли еще довольно жилой видъ, но эти комнаты такъ мало гармонировали съ окружающими ихъ пустотой, запущенностью и безлюдьемъ, что могли внушить лишь чувство странной робости и невольнаго смущенія.

Впрочемъ, докторъ Кощунскій врядъ-ли могъ испытывать эти чувства. Онъ шелъ твердою и увѣренною походкой, не развлекаясь обстановкою комнатъ, очевидно, уже нѣсколько ему знакомыхъ. Пройдя цѣлую амфиладу большихъ и малыхъ гостинныхъ, два зала и нѣсколько комнатъ неизвѣстнаго назначенія, онъ остановился въ большой и мрачной комнатѣ, обитой когда-то темнозеленымъ сафьяномъ, отъ котораго теперь остались на стѣнахъ лишь небольшіе обрывки. Посреди комнаты стоялъ огромный письменный столъ, покрытый влажною пылью и затянутый по угламъ, образуемымъ его ножками, густымъ слоемъ паутины. По стѣнамъ были разставлены книжные шкапы съ пустыми полками, на которыхъ кое-гдѣ валялось два-три книжныхъ переплета и нѣсколько пожелтѣвшихъ отъ времени газетныхъ листовъ. Разбитое зеркало блестѣло матовою поверхностью и утратило уже, отъ времени, свою способ-

Digitized by Google

ность отражать предметы. Въ одномъ изъ угловъ этого заброшеннаго кабинета, когда-то роскошнаго и уютнаго, были сложены огромныя гравюры, въ тонкихъ рамкахъ чернаго дерева съ разбитыми стеклами; въ другомъ лежала какими-то судьбами попавшая сюда большая вязанка дровъ; рядомъ съ нею валялось множество бутылокъ изъ-подъ шампанскаго. Между разнокалиберной мебелью довольно хорошо сохранилось большое кожаное кресло съ почти неповрежденной обивкой.

Войдя въ эту комнату, Кощунскій поставилъ свой фонарь и положилъ сакъ на письменный столъ и, послѣ небольшого раздумья, сталъ устраиваться въ ней, съ видомъ человѣка, которому предстоитъ долгое ожиданіе и который рѣшился быть терпѣливымъ.

IV.

Прежде всего, онъ приступилъ къ выгрузкѣ своего разнообразнаго багажа, давая многимъ вещамъ немедленное употребленіе. Сначала онъ вынулъ изъ мѣшка всѣ свои свѣчи и цѣлыя пачки восковыхъ, фосфорныхъ и, такъ называемыхъ, шведскихъ спичекъ. Свѣчи онъ тотчасъ же зажегъ и размѣстилъ по разнымъ угламъ комнаты, воткнувъ ихъ въ горлышки шампанскихъ бутылокъ, освобожденныхъ имъ изъ-подъ вязанки дровъ. Двѣ свѣчи онъ оставилъ на столѣ, по стольку же размѣстилъ на каждомъ изъ двухъ оконъ, а остальныя поставивъ на высокихъ книжныхъ шкапахъ. Освѣщеніе и возможность добыть свѣтъ, въ случаѣ, если-бы онъ отъ чего-нибудь мгновенно угасъ, были, очевидно, его главною заботою. Разложивъ спички почти во всѣхъ углахъ ком-

Digitized by Google

наты, онъ принялся вынимать изъ сака книги, письменный приборъ, записную тетрадь и, наконецъ, медикаменты. Вынувъ стклянки съ карболовою кислотою, въ чрезвычайно сильномъ растворѣ, и нѣсколько другихъ съ самыми разнообразными дезинфецирующими жидкостями, онъ сталъ, при помощи пульверизатора, опрыскивать этими жидкостями, иногда мѣняя ихъ, стѣны и мебель, причемъ съ особенною тщательностью дезинфецировалъ письменный столъ и придвинутое къ нему кожаное кресло. Вслѣдъ затѣмъ, онъ размѣстилъ на столѣ свертокъ магнія, термометръ Реомюра, банки съ нюхательными солями и спиртомъ, пеналь съ хининомъ и горчичники Риголо, которые онъ приготовилъ для немедленнаго употребленія, смочивъ ихъ въ небольшой лужицѣ снѣговой воды, накопившейся на подоконникахъ.

Всѣ эти странныя приготовленія молодой докторъ закончилъ тѣмъ, что вынулъ изъ кармана и положилъ на столъ свои часы—великолѣпный, по истинѣ, докторскій хронометръ, и револьверъ, оскалившій всѣ шесть стволовъ и позволявшій видѣть въ своей пасти шесть зарядовъ крупнаго колибра. Кромѣ того, онъ отвязалъ отъ ремня свой стилетъ и сунулъ его въ карманъ. Потомъ онъ старательно и неторопливо застегнулъ свое мѣховое пальто, нахлобучилъ круглую теплую шапочку и, сѣвъ въ кожаное кресло передъ столомъ, машинально развернулъ книгу и приготовился ждать.

Кругомъ стояла полнѣйшая, невозмутимая тишина.

Не было слышно ни звука ни съ пустынной улицы, ни изъ прилегающихъ комнатъ, покинутыхъ даже подпольными ихъ обитателями—мышами и крысами. Въ этой тишинѣ можно было разслышать біеніе человѣческаго сердца; что касается до тиканья часовъ, то оно было слышно вполнѣ ясно.

Свѣчи горѣли ярко, освѣщая каждую пядь комнаты: всѣ двери были притворены, и мракъ сосѣд-

Digitized by Google

нихъ помѣщеній не нарушалъ цѣлости впечатлѣнія, производимаго старымъ кабинетомъ, сравнительно спокойнымъ и уютнымъ.

Посидѣвъ нѣсколько минутъ въ кажущейся задумчивости, Кощунскій раскрылъ записную тетрадь и сталъ просматривать свои замѣтки.

Эти замѣтки, сдѣланныя мелкимъ и спокойнымъ почеркомъ, описывали чрезвычайно странныя явленія, которыхъ молодой докторъ былъ свидѣтелемъ. Тѣмъ не менѣе, разсказъ о призракахъ и галлюцинаціяхъ велся совершенно ровнымъ, увѣреннымъ тономъ и отличался строгою логическою послѣдовательностью. Въ нижней половинѣ каждой страницы находилось множество выносокъ, посредствомъ которыхъ были сдѣланы различные комментаріи, по всей вѣроятности, позднѣйшаго происхожденія.

Очевидно, что докторъ Кощунскій искалъ разгадки того, что называется сверхъестественнымъ, и, повидимому, былъ уже къ ней близокъ.

Дѣйствительно, онъ уже почти заканчивалъ свою оригинальную «теорію явленія призраковъ», теорію, обоснованную на строго научныхъ данныхъ и находившую фактическое подтвержденіе въ каждомъ изъ фантастическихъ опытовъ, изслѣдованій и наблюденій молодого ученаго.

Теорію эту, стремящуюся установить истинныя причины сверхъестественныхъ явленій, призраковъ и привидѣній, можно было-бы назвать «теоріей микробовъ».

Впрочемъ, изъ разсказовъ о таинственныхъ наблюденіяхъ и описаній чрезвычайныхъ впечатлѣній, испытанныхъ молодымъ изслѣдователемъ, трудно было составить полное и отчетливое понятіе объ этой теоріи. Нѣсколько больше свѣта проливали на нее подстрочные комментаріи доктора, постоянно трактующіе о существованіи, объ условіяхъ развитія и дѣятельности «лихорадочно-галлюцинаціонныхъ микробовъ»,

Digitized by Google

объ употребленіи противолихорадочныхъ средствъ, о дезинфекціи заброшенныхъ зданій и т. п. Впрочемъ, въ комментаріяхъ доктора, на ряду съ положеніями чисто физіологическаго характера, встрѣчались цѣлыя страницы, разбирающія психическія вліянія и воздѣйствія во всемъ, что касается «сверхъестественнаго».

Въ сосѣдней комнатѣ внезапно раздался легкій и сухой трескъ, какъ будто тамъ переломили небольшую и хорошо высушенную лучинку.

Кощунскій слегка вздрогнулъ, тотчасъ-же улыбнулся, потомъ посмотрѣлъ на свой хронометръ и, обмакнувъ перо въ дорожную чернильницу, сталъ покрывать мелкими и частыми строками новую страницу въ своей записной книгѣ:

«Сорокъ двѣ минуты одиннадцатаго. Комната въ домѣ, по наблюденіямъ, № 51. Зараженіе комнаты микробами довольно сильное. Дезинфекція была произведена тщательно. Продолжительность пребыванія въ комнатѣ—17 мин. 20 сек. Температура помѣщенія 4,9 град. по Реом. Положеніе тѣла — сидячее, удобное и спокойное. Пульсъ — нормальный. Нервныя явленія отсутствуютъ. Насыщеніе организма микробами выражается обычнымъ порядкомъ, такъ какъ первымъ симптомомъ явилась галлюцинація слуха. (См. наблюденія №№ 8, 15, 16, 27 и 29). Галлюцинація состояла въ легкомъ, короткомъ и сухомъ трескѣ. (Сравнить съ изслѣдованіями №№ 12 и 35). Нервнаго возбужденія не замѣчается и послѣ галлюцинаціи. Явленіе произвело, впрочемъ, впечатлѣніе неожиданности, такъ какъ мысль была обращена въ это время на другіе предметы. Вслѣдъ за выраженіемъ нѣкотораго испуга отъ неожиданности, послѣдовало выраженіе здороваго ироническаго отношенія къ галлюцинаціи».

Написавъ эти строки и сдѣлавъ справки въ описаніяхъ прежнихъ наблюденій, молодой человѣкъ снова предался размышленіямъ. Онъ думалъ о своей теоріи, о своемъ, несомнѣнно, великомъ открытіи, если

Digitized by Google

только удастся доказать его научнымъ путемъ. Послѣднимъ шагомъ въ его, и безъ того блестящей карьерѣ, долженъ быть трактатъ: «О микробахъ галлюцинаціи». Микробы галлюцинаціи это—особаго вида микроорганизмы, живущіе и развивающіеся въ старыхъ, давно заброшенныхъ зданіяхъ, спертый воздухъ которыхъ, вмѣстѣ съ тонкими и незамѣтными отдѣленіями гніющаго дерева, медленно истлѣвающихъ тканей и заплѣсневѣлыхъ, осыпающихся стѣнъ, представляетъ благодарную почву для ихъ возникновенія и развитія. Этимъ и объясняется, между прочимъ, что всѣ разсказы о случаяхъ явленія призраковъ и о цѣлыхъ фантасмагорическихъ событіяхъ, неизмѣнно пріурочиваются къ развалинамъ, необитаемымъ замкамъ, погребамъ и склепамъ. Иногда, впрочемъ, микробы переносятся и въ жилыя помѣщенія, гдѣ могутъ и получить развитіе, если только найдутъ благопріятныя условія для послѣдняго. Подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ видовъ дезинфецирующихъ веществъ, далеко, впрочемъ, не всѣхъ, а особенно съ притокомъ безукоризненно чистаго воздуха, развитіе галлюцинаціонныхъ микробовъ прекращается, хотя окончательное и совершенное ихъ уничтоженіе представляетъ задачу довольно трудную. Нѣсколько часовъ, а въ иныхъ случаяхъ и минутъ, проведенныхъ въ атмосферѣ, насыщенной этими микроорганизмами, производятъ въ человѣкѣ родъ отравленія, которое выражается лихорадочнымъ состояніемъ, нервнымъ возбужденіемъ и бредомъ. Отличительное свойство этого отравленія заключается въ вызываемыхъ имъ разнообразнѣйшихъ галлюцинаціяхъ сначала слуха, потомъ зрѣнія, а въ иныхъ случаяхъ—и осязанія. Галлюцинацій обонянія и вкуса не бываетъ. Крайнее возбужденіе нервной системы можетъ быть иногда причиною смерти. Галлюцинаціи имѣютъ исключительно тяжелый и мрачный характеръ. Призраки являются блѣдными, страшными, окровавленными. Звуки, ко-

Digitized by Google

торые слышитъ галлюцинатъ, носятъ такой-же печальный характеръ—стона, рыданій, звона и громыханья цѣпей. Такіе оттѣнки галлюцинацій обусловливаются, главнымъ образомъ, предварительнымъ настроеніемъ отравившагося вдыханіемъ микробовъ, а также и унылымъ, сумрачнымъ видомъ помѣщеній, въ которыхъ онѣ происходятъ. Само собой разумѣется, что степень нервности субъекта, подвергающагося отравленію микробами, а также степень его развитія, сила самообладанія, его темпераментъ, то или другое расположеніе духа въ данный моментъ,—все это даетъ свои оттѣнки явленіямъ отравленія. Въ общихъ чертахъ, однако, картина отравленія галлюцинаціонными микробами почти одна и та-же, какъ у каждой отдѣльной личности въ различныхъ случаяхъ отравленія, такъ и у различныхъ лицъ, отравляемыхъ микробами и сравниваемыхъ между собою.

V.

Въ такомъ, приблизительно, видѣ представлялись главныя положенія новой теоріи, которою онъ, Кощунскій, долженъ былъ сдѣлать шахъ и матъ всему сверхъестественному. Цѣлая литература фантастическаго, средневѣковыя преданія, мрачная поэзія призраковъ, цѣлый міръ фантазіи, все это должно будетъ преклониться предъ микробами Кощунскаго, демонстрировавшаго человѣческимъ глазамъ то, что хотѣла скрыть отъ нихъ природа.

Кощунскій, полузакрывъ глаза, мысленно приводилъ въ систему свое ученіе, еще безформенное, расплывающееся и не заключенное въ рамки научной доказательности и логической послѣдовательности.

Ничто не мѣшало усиленной работѣ его головы. Тишина, нарушенная однажды короткимъ трескомъ,

Digitized by Google

не прерывалась ни однимъ звукомъ. Казалось, эта тишина проникала въ организмъ человѣка и наполняла его холоднымъ, безразличнымъ спокойствіемъ. Это было почти абсолютное безмолвіе, заставлявшее прислушиваться къ себѣ. Дѣйствительно, тишину можно слышать, какъ звуки, и если прислушаться къ ней, то не трудно услышать тихій, размѣренный шепотъ, о которомъ существуетъ выраженіе: «шепчетъ тишина» и который объясняется приливами и движеніемъ крови.

Такая безусловная тишь стояла въ разоренномъ кабинетѣ, какъ-бы для того, чтобы ярче и рѣзче подчеркнуть страшный шумъ и трескъ, пронесшійся, внезапно, около самаго кресла, на которомъ сидѣлъ Кощунскій, и заставившій его безсознательно отодвинуться назадъ, вмѣстѣ съ тяжелымъ сидѣньемъ.

— Ого!—скорѣе подумалъ, чѣмъ произнесъ молодой изслѣдователь, овладѣвая собою.—Сегодня галлюцинаціи выражаются очень ярко. Впрочемъ, это вполнѣ естественно, потому что у меня не въ порядкѣ желудокъ, а моя маленькая лихорадка—чистая находка для моихъ воспитанниковъ—микробовъ.

Точно такой-же шумъ, похожій на порывъ осенняго вѣтра, не производившаго, однако, ни малѣйшаго колебанія воздуха, пронесся во второй разъ, нѣсколько тише и дальше отъ мѣста, занимаемаго Кощунскимъ.

— Самообладаніе дѣйствуетъ и на этотъ разъ, какъ всегда,—сказалъ онъ.—Шумъ, заставшій меня врасплохъ, казался для меня болѣе сильнымъ и близкимъ, чѣмъ этотъ второй порывъ, къ которому я успѣлъ приготовиться и сосредоточить свое вниманіе. Такъ и запишемъ.

И Кощунскій снова сталъ выводить строки своимъ бисернымъ почеркомъ.

«Пять минутъ двѣнадцатаго. Тѣ-же самыя—комната, мѣсто и положеніе. Продолжительность пре-

Digitized by Google

бываніа въ комнатѣ 40 мин. 20 сек. Термометръ 5,1° по R. (на 0,2° больше, что слѣдуетъ приписать горѣнію свѣчъ). Пульсъ нѣсколько ускоренъ. Продолжаются галлюцинаціи слуха. Маленькое нервное возбужденіе, выражающееся едва замѣтною дрожью и, какъ-бы, инстинктивнымъ желаніемъ помѣститься такимъ образомъ, чтобы сзади, за спиною, была сплошная стѣна, а не пустое пространство. Желаніе—какъ-бы стратегическаго свойства—видѣть опасность передъ собою, а не пускать ея за свою спину. (Сравнить съ однимъ изъ весьма характерныхъ симптомовъ нейрастеніи—съ боязнью пространства, въ различныхъ проявленіяхъ этой боязни)... Что касается до проявленій...»

Работа Кощунскаго была прервана самымъ неожиданнымъ образомъ. Двери, ведущія въ сосѣднюю комнату, отворились съ трескомъ и почти грохотомъ и открыли зіяющую темноту слѣдующей комнаты.

Кощунскій всталъ съ мѣста, потянулся и неторопливо направился къ этой распахнутой на обѣ половинки, съ вылинявшей краской, двери.

Когда онъ подошелъ къ ней, почти въ упоръ, и протянулъ руку, то рука эта встрѣтила холодную и нѣсколько сырую поверхность дерева.

— То-то и есть!—прошепталъ докторъ.—Я всегда зналъ, что осязаніе служитъ человѣку вѣрнѣе, чѣмъ зрѣніе. Нашъ зрительный аппаратъ слишкомъ нѣженъ и избалованъ... Надо, однако, принять мѣры...

Кощунскій снова вернулся къ письменному столу, взялъ стклянку съ нюхательною солью и поднесъ ее къ носу.

Вдыхая въ себя крѣпкія испаренія соли, онъ не сводилъ глазъ съ двери, которая казалась теперь опять отворенною. Чудилось, что, всмотрѣвшись внимательно, можно было разглядѣть предметы, находившіеся въ той комнатѣ.

Digitized by Google

Тѣмъ не менѣе, дѣйствіе нюхательной соли обнаружилось очень быстро. Какъ только докторъ смахнулъ слезы, выступившія на глаза отъ усиленнаго вдыханія, онъ снова увидѣлъ дверь запертою.

— То-то и есть!—повторилъ онъ еще разъ, какъ-бы торжествуя побѣду матеріальнаго надъ сверхъестественнымъ.

Торжество его было, однако, непродолжительно.

Едва онъ снова сѣлъ въ уютное, широкое кресло и наклонился надъ своею записною тетрадью, чтобы занести въ нее описаніе побѣды нюхательной соли надъ игрой одурманеннаго воображенія, какъ что - то, пришедшее извнѣ, заставило его поднять глаза. Была минута, когда онъ боролся съ собою и, съ величайшимъ усиліемъ воли, смотрѣлъ, не видя, на исписанныя страницы тетради. Но одного мгновенія, въ теченіи котораго онъ ослабилъ свое напряженіе, было достаточно, чтобы онъ поднялъ глаза.

По другой сторонѣ стола, въ полутора аршинахъ отъ него, живого существа изъ плоти и крови, сидѣлъ странный фантомъ.

VI.

Это была реальнѣйшая на видъ и ярко освѣщенная свѣчами фигура маленькаго и сухощаваго старика, одѣтаго въ бархатный халатъ коричневаго цвѣта и старомоднаго покроя. Лицо старика поражало своимъ безжизненнымъ цвѣтомъ.—Анэмія,—тотчасъ-же отозвался въ мозгу Кощунскаго докторъ. Толстыя, чувственныя губы старика были совершенно безкровны. Старческіе, слезящіеся, но еще довольно живые глаза призрака смотрѣли прямо и не мигая на Кощунскаго.

Творецъ новой теоріи призвалъ на помощь все свое самообладаніе, и оно не измѣнило ему и на этотъ разъ.

Digitized by Google

— Не можете-ли вы мнѣ сказать, какимъ образомъ вы здѣсь очутились?—внезапно спросилъ Кощунскій старика, и нѣсколько хриплый голосъ его прозвучалъ странными нотами въ мертвой тишинѣ опустѣлаго дома.

Старикъ добродушно улыбнулся.

— А что вы скажете,—продолжалъ Кощунскій, постепенно овладѣвая собою,—если я немножко дезинфецирую васъ вотъ этою жидкостью...— и при этихъ словахъ онъ направилъ на старика устьице пульверизатора, крѣпко нажавъ гуттаперчевый шарикъ. Распыленная жидкость опрыскала всю верхнюю часть фигуры.

Фантомъ, съ недовольнымъ видомъ, отряхнулъ лацканы своего халата, пожевалъ губами и неожиданно произнесъ:

— Вы противорѣчите своей теоріи.

Любопытство доктора взяло верхъ надъ его смущеніемъ и страхомъ; онъ облокотился обѣими руками на столъ, чтобы быть ближе къ старику, и спросилъ:

— Какимъ образомъ?

— Вѣдь, вы знаете, что я—ничто иное, какъ призракъ вашей-же собственной фантазіи. Зачѣмъ-же вы, въ такомъ случаѣ, опрыскиваете *меня* этою гадостью. Вы должны дѣйствовать не на меня, а на себя, на свою нервную систему и, по возможности, парализировать дѣйствіе микробовъ на вашъ мозгъ.

Кощунскій усмѣхнулся и произнесъ:

— Совершенно вѣрно-съ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вы ничто-иное, какъ порожденіе моей собственной фантазіи, отравленной спеціальными міазмами этого стараго сарая. И не подумайте, пожалуйста, что я говорю теперь съ вами. Я говорю самъ съ собой, и говорю вслухъ только для того, чтобы яснѣе формулировать свои нѣсколько сбивающіяся мысли. Что касается вашихъ рѣчей, то онѣ, въ свою очередь, ничто-иное, какъ мои собственныя мысли. А такъ какъ я одержимъ

Digitized by Google

теперь галлюцинаціями, то онѣ и представляются мнѣ мыслями, высказываемыми вами. Все это ясно, какъ Божій день. И если я закачу себѣ, къ затылку, хорошій горчичникъ, который меня покрѣпче нащиплетъ, то вашъ визитъ продолжится, вѣроятно, очень не долго.

И Кощунскій быстрымъ движеніемъ перегнулъ влажный листокъ горчичной бумаги и положилъ его себѣ на затылокъ.

— А если къ этому прибавить еще нѣсколько грановъ хинина, то наше знакомство съ вами и подавно прервется надолго.

Старикъ не отвѣтилъ по прежнему и саркастически наблюдалъ, какъ молодой докторъ систематически глоталъ пилюли, а потомъ сдѣлалъ нѣсколько вдыханій какого-то спирта, которымъ, кромѣ того, смочилъ себѣ лобъ и виски.

— У васъ очень богатый арсеналъ средствъ для борьбы съ привидѣніями,—иронически сказала фантастическая фигура, прерывая свое молчаніе.—Но ваша настоящая сила заключается не въ этихъ порошкахъ, пилюляхъ и стклянкахъ... Вы, вѣроятно, упустили изъ виду, что ваши галлюцинаціи, какъ вы ихъ называете, могутъ явиться въ такой формѣ, которая лишитъ васъ возможности прибѣгать къ употребленію всей этой дряни...

— Въ моемъ арсеналѣ есть кое-что и получше! — сказалъ докторъ, который казался опьянѣвшимъ, накладывая руку на лежавшій передъ нимъ револьверъ.

Старикъ засмѣялся. Сухая фигура его долго тряслась и колебалась въ порывахъ беззвучнаго смѣха.

— Ваши пилюли и горчичники не дѣйствуютъ! — воскликнулъ онъ, наконецъ. — Вы все еще не можете собраться съ мыслями. Вамъ должно быть хорошо извѣстно, что ваше оружіе совершенно безвредно для призрака. Оно можетъ быть опаснымъ только для васъ, если...

Digitized by Google

— Если имъ воспользуется самъ призракъ противъ меня? Вы это хотите сказать, не правда-ли?— докончилъ рѣчь фантома докторъ, казавшійся теперь очень оживленнымъ и даже веселымъ.

— Вовсе нѣтъ, — отвѣчалъ призракъ. — Для этого привидѣнію пришлось-бы нажать курокъ, т. е. выказать матеріальную силу, а это, по вашей теоріи, совершенно невозможно для того, что не существуетъ, а создано лишь бредомъ горячечнаго воображенія. Оружіе опасно для васъ потому, что, подъ вліяніемъ галлюцинаціи, вы сами можете уставить дуло револьвера въ свой ротъ или въ високъ...

Кощунскій крѣпко сжалъ голову руками, какъ-бы для того, чтобы пробудить въ ней способность мыслить и обсудить эти саркастическія, холодныя рѣчи призрака.

— Что касается насъ, «порожденій больной или отравленной фантазіи», какъ вы говорите, то мы владѣемъ тысячью средствъ показать свое могущество. Такъ, напримѣръ, я могъ-бы заледенить вашу кровь ужасами, о которыхъ не имѣетъ понятія ничто живущее на землѣ. Я могъ-бы заставить разорваться ваше сердце, при видѣ ничтожной части того, что дѣлается въ предѣлахъ видимаго міра. Я могъ-бы населить вашъ мозгъ такими идеями, отъ которыхъ мгновенно сѣдѣютъ волосы и бѣжитъ сила, одухотворяющая вашъ бренный и ничтожный организмъ.

Призракъ говорилъ и, одновременно съ его рѣчами, заброшенный кабинетъ, казалось, оживалъ и населялся. Въ одномъ изъ угловъ комнаты, въ мерцающемъ свѣтѣ нагорѣвшихъ свѣчъ, клубились и волновались какія-то смутныя и неопредѣленныя очертанія нѣсколькихъ нагихъ, но безжизненныхъ человѣческихъ тѣлъ, нагроможденныхъ грудою и, казалось, извивавшихся въ какой-то кровопролитной схваткѣ или смертельной агоніи. Свѣчи, стоявшія на окнахъ, погасли почти моментально, какъ-бы отъ порыва сильнаго вѣтра, и фосфорическій свѣтъ, вкравшійся

Digitized by Google

извнѣ, освѣщалъ гнусную и омерзительную сцену насилія, совершаемаго дряхлымъ и отвратительнымъ старикомъ надъ блѣдною, скелетообразною дѣвочкою-ребенкомъ. Фантастическія тѣни темнѣли и сгущались; онѣ надвигались къ письменному столу, росли и умножались. Страшнѣе всего казались смутные шорохи и тысяча дыханій, раздававшихся за спиною Кощунскаго. Мрачный кабинетъ продолжалъ наполняться странными и ужасными порожденіями горячечнаго бреда и уже становился для нихъ слишкомъ тѣснымъ. Въ книжныхъ шкафахъ, подъ вязанкою дровъ, наконецъ, подъ столомъ, у самыхъ ногъ доктора, копошилось что-то безформенное, отвратительное и ужасное. Это была какая-то оргія привидѣній, о которой не можетъ дать даже приблизительнаго представленія самое точное и самое художественное описаніе, какъ не можетъ оно дать понятія о смутномъ и таинственномъ сновидѣніи.

Кощунскій былъ пораженъ не столько смущеніемъ или страхомъ, сколько сознаніемъ своего физическаго безсилія и неподвижности. Руки его, будто пораженныя параличемъ, лежали вдоль тѣла; голова, противъ воли, упала на грудь, и вся жизнь, казалось, ушла въ зрѣніе и слухъ, чтобы видѣть и слышать все, что происходитъ и, главное, что произойдетъ въ этомъ мрачномъ домѣ, въ такой ужасной степени зараженномъ микробами.

VII.

— Микробы!

Это слово мгновенно возвратило ему всю физическую и нравственную бодрость. Въ немъ, въ этомъ словѣ, заключалась его теорія; оно должно было за-

Digitized by Google

ставить прогремѣть его имя и завершить его карьеру. Что значила, что могла значить вся эта театральная, балаганная чертовщина, этотъ бредъ больной головы, опьяненной вдыханіемъ плѣсени и гнили, передъ блестящей карьерой тамъ, въ шумномъ богатомъ городѣ, на виду всѣхъ сверстниковъ и товарищей по наукѣ, въ пышныхъ салонахъ и изукрашенныхъ будуарахъ, среди женщинъ, славы, наслажденій, среди всего, что покупается такъ дорого и для чего нужны деньги, нужна карьера!

И Кощунскій выпрямился съ силою и гибкостью стальной полосы. Призраки окружали его сплошной стѣной; холодное дыханіе ихъ охватывало его со всѣхъ сторонъ. По спинѣ неслись холодные токи; глаза застилало темное облако; дыханіе прерывалось. Еще нѣсколько секундъ — и онъ могъ-бы лишиться сознанія, отдать себя этой страшной толпѣ и унестись въ ея міръ таинственныхъ ужасовъ.

Въ приливѣ чрезвычайнаго нервнаго возбужденія, поднявшаго на головѣ его дыбомъ волосы, Кощунскій схватилъ со стола свертокъ проволоки магнія, зажегъ эту проволоку на огнѣ свѣчи и въ то-же самое время, схвативъ свободной рукою ланцетъ, сдѣлалъ глубокій разрѣзъ на рукѣ, державшей проволоку.

Магній вспыхнулъ яркимъ, совершенно электрическимъ, по силѣ и чистотѣ, свѣтомъ и, почти одновременно, изъ руки, державшей проволоку, брызнула струя крови, сначала темной, почти черной, но дѣлавшейся все ярче и алѣе.

Бѣлый, ослѣпительный свѣтъ ярко озарилъ пустую комнату, въ отдаленныхъ углахъ которой расплывались какія-то дымки и неслись, исчезая въ скважинахъ дверей и оконъ, голубоватыя, будто дымныя, струйки. Только одна фигура оставалась на своемъ мѣстѣ—фигура старика въ коричневомъ бархатномъ халатѣ.

Digitized by Google

Кровь лилась изъ вскрытой руки доктора тонкою, но непрерывною струею и, съ каждымъ новымъ мгновеніемъ, стихалъ шумъ и звонъ, раздававшійся въ его ушахъ, прояснялись глаза и освобождалось спертое дыханіе.

— Теперь немножко свѣжаго воздуха, и отравленіе излечено,—сказалъ докторъ яснымъ и твердымъ голосомъ.—Кстати, я замѣчаю,—прибавилъ онъ, обращаясь къ фигурѣ старика въ халатѣ,—что вы тоже теряете свой цвѣтъ и опредѣленность очертаній.

Съ этими словами Кощунскій всталъ изъ-за стола и направился къ окну, съ очевиднымъ намѣреніемъ открыть его. Дойдя до половины комнаты, онъ, какъ-бы передумавъ, вернулся назадъ.

— Еще одинъ, послѣдній опытъ!—сказалъ онъ, обращаясь къ сидѣвшей у стола фигурѣ, очертанія и цвѣта которой были уже не такъ ярки и рѣзки, какъ прежде.—Я надѣюсь, что вы не посѣтуете, если я пойду къ окну черезъ васъ, или, вѣрнѣе, сквозь васъ. Какъ призраку, вамъ это не будетъ чувствительно, а для меня это—не малая побѣда надъ своими нервами, которые, впрочемъ, уже почти окрѣпли.

И онъ, дѣйствительно, твердою поступью, пошелъ прямо на старика. Пройти «сквозь» него ему, однако, не удалось, такъ какъ странный фантомъ мгновенно исчезъ предъ нимъ и снова возникъ или матеріализировался за его спиной.

Кощунскій распахнулъ окно, вдохнулъ нѣсколько глотковъ свѣжаго воздуха и, возвращаясь назадъ, снова увидѣлъ знакомое привидѣніе.

— Ну, все равно,—сказалъ онъ.—Вы, и такъ, пробудете здѣсь не долго... И, вообще, я очень жалѣю, что вы—лишь призракъ моего воображенія... и не можете отдать справедливости моей силѣ и моей теоріи!

Произнеся эти слова, молодой докторъ занялся перевязкою своей пораненной руки. Фигура блѣднѣла

Digitized by Google

и теряла свою кажущуюся осязаемость. Мнимая жизнь ея сверкала лишь въ старческихъ, углубленныхъ глазахъ.

— О, нѣтъ... я могу отдать справедливость и вашей силѣ, и вашей теоріи,— заговорилъ фантомъ слабымъ голосомъ, звуки котораго также угасали, какъ угасала вся его фигура.—Ваша сила есть, въ то-же время, ваше безсиліе. Что касается вашей теоріи, то она можетъ показаться новою лишь немногимъ. Для васъ она также не можетъ считаться новою. Она составляетъ лишь продолженіе тѣхъ теорій, на которыхъ построено все ваше существованіе, нравственное и матеріальное... Вы стремитесь подчинить разсудку то, что *должно* быть выше его. На всѣ случаи жизни, на всякія движенія сердца у васъ есть въ запасѣ готовыя теоріи: для чувства любви, для каждаго біенія сердца, для всякаго честнаго и молодого порыва, для всего на свѣтѣ. Да, у васъ найдется холодная теорія, нагло и грубо освѣщающая и материнскую нѣжность, и беззавѣтную страсть молодости, и героическое самопожертвованіе, и благородную гордость, и горячій патріотизмъ. Вы, тридцатилѣтній мудрецъ, хотите получить отъ жизни то, что она даетъ человѣку только въ глубокой старости,— увѣренность опыта и холодъ разсудка, и въ этомъ заключается ваше безсиліе. Вы, холодный эгоистъ, стремитесь подчинить нравственное существованіе идеѣ матеріальнаго, и въ этомъ заключается ваше наказаніе!

Фигуры старика въ комнатѣ больше не было, хотя послѣднія слова еще звучали въ воздухѣ. Въ окно врывался холодный ночной вѣтеръ. На дворѣ начинало морозить. Кощунскій вышелъ изъ задумчивости и осмотрѣлся кругомъ.

— Кончилось,—сказалъ онъ со вздохомъ облегченія.—Галлюцинаціи кончились. Моя теорія совершенно вѣрна: все дѣло заключается въ отравленіи

Digitized by Google

организма міазмами покинутыхъ зданій. Половина второго. Теперь—домой, за работу.

Онъ методически собралъ свои вещи, погасилъ свѣчи, зажегъ фонарь и отправился въ обратный путь, аккуратно заперевъ двери запустѣлаго дома, столь обильно зараженнаго «микробами галлюцинацій».

Проходя по двору, онъ зашелъ въ сторожку дворника. Неторопливо снявъ съ двери висячій замокъ и найдя сторожа спящимъ тяжелымъ, лихорадочнымъ сномъ, онъ положилъ на столъ нѣсколько мелкихъ кредитныхъ билетовъ, вмѣстѣ съ желѣзнымъ замкомъ.

У забора уже стояла его карета, и докторъ Кощунскій отправился домой записывать свои наблюденія на сеансѣ № 51.

VIII.

Со времени страннаго вечера, проведеннаго докторомъ Кощунскимъ въ домѣ, зараженномъ микробами, прошло не болѣе двухъ недѣль, хотя число, обозначающее годъ, писалось уже съ иною цифрою на концѣ. Молодой человѣкъ безвыходно сидѣлъ въ своей роскошной квартирѣ, совершенно позабывъ поддерживать свои «связи», которымъ придавалъ обыкновенно такое большое значеніе, и постепенно теряя своихъ многочисленныхъ, великосвѣтскихъ кліентовъ. Своей красавицѣ-невѣстѣ, дочери одного изъ тѣхъ богачей, имена которыхъ извѣстны въ Россіи на перечетъ, онъ послалъ извѣщеніе о своемъ нездоровьѣ, которымъ онъ хочетъ воспользоваться, чтобы привести въ порядокъ свой новый трудъ.

«Произведеніе это,—писалъ онъ дѣвушкѣ, которая его боготворила и передъ которой онъ давно пе-

Digitized by Google

ресталъ стѣсняться въ выраженіи своихъ замысловъ,— должно завершить то зданіе, на постройку котораго я положилъ всѣ силы моей души. Оно должно сдѣлать имя вашего будущаго мужа и, стало быть, ваше имя извѣстнымъ во всѣхъ уголкахъ этой маленькой частицы мірозданія, которая называется «землею» и которую я считаю слишкомъ малой, чтобы вмѣстить въ себѣ чувство моего честолюбія. Вы знаете, впрочемъ,—добавлялъ онъ мимоходомъ,—что мое честолюбіе, моя гордость, сознаніе силы — все это имѣетъ источникомъ другое, болѣе чистое и возвышенное чувство—моей любви къ вамъ».

Кощунскій, дѣйствительно, былъ занятъ приведеніемъ въ порядокъ своихъ многочисленныхъ набросковъ и справокъ, перечитываніемъ источниковъ и обработкою положеній, долженствующихъ войти въ его обширный и оригинальный трудъ, подъ названіемъ «Фантасмоскопія» *).

Однажды,—это было въ одинъ изъ вечеровъ, относящихся ко времени «святокъ», ко времени, какъ извѣстно, полному странной таинственности и фантастической поэзіи, — молодой докторъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, за письменнымъ столомъ, совершенно заваленный книгами, тетрадями, замѣтками на мелкихъ клочкахъ бумаги и цѣлыми кипами исписанныхъ листовъ. Сюда, въ этотъ роскошный кабинетъ, застланный пушистыми коврами и завѣшанный толстыми бархатными портьерами, не проникало ни одного звука уличной суматохи, веселаго шума и праздничнаго оживленія.

Кощунскій работалъ съ чрезвычайною сосредоточенностью и вниманіемъ. Каждое слово, готовое перейти съ острія его пера на бѣлый листъ бумаги, онъ выбиралъ и взвѣшивалъ, какъ ювелиръ взвѣши-

---

*) Фантасмоскопія — болѣзнь, при которой захворавшій видитъ привидѣнія и призраки.

Digitized by Google

ваетъ и сортируетъ алмазы. Каждое положеніе онъ иллюстрировалъ цитатами, ссылками и указаніями и каждую страницу трактата—блестящими афоризмами, остроумными примѣрами и оригинальными сравненіями.

За этой работой, въ которой яркое дарованіе вошло въ союзъ съ упорнымъ трудолюбіемъ, онъ просидѣлъ около шести часовъ, не поднимаясь съ мѣста. Утомленный работой и обезсиленный нервнымъ возбужденіемъ, онъ расправилъ свои онѣмѣлые члены и, оторвавъ глаза отъ исписанныхъ листовъ бумаги, устремилъ безпредметный взоръ на противоположную стѣну.

На этой стѣнѣ, въ вычурной, рѣзной рамѣ чернаго дерева, висѣлъ великолѣпный портретъ Кощунскаго, писанный художникомъ, имя котораго произносилось въ то время, какъ синонимъ геніальности. Портретъ отличался чрезвычайною жизненностью лица и фигуры.

Въ безразличной полутьмѣ огромнаго кабинета, Кощунскій—нарисованный казался живѣе Кощунскаго—оригинала.

Казалось, въ этой комнатѣ находилось два человѣка. У обоихъ лица смотрѣли съ одинаковымъ выраженіемъ усталости въ прекрасныхъ глазахъ. Крѣпко сжатыя губы имѣли одно и то-же выраженіе увѣренности и непреклонной рѣшимости у обоихъ, и характерный подбородокъ, выражающій твердую волю у одного, повторялся въ мельчайшихъ чертахъ у другого.

Кощунскій смотрѣлъ на портретъ сначала разсѣянно, но потомъ сталъ разсматривать его со вниманіемъ, возраставшимъ все больше и больше.

— Что это?—воскликнулъ онъ, наконецъ.—Игра воображенія? Привычка галлюцинировать? О, это было-бы уже слишкомъ,—прибавилъ онъ, содрогаясь.—Или, можетъ быть, таскаясь по зараженнымъ домамъ, я занесъ сюда и отравляющіе организмы.

Digitized by Google

Онъ устремилъ на портретъ взглядъ, которымъ, казалось, спрашивалъ отвѣта у своего изображенія.

— О, это вздоръ... это чистѣйшій вздоръ!—вскричалъ онъ.—Портретъ отличается поразительнымъ сходствомъ: мнѣ прожужжали всѣ уши, удивляясь этому сходству... Но какимъ-же образомъ можетъ старѣть лицо, нарисованное на полотнѣ масляными красками?!. Если-бы даже въ послѣдніе два года я и успѣлъ постарѣть, то мой портретъ, все-таки, долженъ сохранить прежнюю молодость... Откуда-же эти впалые, тусклые глаза? Отчего легло на это лицо выраженіе такой апатіи, такой холодной и пассивной покорности?.. И гдѣ-же свѣжесть красокъ, такъ удачно передававшихъ блескъ моихъ глазъ? Какимъ образомъ могъ заостриться этотъ носъ и поблѣднѣть губы?

Сильной рукою Кощунскій схватилъ со стола большой канделябръ съ пятью свѣчами и поднесъ его къ полотну.

— Я галлюцинирую,—прошепталъ онъ со страхомъ.—Я галлюцинирую здѣсь, въ своемъ кабинетѣ, при полномъ отсутствіи условій для галлюцинаціи. Я вижу... я до осязаемости вижу цѣлую сѣть мелкихъ морщинокъ... вотъ, здѣсь, вокругъ глазъ... и эти двѣ глубокія морщины около губъ... Вѣдь, это—лицо шестидесятилѣтняго старика. Знакомое лицо, но не мое... Оно не можетъ быть моимъ ни въ какомъ случаѣ!.. Это—воплощеніе старости, съ ея безсиліемъ, злобою, завистью... Все, все, что угодно судьбѣ, только не старость, не слабость тѣла, не угасаніе ума!

Докторъ Кощунскій совсѣмъ не походилъ теперь на того Кощунскаго, который былъ полонъ сознаніемъ своей нравственной силы и исполненъ отрицаніемъ всего, что не можетъ быть объяснено естественнымъ и научнымъ путемъ. Теперь онъ не чувствовалъ подъ собою почвы, которую давала ему его теорія, и отступалъ передъ призраками, которыхъ вызывалъ прежде съ такимъ безусловнымъ спокойствіемъ. На лицо его

Digitized by Google

легъ оттѣнокъ бури, бушевавшей въ его душѣ. Глаза ввалились почти моментально. Вокругъ рта легли глубокія морщины. Краски мгновенно сбѣжали съ его лица, и особенно рѣзко выдѣлилась на немъ бѣлая черта блѣдныхъ, безкровныхъ губъ.

Въ это время Кощунскій подошелъ къ зеркалу и освѣтилъ канделябромъ искривленное страхомъ лицо, на этотъ разъ лицо оригинала, а не портрета.

— Это—галлюцинація!—шепталъ онъ лихорадочнымъ голосомъ. — Мнѣ некогда было постарѣть... И, къ тому-же, я долженъ сдѣлать еще слишкомъ, слишкомъ многое... О, я еще успѣю!.. Молодость—это сила, успѣхъ, вліяніе... а старость—забвеніе, слабость, вымороченность... И этому успѣху я принесъ въ жертву слишкомъ многое. Я отдалъ ему всѣ идеалы, всѣ стремленія молодости, всѣ движенія порабощеннаго сердца... Я еще успѣю довершить свое дѣло до конца... И успѣхъ не оставитъ своего жреца!..

Кощунскій снова усѣлся за свой письменный столъ.

— Я слишкомъ заработался и мнѣ слѣдовало-бы отдохнуть. Однако, было-бы нелѣпо не воспользоваться этимъ страннымъ приключеніемъ. Необходимо описать его, попытаться сдѣлать анализъ... О, я съумѣю проанализировать эти новыя для меня ощущенія лихорадочнаго, безпричиннаго страха и разобраться въ хаосѣ этихъ ужасныхъ мыслей.

Блѣдный, съ прилипшими ко лбу, мокрыми отъ пота волосами, Кощунскій принялся за работу, трясясь, вздрагивая и стуча зубами отъ ощущенія внутренняго холода, источникомъ котораго могла служить столько-же лихорадка, сколько ощущеніе смертельнаго страха.

Digitized by Google

IX.

Все слѣдующее утро двери кабинета въ квартирѣ доктора Кощунскаго были заперты извнутри. Часовая стрѣлка приближалась уже къ цифрѣ 11, а двери не отворялись. На осторожные и почтительные оклики, въ кабинетѣ никто не отзывался. Многочисленная и великолѣпно выдержанная прислуга доктора, послѣ продолжительнаго совѣщанія сначала между собою, а потомъ и съ посторонними, рѣшилась дать знать, кому слѣдуетъ, что у нихъ въ квартирѣ совершилось что-то недоброе. Прошелъ еще часъ. На громкіе крики и стукъ въ двери, по прежнему, не было никакого отвѣта. Тогда двери были выломаны.

Въ кабинетѣ нашли цѣлые вороха исписанныхъ листовъ и отдѣльныхъ клочковъ бумаги. По столамъ были разбросаны книги. Все остальное въ комнатѣ находилось въ порядкѣ. Хозяина кабинета въ немъ не было.

Очевидно, въ квартирѣ доктора не случилось ничего особеннаго. Нельзя было заподозрѣть здѣсь какого-либо преступленія и, тѣмъ менѣе, самоубійства. Довольно большія суммы денегъ лежали незапертыми въ ящикахъ бюро; драгоцѣнныя вещи также находились въ полной сохранности; даже платье, въ томъ числѣ всѣ теплыя и мѣховыя вещи, находилось на своихъ мѣстахъ; мебель и вся великолѣпная, снабженная тысячью мелочныхъ украшеній, обстановка была въ полномъ порядкѣ и не носила слѣдовъ какого-либо особеннаго движенія въ комнатѣ. Мысль о самоубійствѣ совершенно исключалась отсутствіемъ всякихъ признаковъ этого послѣдняго акта человѣческой драмы. Не находилось ни писемъ, ни записокъ, ни завѣщанія, не говоря уже объ отсутствіи трупа; при томъ-же все наличное оружіе доктора Кощунскаго,

Digitized by Google

по удостовѣренію всей прислуги, находилось на своихъ обычныхъ мѣстахъ. Словомъ, и въ кабинетѣ, и во всей квартирѣ, все было въ безусловномъ порядкѣ; не могли найти только владѣльца этой квартиры.

Совершенно невозможно было предположить, чтобы докторъ незамѣтнымъ образомъ вышелъ изъ дома, такъ какъ дверь кабинета была заперта *извнутри*; квартира Кощунскаго находилась къ тому-же въ третьемъ этажѣ, и онъ не могъ выйти изъ нея иначе, какъ въ двери. Окна кабинета имѣли двойныя рамы и не носили никакихъ слѣдовъ поврежденій.

Однимъ словомъ, Кощунскаго въ его квартирѣ не было, и оставалось ожидать его «возвращенія», если только можетъ возвратиться тотъ, кто никуда не уходилъ и никуда не отлучался.

Было рѣшено при этомъ не поднимать напрасныхъ тревогъ, хотя и стараться собрать какія-нибудь свѣдѣнія о молодомъ докторѣ и его столь странномъ исчезновеніи.

Прошло нѣсколько дней, но Кощунскій не возвращался. Тревога разнеслась по огромному городу и породила самые чудовищные слухи. Точныя и разностороннія справки не выясняли ровно ничего, сколько-нибудь заслуживающаго вниманія.

Въ городѣ, между тѣмъ, продолжали циркулировать самые нелѣпые толки: говорили о бѣгствѣ Кощунскаго за границу, о его самоубійствѣ, совершенномъ въ припадкѣ отчаянія, когда онъ убѣдился, что его теорія его обманула; говорили, что онъ заключенъ въ домъ сумасшедшихъ своими собратьями по наукѣ, которые завидовали его талантливости и его житейскимъ успѣхамъ, а особенно не могли простить ему его новыхъ открытій, подкапывавшихъ все старое зданіе ихъ науки.

Само собой разумѣется, что всѣ эти розсказни не имѣли ни одной черты правдоподобія. Слухи о странномъ исчезновеніи доктора Кощунскаго дошли и

Digitized by Google

до простого народа, и этотъ простой, безхитростный людъ врядъ-ли былъ очень далекъ отъ истины, когда старики говорили, покачивая своими сѣдыми головами:

— Пропалъ! Не умеръ, не уѣхалъ, а пропалъ, да и все тутъ. Это бываетъ, что пропадаютъ иногда люди. И никогда ихъ больше не находятъ, ни живыми, ни мертвыми.

Очевидно, что старые люди соединяли со словомъ «пропалъ» какой-то особенный смыслъ, страшный и таинственный смыслъ исчезновенія человѣка невѣдомымъ и неестественнымъ путемъ, еще болѣе ужаснымъ, чѣмъ самая смерть.

Дѣйствительно, Кощунскаго больше не видѣли ни живымъ, ни мертвымъ.

Что касается пересказа этой «городской легенды», которыми шумные и оживленные города богаты не меньше темныхъ лѣсовъ и горныхъ ущелій, то пересказъ этотъ сдѣланъ со словъ людей, хорошо знававшихъ доктора Кощунскаго, а также и на основаніи его замѣтокъ, впрочемъ, далеко неоконченныхъ, смутныхъ и сбивчивыхъ.

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЯ ПОКОЙНИКА.

Digitized by Google

Digitized by Google

Я не буду описывать моей жизни уже потому, что она не поддается описанію. Довольно сказать, что я былъ счастливъ до того, что мнѣ даже становилось совѣстно. Это невольное чувство стыда напоминаетъ мнѣ ощущенія игрока, когда судьба начинаетъ дурачиться и самымъ нелѣпымъ образомъ позволяетъ, мало того,—принуждаетъ, насильно заставляетъ обыгрывать всѣхъ окружающихъ его.

У меня была жена... Я говорю: была,—несмотря на то, что она до сихъ поръ жива и здорова, но дѣло въ томъ, что самъ-то я... впрочемъ, объ этомъ рѣчь впереди.

Моя жена была святая женщина, отдавшая свое сердце, вмѣстѣ съ молодостью и красотою, мнѣ, — а свои заботы, умъ и досуги нашимъ дѣтямъ.

Мои успѣхи на поприщѣ служебной дѣятельности внушали зависть всѣмъ меня знавшимъ, а благовоспитанность моихъ дѣтей была образцова. Я былъ счастливъ даже въ мелочахъ: мои начальники, здороваясь, подавали мнѣ всѣ пять пальцевъ, друзья никогда не занимали у меня денегъ, знакомые не пріѣзжали безъ зова и не заставали меня въ халатѣ. Кромѣ того, я счастливо игралъ на биржѣ, никогда не попадала мнѣ въ супъ муха, и не случалось, чтобы шелъ дождь во время моей прогулки.

И вдругъ...

Это случилось въ пятницу, 16 декабря 188... года, день, который никогда не изгладится изъ моей

Digitized by Google

памяти. Наканунѣ, какъ теперь помню, я вернулся со службы домой, сытно пообѣдалъ, вкусно поцѣловалъ Варю и, скоротавъ остальное время дружескимъ винтомъ, легъ въ постель для того, чтобы на слѣдующее утро проснуться мертвымъ!... Т. е., я не совсѣмъ точно выразился, я уснулъ, чтобы больше не просыпаться... Мои впечатлѣнія живого человѣка заканчиваются, именно, этимъ винтомъ, въ который я выигралъ 2 р. 30 к., навсегда для меня потерянныхъ; все-же, что случилось со мною послѣ, и составляетъ предметъ моихъ настоящихъ записокъ.

Наступила пятница, 16 декабря. До меня донесся едва слышно, какъ будто-бы издали, звукъ часовъ, которые пробили девять... Я чувствовалъ, что уже не сплю, но, тѣмъ не менѣе, никакъ не могъ проснуться.

Въ моемъ воображеніи носились еще неясные, скомканные обрывки грезъ. Въ то время, когда я мысленно и, казалось, сквозь сонъ, читалъ себѣ нотацію о пользѣ и даже необходимости ранняго вставанья, до меня донесся громкій плескъ воды. Это меня заинтересовало. Я хотѣлъ открыть глаза, но съ удивленіемъ замѣтилъ, что они уже открыты, такъ какъ вѣки были приподняты, хотя я ровно ничего не видѣлъ. Ужасная мысль о томъ, что я ослѣпъ, промелькнула въ моей головѣ. Я хотѣлъ закричать, но языкъ мнѣ не повиновался и горло не издавало никакого звука.—Что это такое?—думалъ я.—Продолженіе сна?—кошмаръ? Это не можетъ быть сномъ, потому что я слишкомъ хорошо сознаю свое положеніе. Можетъ статься, параличъ?—Я собралъ всѣ силы, чтобы приподняться, но мнѣ не удалось пошевелить даже пальцемъ. Въ это время я почувствовалъ, какъ четыре дюжія руки очень неосторожно приподняли меня съ постели и положили на холодный полъ моей спальни. Я терялся въ догадкахъ и предположеніяхъ. Иногда мнѣ казалось, что я сошелъ съ ума.

Digitized by Google

Между тѣмъ, четыре руки начали тереть мое тѣло жесткой мочалкою и поливать его теплой водою. Недоумѣніе мое росло съ каждою минутою. Меня причесали, одѣли въ новую мундирную пару, о чемъ я догадался по стуку отпираемаго шкафа, въ которомъ она находилась; перенесли въ залу, гдѣ приподняли и положили на что-то жесткое. Это былъ столъ, какъ я убѣдился впослѣдствіи...

Такимъ образомъ, я понялъ весь ужасъ моего положенія. Обмываютъ и кладутъ на столъ только покойниковъ,—слѣдовательно, я умеръ! Я мысленно нѣсколько разъ повторилъ это слово—умеръ... Я умеръ!— И нашелъ, что оно звучитъ нелѣпо и странно. Этотъ глаголъ никакъ не можетъ имѣть формы перваго лица единственнаго числа прошедшаго времени. Можно сказать: умираю, умру, онъ умеръ, но я ум...

Я плюнулъ, мысленно, потому что, по прежнему, не могъ пошевелить ни однимъ мускуломъ.

Итакъ, я отвергалъ всякую возможность подобнаго приключенія, тѣмъ болѣе, что составилъ себѣ о смерти совершенно иное понятіе. Однако, неподвижность тѣла, ощущеніе страшнаго холода въ конечностяхъ, полное отсутствіе біенія сердца,—все это приводило меня въ крайнее недоумѣніе.

Въ передней раздался звонокъ, потомъ я услышалъ шумъ шаговъ и голоса нѣсколькихъ человѣкъ, между которыми я легко различилъ серебристый тенорокъ нашего приходскаго батюшки и октаву отца-дьякона.

— Дѣло дрянь!—подумалъ я совершенно искренно.—Значитъ, я, дѣйствительно... Такъ вотъ, что такое смерть! Я ожидалъ совсѣмъ другого!...

Я попробовалъ формулировать свое мнѣніе о смерти, и у меня сложилось опредѣленіе, приблизительно, слѣдующее: «Нравственная сущность человѣка остается въ прежнемъ, нормальномъ состояніи. Человѣкъ со-

Digitized by Google

храняетъ способность мыслить и чувствовать, но тѣло его становится неподвижнымъ, сердце перестаетъ биться и всѣ отправленія организма прекращаются. Внѣшнія чувства, какъ, напр., слухъ, сохраняютъ въ извѣстной степени свою дѣятельность, хотя, можетъ быть, только на время, такъ какъ я читалъ гдѣ-то, что послѣднимъ въ человѣкѣ умираетъ, именно, чувство слуха».

Пока я приводилъ, такимъ образомъ, въ порядокъ свои новыя ощущенія и мирился съ странною дѣйствительностью, небольшая гостинная моей уютной квартирки наполнялась народомъ. Шумъ голосовъ напоминалъ мнѣ жужжаніе пчелинаго роя и, къ удивленію, вовсе не соотвѣтствовалъ печальной торжественности событія своимъ мажорнымъ, доходившимъ до веселости, тономъ. Вокругъ меня раздавались шуточки, остроты, прозрачные намеки на положеніе моей жены, оставшейся вдовою, а въ ближайшемъ ко мнѣ углу комнаты собрались пять или шесть человѣкъ моихъ бывшихъ друзей и... разбирали мою земную дѣятельность. Я выразился такъ изъ присущей мнѣ щекотливости; они, просто на просто, злословили и клеветали на меня въ перегонку, —благо, я лежалъ на столѣ и не могъ пошевелить пальцемъ для своей защиты. Изъ ихъ оживленныхъ толковъ я узналъ много для меня новаго и очень мало лестнаго. Оказалось, напримѣръ, что моими успѣхами по службѣ я обязанъ моей пронырливости, низкопоклонничеству и еще чему-то, о чемъ они заговорили шепотомъ; мое относительное благосостояніе являлось результатомъ... Я никакъ не могу приноровиться къ ихъ сжатымъ, но выразительнымъ опредѣленіямъ, вродѣ: нахальство, низость и т. п., поэтому скажу: являлось результатомъ гибкости моихъ убѣжденій. Даже самая моя смерть была приписана послѣдствіямъ горькаго пьянства, и всѣ единодушно рѣшили, что общество ровно ничего не потеряло, лишившись такого члена, какъ я.

Digitized by Google

Въ моихъ мысляхъ мелькалъ уже проектъ жалобы мировому объ оскорбленіи на словахъ; я даже совершенно забылъ, что уже умеръ...

Припадокъ раздраженія, тѣмъ болѣе сильнаго, что я ничѣмъ не могъ его выразить, заставилъ меня, если только я не ошибаюсь, покраснѣть. Мнѣ было стыдно за нихъ, моихъ задушевныхъ друзей. Казалось, еще не много, и я нашелъ-бы въ себѣ силы подняться со стола и расплатиться съ ними за непрошенное составленіе моего некролога. Когда я сталъ нѣсколько успокоиваться и кровь отлила отъ моего лица, ко мнѣ внезапно и неожиданно вернулось чувство зрѣнія. Я сталъ сомнѣваться въ моей смерти и тутъ-же (такова ужь натура человѣка!) въ самомъ потаенномъ уголкѣ моего сердца зародилась мысль о мщеніи.

Какъ-бы то ни было, я сталъ видѣть. Картина, которая представилась моимъ глазамъ, была странна и своеобразна. Было свѣтло; въ воздухѣ носились густыя облака дыма отъ ладана (обоняніе мое оставалось парализованнымъ). Сквозь опущенныя сторы пробивались яркіе лучи зимняго солнца. Комната была полна народа; я увидѣлъ моихъ друзей съ притворнымъ выраженіемъ грусти на лицахъ, подчиненныхъ съ видомъ какой-то странной, боязливой независимости, цѣлый рядъ дамъ въ траурныхъ платьяхъ, нѣсколько спеціалистовъ похороннаго дѣла, въ лицѣ читальщиковъ и гробовщиковъ, какія-то совершенно незнакомыя мнѣ личности... А я, печальный герой событія, я лежалъ посреди нихъ и всѣми силами души удивлялся экстренности этого событія.

Въ комнатѣ не было ни моей жены, ни дѣтей. При мысли о жгучемъ горѣ моей Вари, о страхѣ и недоумѣніи малютокъ, мое сердце мучительно сжалось. Хотѣлось вѣрить въ благопріятный исходъ невѣроятнаго приключенія.

Digitized by Google

Въ то время, когда я предавался надеждамъ, въ залѣ послышался сдержанный шепотъ. Прямо противъ меня находилась входная дверь, и я увидѣлъ его п—во, моего непосредственнаго начальника. Онъ былъ встревоженъ и блѣденъ. Очевидно, его смутила скоропостижность моей кончины. Не отвѣчая на поклоны и привѣтствія окружавшихъ, онъ какъ-то бокомъ прошелъ мимо меня, искоса взглянулъ на столъ и съ достоинствомъ кивнулъ моему тѣлу головою. Онъ сдѣлалъ это съ такимъ же важнымъ видомъ, какъ и въ то время, когда я имѣлъ удовольствіе состоять еще его подчиненнымъ. Его п—во никогда не любилъ излишней фамильярности.

Общество сгруппировалось въ отдѣльные кружки. Старики покачивали головами и говорили: «такъ-то... думалъ-ли кто нибудь... вотъ и мы также...» Молодежь вела оживленные разговоры и, казалось, забыла уже обо мнѣ.

А между тѣмъ, я не хотѣлъ умирать. Мнѣ было досадно равнодушіе окружавшихъ. Кромѣ того, я не хотѣлъ быть причиною горя для своихъ родныхъ. Это были тяжелыя ощущенія, но впереди ожидали меня испытанія еще болѣе печальныя и непредвидѣнныя.

Панихида кончилась, и всѣ присутствовавшіе, прибавивъ каждый еще двѣ-три черты для обрисовки моего характера и моихъ наклонностей, стали разъѣзжаться. Я могъ, наконецъ, остаться наединѣ съ своею семьею.

Запоздали уходомъ только его п—во и нѣкто Александръ Ивановичъ, мой закадычный товарищъ, другъ моего дома, въ лучшемъ и чистѣйшемъ смыслѣ этого слова.

На досугѣ я, внимательнымъ, хотя и неподвижнымъ взглядомъ, разсматривалъ того и другого. Его п—во, по случаю экстренности событія, былъ во фракѣ, украшенномъ звѣздами; на старческомъ, дряб-

Digitized by Google

ломъ лицѣ его лежалъ тонкій слой пудры, придававшій ему ту блѣдность, которая удивила меня при первомъ взглядѣ.

Очевидно, добрый старичекъ хотѣлъ почтить мою память хоть этимъ искусственнымъ признакомъ печали, и, огорченный людскимъ недоброжелательствомъ, я отъ всей души былъ ему благодаренъ за это.

Александръ Ивановичъ дѣлалъ, между тѣмъ, различныя распоряженія относительно скорѣйшаго помѣщенія моей персоны въ гробъ. Онъ торговался съ гробовщиками, назначалъ число факельщиковъ, писалъ оповѣщенія о моей смерти для публикаціи въ газетахъ и, повидимому, былъ очень доволенъ своимъ назначеніемъ, хотя и старался, какъ мнѣ казалось, поскорѣе отдѣлаться отъ меня. Александръ Ивановичъ былъ одѣтъ въ мою новую сюртучную пару; я узналъ ее по шелковой подкладкѣ сюртука; на жилетѣ его красовалась моя толстая, золотая цѣпь. Это показалось мнѣ нѣсколько страннымъ; но я не имѣлъ времени думать о такихъ пустякахъ,—меня безпокоило отсутствіе Вари.

Она вошла въ комнату. На ней было роскошное траурное платье; ея красота была обаятельнѣе, чѣмъ когда нибудь. Я чуть не щелкнулъ языкомъ отъ удовольствія, что обладаю привязанностью такой восхитительной женщины, вторично забывъ, что я не могу не только «обладать» чѣмъ-бы то ни было, но даже сдѣлать очень простую вещь—щелкнуть языкомъ.

— M-r Alexandre, можно войти?—спросила Варя, кокетливо останавливаясь на порогѣ комнаты.

— Да, да,—отвѣчалъ тотъ.—Князь давно ждетъ васъ. Гдѣ вы такъ долго были? Я уже долженъ былъ сказать гостямъ, что вы захворали отъ огорченія и что у васъ постоянные обмороки.

Варя въ это время раскланивалась съ его п—вомъ.

Digitized by Google

— Тѣмъ лучше,—щебетала она. — Я, дѣйствительно, не переношу всѣхъ этихъ непріятныхъ формальностей. Кромѣ того, столько хлопотъ съ трауромъ.

Варя граціозно опустилась въ кресло; его п—во помѣстился рядомъ съ ней, а Александръ Ивановичъ исчезъ, испарился, растаялъ, — словомъ, скрылся до того незамѣтно, что я даже удивился. Да и вообще, день моей смерти былъ для меня днемъ удивленія. Я, напримѣръ, никогда не ожидалъ отъ Вари такой твердости характера. Она прекрасно маскировала свое горе, не желая выказывать его передъ посторонними.

— Итакъ, Вавочка,—сказала она, поворачиваясь къ его п—ву,—мы вступаемъ въ новый фазисъ нашей жизни. Твоя Пумпуська совершенно неожиданно, но очень кстати, сдѣлалась вдовою...

Вотъ тебѣ разъ!

Наконецъ-то я убѣдился, что все, происходившее со мною, было глупымъ, хотя и очень продолжительнымъ, сномъ. Я могъ умирать, могъ совершать путешествія въ рай или адъ, пожалуй, на луну, или къ центру земли, могло случиться все, что угодно, но, чтобы моя Варя, идеалъ честной жены и заботливой матери, могла быть «Пумпуськой» кряхтящей развалины, это было слишкомъ неправдоподобно и неестественно.

И я съ величайшимъ хладнокровіемъ приготовился смотрѣть и слушать продолженіе моихъ нелѣпыхъ грезъ.

Его п—во наклонился и, кряхтя, цѣловалъ маленькія ручки Вари.

— Ну, это потомъ,—сказала она.—Сидите смирно. Прежде всего—дѣла. Вы понимаете, что меня безпокоитъ мое новое положеніе?

— Что-же можетъ безпокоить тебя, мой ангелъ?—говорилъ князь.—Ты знаешь, я всегда готовъ обезпечить твою будущность...

Digitized by Google

— Это я уже слышала, но этого не будетъ. Моимъ дѣтямъ нуженъ отецъ, а мнѣ мужъ; поэтому я не останусь неприступной вдовицей, а выйду замужъ. Бѣда въ томъ, что тотъ, на комъ я остановила свой выборъ, не богатъ... Я предлагаю вамъ, чтобы все оставалось по старому. Мой будущій мужъ будетъ вашимъ протежэ, такъ-же, какъ бѣдный Жанъ, а я... я буду, по прежнему, вашей Пумпуськой. Согласны?

Честное слово, сонъ становился слишкомъ оскорбительнымъ, и я снова сталъ напрягать всѣ усилія воли, всѣ свои заснувшія физическія силы, чтобы пробудиться.

— Ну,—сказалъ князь,—объ этомъ послѣ... а теперь... ma parole, меня утомила... вся эта торжественность... Я мечтаю о минутѣ отдыха. Какъ къ тебѣ идетъ этотъ трауръ...

Въ дверяхъ показался Александръ Ивановичъ, но, увидя интимную позу его п—ва, сейчасъ же исчезъ.

— Вотъ,—думалъ я,—еще одно доказательство, что все это не больше, какъ сонъ. Развѣ можетъ исчезать, наяву, такимъ незамѣтнымъ образомъ, живой человѣкъ?

Его п—во скоро откланялся и уѣхалъ, по прежнему, снисходительно кивнувъ головою въ мою сторону. Очевидно, воображеніе мое уставало работать въ одномъ направленіи, и нелѣпый сонъ приближался къ концу.

— Теперь за дѣло,—воскликнулъ Александръ Ивановичъ, проводивъ послѣдняго гостя и оставшись наединѣ съ Варею.—Вечеромъ намъ предстоитъ много хлопотъ, а теперь надо посмотрѣть, на что ты можешь разсчитывать въ первое время...

Онъ также былъ съ Варею «на ты». Я окончательно убѣдился, что мои грезы были варіаціями на одну и ту-же тему: невѣрность моей жены.

Digitized by Google

— Намъ нечего безпокоиться, милый,—сказала она.—Князь обѣщалъ протежировать моему будущему мужу. Понимаешь? Вѣдь, ты ничего не имѣешь противъ этого? Ты у меня умный...

И она поднялась на цыпочки, чтобы подставить ему для поцѣлуя свой прекрасный, почти дѣвственный лобъ. Александръ Ивановичъ тихонько отстранилъ ее, вынулъ изъ кармана два мѣдныхъ пятака и, подойдя ко мнѣ, благоговѣйно перекрестился, положивъ на мои вѣки холодныя монеты.

Когда-же раздался ласковый шепотъ, когда я услышалъ звуки поцѣлуевъ, я не могъ больше сдержать моихъ ощущеній. У меня закружилась голова, кровь прилила къ сердцу.

Смутно, какъ сквозь сонъ, помню, что я ринулся, что-то ломалъ, кого-то билъ...

Я очнулся въ вольтеровскомъ креслѣ. Въ одной рукѣ у меня была моя толстая золотая цѣпь, а въ другой—клокъ чьихъ-то волосъ...

Докторъ объявилъ, что у меня была летаргія.

Летаргія?!

Печальная иронія судьбы. Я умеръ тогда, когда мнѣ хотѣлось жить, и живу, когда хотѣлось-бы умереть.

Похоронивъ всѣ мои вѣрованія, упованія, иллюзіи, зачѣмъ не похоронили они и меня самого!

Можетъ быть, ждать придется еще долго, но я жду.

. . . . . .

Digitized by Google

ТРИНАДЦАТЬ СЕАНСОВЪ
ЭФИРИЗАЦІИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Въ большой комнатѣ, слабо освѣщенной мерцающимъ огонькомъ камина, сидѣло шесть человѣкъ.

Разговоръ незамѣтно склонился на фантастическія темы. Говорили о предчувствіяхъ, призракахъ, странныхъ случайностяхъ...

Такимъ образомъ начинаются тысячи разсказовъ, всѣмъ надоѣвшихъ, вслѣдствіе своего однообразія.

Одинъ изъ собесѣдниковъ зѣвнулъ во весь ротъ въ самую патетическую минуту разсказа, когда призракъ убитаго въ какой-то гостинницѣ человѣка снимаетъ съ позвоночнаго столба свой черепъ и говоритъ, обращаясь къ ночевавшей въ той-же самой гостинницѣ, конечно, много лѣтъ спустя, графинѣ, слѣдующее:

— Я не кошмаръ, не безсмысленный сонъ,—я мщеніе! Велите завтра утромъ поднять полъ въ вашей комнатѣ; тамъ найдутъ мои кости. Меня убили... вѣроломно, предательски!

— Этакая глупость! — сказалъ соскучившійся слушатель:—и охота вамъ говорить про призраки, въ то время, когда...

— Когда, что?—спросили другіе.

— Когда,—съ разстановкою продолжалъ говорившій,—въ насъ самихъ...

— О! Въ насъ самихъ? Это опять изъ области психологіи! Не надо. Сухо и скучно. Конечно, и въ насъ самихъ есть многое, о чемъ не смѣетъ грезить мудрость, но все это слишкомъ отвлеченно.

Digitized by Google

— Я—крайній реалистъ, вы это знаете; фантастика для меня—предметъ бабьихъ росказней и дѣтскихъ сказокъ, но... я хочу разсказать вамъ случай изъ жизни Лагунина...

— Кстати, гдѣ онъ теперь? Говорили, уѣхалъ...

— Онъ въ Петербургѣ; я его недавно видѣлъ.

— Гдѣ, гдѣ? Неужели!—живо заинтересовалось все общество.

— Объ этомъ послѣ... Я хотѣлъ разсказать вамъ, какъ въ 1890 году, т. е. очень недавно, нѣкто, нуждаясь въ деньгахъ, продалъ дьяволу свою душу...

— О!—насмѣшливо сказалъ толстый докторъ:—и что-же? Получилъ деньги?

— Получилъ!—съ странною, но очевидно непритворною, грустью отвѣчалъ разсказчикъ.—Шесть милліоновъ. Я не мистифицирую васъ. У меня есть свидѣтели...

— Черти?!—спросилъ докторъ, заливаясь хохотомъ.

— Люди,—недовольно отвѣчалъ разсказывавшій и прибавилъ:

— Вы смѣетесь надъ тѣмъ, что должно внушать ужасъ, и ужасаетесь глупыхъ бредней, стоющихъ улыбки сожалѣнія. Я не буду больше и говорить объ этомъ.

Ракитскій—такъ звали нашего собесѣдника—былъ блѣденъ и, повидимому, сильно ажитированъ.

Мы переглянулись съ недоумѣніемъ.

— Кстати,—вмѣшался одинъ изъ собесѣдниковъ:—ты началъ говорить про Лагунина; причемъ тутъ онъ?

— Онъ? Онъ... Ну, однимъ словомъ, я не скажу ничего больше...

Понятно, что это усилило нашъ интересъ, и мы пристали къ нему съ просьбою не испытывать больше нашего любопытства.

Digitized by Google

Ракитскій подумалъ, закурилъ сигару и согласился.

— Я разскажу вамъ,—началъ онъ, и голосъ его звучалъ строго и торжественно, — очень странную, почти невѣроятную исторію изъ области сверхъестественнаго, которая, однако, случилась очень недавно и имѣетъ, какъ я уже замѣтилъ, достовѣрныхъ свидѣтелей. Вы узнаете, какъ въ наше время, люди нашего типа, простые и обыденные, могутъ продать свою душу дьяволу, и какъ страшны своимъ демонизмомъ злые духи нашихъ дней, сравнительно съ своими легендарными предками.

— Ахъ, я понялъ!—воскликнулъ одинъ изъ присутствующихъ, молодой, начинающій адвокатъ:—Ракитскій хочетъ разсказать намъ исторію о человѣкѣ, продавшемъ свою душу, не буквально, а иносказательно, разумѣя подъ именемъ души убѣжденія, принципы... Не такъ-ли?

— Не такъ!—отвѣчалъ тотъ.—Въ моей повѣсти фигурируютъ и стихійныя силы, и... многое другое, о чемъ вы сейчасъ услышите. Знаете-ли вы, что такое эфиризація?

Мы знали объ этомъ очень немного.

— Ну, такъ узнаете изъ моего разсказа. Дѣло было такъ,—началъ Ракитскій.—Въ одинъ изъ мерзѣйшихъ ноябрьскихъ вечеровъ прошлаго года, я шелъ съ Лагунинымъ по Казанской улицѣ.

Была оттепель; сырой, холодный туманъ застилалъ мерцавшіе огоньки фонарей; небо было совершенно одного цвѣта съ уличною слякотью; моросило что-то, неимѣющее названія, и, въ довершеніе, дулъ пронзительный вѣтеръ.

Сколько мнѣ помнится, мы гуляли. Это не должно удивлять васъ: непогода совершенно гармонировала съ тою слякотью, которая наполняла всѣ атомы нашего существованія, и, странное дѣло, до сихъ поръ я не могу усидѣть въ своей комнатѣ, когда

Digitized by Google

слышу, какъ барабанятъ въ оконныя стекла капли дождя и разгуливаетъ по улицамъ осенній вѣтеръ. Если вы подумаете, что неудобствами такихъ эксцентричныхъ прогулокъ мы хотѣли заглушить наше ненормальное нравственное состояніе, то вы почти не ошибетесь.

Мы провели на улицѣ около четырехъ часовъ, и сильная усталость нѣсколько насъ успокоила. Заботы, тревоги, сомнѣнія, всѣ назойливыя злобы дня отошли на задній планъ и дали мѣсто одному чувству—усталости и одному желанію—отдыха.

Эта прогулка открыла мнѣ многое, чего я до сихъ поръ не подозрѣвалъ.

На Лагунина, матеріальное положеніе котораго было также незавидно, какъ и мое, напалъ припадокъ озлобленія. Въ этотъ вечеръ онъ находилъ своеобразное удовольствіе бередить свои сердечныя раны, бичуя себя, глумясь надъ собою.

До этого, памятнаго для меня, вечера я, вмѣстѣ со всѣми, считалъ Лагунина за милѣйшаго молодого человѣка «изъ нынѣшнихъ». Много добродушія, очень много юмора, больше, чѣмъ нужно, лѣни и апатіи, не много природнаго ума, «среднее» образованіе и развитіе и полное отсутствіе воли,—вотъ всѣ черты нравственнаго облика Лагунина, къ которымъ самый глубокомысленный психологъ не прибавилъ-бы ничего больше и... ошибся-бы также, какъ я.

Добродушіе моего товарища было боязнью выказать свое жестокосердіе; невинный юморъ маскировалъ собою злобный сарказмъ; апатія прикрывала жгучую, но безплодную жажду дѣятельности, и весь этотъ маскарадъ при дневномъ свѣтѣ происходилъ отъ безсилія воли и безграничныхъ, доходившихъ до маніи, самолюбія и самомнѣнія. Къ этому присоединялась бѣдность, неудобство обыденное и заурядное, но дѣйствовавшее на Лагунина трагически. Его настоящее, неприглядное само по себѣ, казалось еще худшимъ,

Digitized by Google

сопоставленное съ прошедшимъ и будущимъ. Это настоящее было жгучимъ раскаяніемъ о прошломъ и подавляющимъ, безсильнымъ страхомъ за будущее.

Лагунинъ родился въ семьѣ, принадлежащей къ третье-разрядному, такъ называемому, «темному» купечеству. Отецъ его составилъ себѣ стотысячный капиталъ, который послѣ его смерти перешелъ въ собственность восемнадцатилѣтняго Лагунина. Эти деньги сдѣлались источникомъ его несчастія.

На шестомъ году онъ остался круглымъ сиротою.

Лишенный ласкъ матери и нравственнаго вліянія отца, Лагунинъ скоро нашелъ замѣну того и другого. За деньги всѣ окружающіе относились къ нему съ материнскою нѣжностью и за деньги-же онъ былъ окруженъ менторскими заботами солидныхъ и почтенныхъ людей.

На воспитаніе характера и наклонностей также повліяли эти всемогущія деньги. Деньги дѣлали его безконечно добрымъ и возвышенно благороднымъ; съ ними онъ былъ, въ глазахъ людей, уменъ, развитъ, образованъ и даже талантливъ; за нихъ—любимъ и уважаемъ. Однимъ словомъ, цѣною своихъ денегъ Лагунинъ былъ счастливъ, и это счастье вошло у него въ привычку.

Между тѣмъ, наслѣдство уменьшалось.

Наступало время свести итоги, оглядѣться и глубоко призадуматься, но Лагунинъ ничего не видѣлъ, кромѣ своихъ совершенствъ.

Бѣдность наступила какъ-то мгновенно.

Послѣ трехъ лѣтъ безумной траты денегъ, у него не осталось ни гроша, но Лагунинъ не придавалъ этому обстоятельству особой важности.

— Развѣ нельзя трудиться? развѣ нельзя сдѣлать многое съ моимъ умомъ, съ моею волею?...

Но, когда онъ не могъ накормить своихъ кровныхъ, закадычныхъ друзей ужиномъ, то ему блиста-

Digitized by Google

тельно доказали, что онъ, если и не глупъ совершенно, то, по крайней мѣрѣ, далеко не уменъ.

Когда, позже, онъ страстно, мучительно возненавидѣлъ все и всѣхъ, онъ увидѣлъ самъ, что доброта не была въ числѣ его добродѣтелей.

Одно за другимъ исчезали всѣ высокія свойства и таланты Лагунина, и онъ самъ въ нихъ разочаровался.

Привыкнувъ видѣть въ себѣ генія, онъ долженъ былъ спуститься на уровень ничтожества, чуть не идіота, всѣми презираемаго.

Нищета, между тѣмъ, давила его съ каждымъ днемъ все сильнѣе. Оставалось одно самоубійство, но и для этого у Лагунина не хватило воли.

Мое знакомство съ Лагунинымъ относится, именно, къ этому тяжелому для него времени.

Мы тогда жили вмѣстѣ, и, въ описанный мною вечеръ, онъ откровенно разъяснилъ свое положеніе.

Было о чемъ подумать. Приходилось возстановить человѣческое достоинство, возвратить счастье... Чѣмъ? Опять деньгами? Откуда ихъ взять, да и стоитъ-ли. Кромѣ того, Лагунинъ не былъ способенъ ни на трудъ, ни на преступленіе. Онъ не умѣлъ жить и не могъ умереть; онъ даже не имѣлъ возможности искать забвенія въ пьянствѣ, такъ какъ совершенно не выносилъ спиртнаго запаха.

Я сталъ за нимъ наблюдать; но около этого времени у меня случилось дѣло, заставлявшее меня по цѣлымъ днямъ и даже недѣлямъ не бывать дома.

Однажды, возвратясь, послѣ продолжительной отлучки, домой, позднимъ вечеромъ, я былъ удивленъ странною картиною, которую представляла собою комната, обитаемая Лагунинымъ и мною.

Еще въ то время, когда я поднимался по лѣстницѣ, меня поразилъ какой-то острый, своеобразный запахъ, нѣсколько напоминающій собою гофманскія капли.

Digitized by Google

Когда я вошелъ въ комнату, этотъ запахъ ошеломилъ меня.

Въ комнатѣ было три человѣка: Лагунинъ, Лѣсковъ и еще кто-то, мнѣ незнакомый. Лагунинъ сидѣлъ на диванѣ, безъ сюртука, съ разстегнутымъ воротомъ. Лицо его представляло всѣ признаки опьяненія; но взглядъ, устремленный куда-то далеко, былъ, однако-же, совершенно сознателенъ. Губы улыбались.

Я никогда не забуду этой улыбки.

Въ этой улыбкѣ было все: цѣлый рай сладострастія и святой вдохновенный восторгъ борца, умирающаго за идею... Это была улыбка идіота, почувствовавшаго въ себѣ всеобъемлющій геній; улыбка фанатика, раздавливаемаго колесницею Брамы.

Я рискую остаться непонятымъ: — она выражала собою блаженство безумія.

Въ углу комнаты, за чайнымъ столомъ, сидѣлъ Лѣсковъ. Предъ нимъ стоялъ чайникъ, въ отверстіе котораго былъ вставленъ стаканъ съ какою-то безцвѣтною жидкостью. Лѣсковъ сидѣлъ, нагнувшись надъ стаканомъ, и жадно, усиленными движеніями груди, вдыхалъ въ себя съ наслажденіемъ паръ, издававшій замѣченный мною прежде запахъ.

— Что это такое?—спросилъ я нерѣшительно, стоя на порогѣ комнаты.

Лагунинъ повернулся ко мнѣ.

— Что?!—спросилъ онъ тихо, и звукъ его голоса, глубокій, взволнованный, дрожащій, какъ-бы отъ избытка ощущеній, прошелъ по мнѣ электрической искрой.

— Что!—повторилъ онъ двумя тонами ниже, и мнѣ послышался добрый, насмѣшливый укоръ. Интонація звучала сожалѣніемъ обо мнѣ, непосвященномъ въ тайны его восторга.

Я никогда не предполагалъ въ человѣческомъ голосѣ такихъ выразительныхъ звуковъ.

Digitized by Google

Лагунинъ отвернулся и сосредоточился въ самомъ себѣ.

Я раздѣлся и подошелъ къ Лѣскову.

— Что ты дѣлаешь?—спросилъ я его.

— Развѣ ты не видишь! — вдругъ сказалъ онъ мнѣ растроганнымъ шепотомъ, и меня снова поразило выраженіе блаженства на его лицѣ.

Я начиналъ догадываться.

Третье лицо, находившееся въ комнатѣ, было мнѣ незнакомо, но оно останавливало на себѣ вниманіе.

Это былъ молодой еще человѣкъ, лѣтъ 28. Лицо его поражало блѣдностью и худобою; волосы были рѣдки и отошли далеко назадъ, освободивъ большой и широкій лобъ; глаза смотрѣли зорко и сознательно; на губахъ играла презрительная усмѣшка, но вокругъ рта лежали складки, въ которыхъ можно было прочесть печальную исторію неудачъ и оскорбленнаго самолюбія.

Николай Демьяновичъ Паклинъ былъ человѣкомъ одного типа съ Лагунинымъ и мною.

— Что это такое?—спросилъ я, обращаясь теперь къ Паклину.

— Это? Вы не знаете? Это—эфиризація...

— Эфиризація?!

— Да... Люди, не испытывавшіе дѣйствія эфира, называютъ эфиризацію утонченнымъ пьянствомъ, но это не правда. Эфиръ не опьяняетъ, онъ не затемняетъ разсудка, онъ только отрѣшаетъ духъ отъ тѣла, уноситъ человѣка съ земли. Эфиръ — это родной братъ опіума и гашиша...

— Но, вѣдь, употребленіе его должно быть очень вредно?...

— Д-да... пожалуй... Впрочемъ, вредно все, употребляемое въ излишкѣ...

— Скажите мнѣ,—началъ я, теряясь отъ этого открытія:—это—эфиръ?.. ихъ много... какъ онъ на-

Digitized by Google

зывается? какъ его употребляютъ? какое онъ производитъ дѣйствіе?

Я не имѣю права сказать вамъ названіе этого эфира... Я очень жалѣю, что узналъ это названіе самъ. Его вдыхаютъ... Послѣдствія эфиризаціи проходятъ черезъ 5—10 минутъ. Что касается до дѣйствія, то посмотрите...

Я взглянулъ на Лѣскова.

Онъ оторвался отъ стакана и сидѣлъ, откинувшись на спинку кресла.

Его поза, лицо — выражали полное достиженіе всего, что составляло когда-нибудь предметъ желаній человѣка.

— Наблюдайте,—сказалъ Паклинъ и, отойдя отъ меня, взялъ стаканъ, оставленный Лѣсковымъ, сѣлъ на стулъ и наклонился надъ отверстіемъ стакана.

Лѣсковъ внезапно вскочилъ и, смотря передъ собою, протянулъ руки впередъ.

— Ахъ! вотъ! вотъ!—повторялъ онъ безумнымъ, радостнымъ шепотомъ.

Мнѣ было жутко и любопытно; я осторожно подошелъ къ нему и спросилъ:

— Что ты видишь?

Лѣсковъ быстро повернулся ко мнѣ.

— Этого нельзя разсказать, ты не поймешь...

И онъ съ благоговѣйнымъ, любовнымъ восторгомъ опустился на колѣни.

— Это—женщина?—добивался я.

— О нѣтъ!.. я не вижу ничего особеннаго, но...— Онъ снова умолкъ.

Я пожалъ плечами и вопросительно взглянулъ на Паклина; тотъ сидѣлъ неподвижно; когда онъ поднялъ отъ стакана свою голову, я не узналъ его.

Та-же самая улыбка безумнаго торжества. Морщины на лбу разгладились, складки разошлись.

Онъ широко жестикулировалъ и говорилъ что-то безсвязно и отрывочно.

Digitized by Google

Лагунинъ сидѣлъ въ прежней созерцательной позѣ; Лѣсковъ лежалъ теперь на кровати, издавая по временамъ крики дикой радости.

Это странное тріо внушало ужасъ. Обстановка, какъ нельзя больше, способствовала впечатлѣнію.

По комнатѣ ходили волны какого-то густого, опьяняющаго тумана.

Одна изъ двухъ свѣчей догорѣла до конца и зажгла бумагу, которою была обернута. Яркое, колеблющееся пламя придавало фантастическія очертанія всѣмъ, находящимся въ комнатѣ, предметамъ.

Я начиналъ пьянѣть отъ тяжелой, удушливой атмосферы комнаты. Страхъ прошелъ и замѣнился чувствомъ рѣшимости и беззавѣтной удали. Мнѣ, какъ сказочному богатырю, казалось, что, если-бы былъ столбъ отъ земли и до неба, я повернулъ-бы всю землю.

Я рѣшительно подошелъ къ столу.

Когда я приставилъ свой ротъ къ отверстію стакана и вдохнулъ, несшіяся изъ него, острыя испаренія, у меня начались приступы легкаго кашля. Я сдѣлалъ еще нѣсколько вдыханій и почувствовалъ сильное головокруженіе. Опьяненіе производилось быстро. Прежде всего, меня поразило ощущеніе какой-то жгучей, но сладкой боли въ груди. Сердце билось усиленно и замирало такъ, какъ это бываетъ, когда находишься на страшной высотѣ и ежеминутно рискуешь упасть съ нея. Въ то-же самое время, это замираніе сердца имѣло свою пріятную сторону. Казалось, что весь организмъ потрясенъ какимъ-то радостнымъ, счастливымъ для меня событіемъ, и это потрясеніе сосредоточилось исключительно въ сердцѣ. Мои губы непроизвольно складывались въ улыбку; я хотѣлъ удержаться и... не могъ. Чувство восторга поглощало меня все больше и больше. Я захохоталъ, неудержимо, громко, какъ не смѣялся давно, можетъ быть, никогда.

Digitized by Google

Несмотря на это непроизвольное выраженіе веселости, я сохранялъ полное самосознаніе. Головокруженіе прошло, и мозгъ былъ совершенно чистъ и ясенъ.

— Какъ хорошо! — думалъ я.—Отчего это? Съ чѣмъ это можно сравнить? Прежде всего, чувственность не играетъ здѣсь никакой роли... О, да, никакой! — повторялъ я мысленно съ благороднымъ, но смѣшнымъ теперь для меня экстазомъ.—Это—вотъ что: если-бы я любилъ чисто и свято, если-бы я былъ любимъ и... она, любимая дѣвушка, умерла, а потомъ неожиданно я увидѣлъ ее снова прекрасною, любимою, любящею!..

Это положеніе привело меня въ такой восторгъ, что я не могъ болѣе сдержать себя и закричалъ.

Мой крикъ смѣшался съ восклицаніями неудержимой радости Лагунина и Паклина.

На этомъ прерываются мои воспоминанія о первомъ сеансѣ эфиризаціи. Я впалъ въ безпамятство и очнулся только на другое утро. Пробужденіе было ужасно. Я не страдалъ ни однимъ изъ тѣхъ послѣдствій, которымъ подвергаются пьяницы, послѣ бурно-проведенной ночи. Моральныя наслажденія дали въ реакціи моральные-же недуги. Преобладающимъ чувствомъ, когда я проснулся, было отвращеніе. Мнѣ было невыносимо противны и сѣрый день, и убогая комната, и я самъ... особенно, я самъ.

Лагунинъ ходилъ по комнатѣ, сумрачный и озлобленный.

— Что это за гадость мы вчера дѣлали?—спросилъ я, и меня разсердилъ и звукъ моего голоса, и нелѣпость вопроса.

— А что, тебѣ очень скверно?—отвѣтилъ онъ мнѣ вопросомъ, съ злораднымъ, какъ мнѣ показалось, любопытствомъ.

Я промолчалъ.

— Эфиризація,—продолжалъ онъ задумчиво,—вѣрный способъ уйти отъ мерзости бытія.

Digitized by Google

— Что такое «мерзость бытія»?—спросилъ я.

— Все! Хотя-бы эта постоянная и насущная необходимость заботиться о своемъ брюхѣ, ничтожномъ, но прожорливомъ брюхѣ, часто совершенно убивающемъ духъ, на счетъ котораго существуетъ.

— Впрочемъ, дѣло не въ томъ,—продолжалъ Лагунинъ,—я хотѣлъ только сказать, что человѣкъ, подвергавшійся наканунѣ дѣйствію эфира, долженъ презрительно улыбнуться, плюнуть, отвязать шнурокъ отъ халата, накрутить его, вотъ такъ, на гвоздь...

И Лагунинъ, говоря послѣднія слова, оторвалъ поясъ своего халата и привязалъ его къ гвоздю.

Я не зналъ, дурачится онъ или...

— Сдѣлать маленькое приспособленіе и... finita la comedia!

Онъ быстро всунулъ голову въ сдѣланную петлю и повисъ, подогнувъ колѣна, такъ какъ гвоздь былъ прибитъ ниже человѣческаго роста.

Я бросился къ нему, схватилъ лежавшій на столѣ ножъ и перерѣзалъ шнурокъ.

— Что ты?! Съ ума сошелъ! Что ты дѣлаешь!

Лагунинъ сдѣлалъ гримасу.

— Я пошутилъ,—тихо сказалъ онъ.

Слѣдующая за тѣмъ недѣля не принесла съ собою ничего новаго. Наши волненія поулеглись; я не могъ безъ содроганія слышать самаго запаха эфира. Лагунинъ тоже пришелъ въ нормальное состояніе, попрежнему много говорилъ, горячо возмущался, бѣдствовалъ и ровно ничего не дѣлалъ.

Въ одинъ изъ вечеровъ, Паклинъ разсказалъ намъ, что первыя свѣдѣнія объ употребленіи эфира онъ получилъ отъ доктора К—ка, занимавшагося изученіемъ дѣйствія эфира на организмъ, при составленіи своего сочиненія «Ученіе объ истерикѣ». По словамъ Паклина, дѣйствіе эфира не ограничивалось приведеніемъ человѣка въ идіотически-блаженное состояніе; при продолжительномъ употребленіи эфиръ вызывалъ

Digitized by Google

галлюцинаціи, свойства, въ большинствѣ случаевъ, пріятнаго и всегда строго отвѣчающаго индивидуальнымъ особенностямъ человѣка. Такъ, любитель музыки, имѣя галлюцинаціи слуха, наслаждается звуками; субъектъ съ сильно развитымъ чувствомъ потрясается драматическими сценами изъ своей жизни. Самолюбивые и гордые люди получаютъ, въ реальныхъ образахъ, полное удовлетвореніе своей гордости и т. д. сообразно съ индивидуальностью каждаго.

Лагунинъ, слушавшій все это внимательно и серьезно, сказалъ:

— Да, все это очень странно... Хотите-ли, я разскажу вамъ тѣ галлюцинаціи, которыя испытывалъ я...

Мы поспѣшили согласиться.

— Послѣ восторговъ, которыми начинается опьяненіе,—началъ Лагунинъ,—я почувствовалъ потерю сознанія... Такое состояніе не было похоже ни на обморокъ, ни на сонъ. Я потерялъ только сознаніе мѣста и времени. Вокругъ меня былъ мракъ, не ночи или смерти, а какого-то другого міра. Изъ этого мрака выдѣлились двѣ ярко-красныя, горящія точки, онѣ приближались ко мнѣ, и я ясно увидѣлъ два глаза; потомъ около моей головы пошли, описывая концентрическіе круги, какія-то блестящія полосы; одна изъ нихъ коснулась моей шеи, и я пересталъ что-либо видѣть и слышать. Это было въ первый разъ. Въ слѣдующій сеансъ, галлюцинаціи повторились въ такомъ-же порядкѣ: сначала мракъ, потомъ глаза, и къ этому прибавился шепотъ, подсказавшій мнѣ, кому принадлежатъ глаза... Вамъ покажется смѣшнымъ, когда я скажу, что на четвертый или на пятый разъ...

— Стало быть, — воскликнулъ я съ удивленіемъ,—ты продолжаешь эфиризоваться?!...

— Не въ томъ дѣло,—отвѣчалъ Лагунинъ.—На пятый разъ я сознавалъ передъ собою присутствіе нѣкой стихійной силы, злой воли... того, кто назы-

Digitized by Google

вается дьяволомъ... Я его видѣлъ, осязалъ, говорилъ съ нимъ...

Лагунинъ засмѣялся рѣзкимъ, непріятнымъ смѣхомъ и умолкъ. Паклинъ скоро ушелъ.

Когда мы остались одни, Лагунинъ снова завелъ разговоръ объ эфиризаціи.

— Я скажу тебѣ нѣчто новое,—говорилъ Лагунинъ:—У меня есть теорія продажи души дьяволу... Развить ее?

— Развивай, что хочешь!—съ притворною досадой отвѣчалъ я.

— Вотъ она. Человѣкъ нашихъ дней заключенъ въ такую грубую, вещественную оболочку, что матеріи, болѣе тонкой,—духу, хотя-бы и злому, нѣтъ никакой возможности придти съ нимъ въ общеніе. Если признать существованіе иныхъ силъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, найти способъ общенія съ ними, то продажа души дьяволу возможна... Я нашелъ и способъ общенія и эту возможность.

Я вскочилъ съ постели. Лагунинъ произнесъ эти слова такъ серьезно, что я усомнился въ его разсудкѣ.

— Ты испытывалъ дѣйствіе эфира на себѣ... и первое, что ты замѣтилъ, было освобожденіе твоего духовнаго я отъ матеріальной оболочки, не правда-ли? Вотъ, тебѣ способъ общенія... Что касается возможности... Я еще не знаю... Впрочемъ... мнѣ предложены услуги... Шесть милліоновъ русскими кредитными рублями, или-же одинъ неразмѣнный серебряный рубль, такъ называемый «фармазонскій»... Я выбралъ первое.

Тонъ рѣчи Лагунина былъ шутливый, но сквозь смѣхъ проглядывала странная увѣренность. Я не зналъ, что и думать.

— И замѣть еще одну странность, наша сдѣлка должна произойти въ слѣдующій, тринадцатый сеансъ, не въ четырнадцатый или двѣнадцатый, а, именно,

Digitized by Google

въ это мистическое число. Что ты на все это скажешь?

— Что ты сошелъ съума!—отвѣтилъ я на этотъ разъ, съ искреннимъ негодованіемъ, повернулся на другой бокъ и скоро уснулъ.

На другой день я уѣхалъ въ В—ъ и пробылъ тамъ около двухъ недѣль.

Возвратясь, я уже не нашелъ Лагунина.

Дѣйствительно, онъ получилъ взамѣнъ души,—деньги, которыя и тратилъ самымъ безумнымъ образомъ.

Легенды повѣствуютъ намъ, что человѣкъ, продавшій свою душу, расплачивается за земныя наслажденія только послѣ своей смерти. Злой духъ Лагунина сдѣлалъ хуже; онъ отнялъ его душу еще при жизни. Лагунинъ сошелъ съума.

Онъ былъ одержимъ тихимъ помѣшательствомъ, которое на больничномъ argot называется «счастливымъ». Лагунинъ былъ помѣшанъ на «счастьи», которое для него олицетворялось деньгами. Вокругъ него лежали ворохи разной бумаги, газетной, оберточной, писчей... Онъ аккуратно разрывалъ ее на небольшіе кусочки и съ горделивымъ торжествомъ раздавалъ окружающимъ.

. . . . . .

Digitized by Google

Digitized by Google

Лучше никогда, чѣмъ поздно.

Digitized by Google

Digitized by Google

Помните-ли вы дни вашего далекаго, милаго, невозвратнаго дѣтства? Если вы не забыли еще тихаго взгляда вашей матери, если въ вашихъ ушахъ звучатъ еще иногда убаюкивающіе напѣвы колыбельной пѣсенки, если, наконецъ, вы помните что-нибудь изъ тѣхъ удивительныхъ волшебныхъ сказокъ, которыя когда-то такъ восхищали васъ, вы согласитесь со мною, что время рождественскихъ праздниковъ имѣетъ странную и своеобразную особенность. Рождественскіе праздники—время фантастики. Въ темныхъ уголкахъ комнаты, слабо освѣщенной отблескомъ догорающаго камина, въ прозрачномъ воздухѣ улицы, въ высокомъ, усѣянномъ миріадами огоньковъ, небѣ, вездѣ чудится нѣчто таинственное, тихое и ласковое, будто пришедшее изъ далекой страны вашего дѣтства, будто принесшее поклонъ отъ вашей утраченной молодости и добрыя вѣсти отъ вашего, куда-то запропастившагося счастья.

Такъ, или почти такъ, думалъ герой этого правдиваго разсказа—Акакій Петровичъ Купырька. Акакій Петровичъ представлялъ собою обыкновеннѣйшаго человѣка изъ всѣхъ обыкновенныхъ людей. Онъ былъ среднихъ лѣтъ, средняго роста, средней полноты, средняго чина и получилъ «среднее образованіе». При этомъ, Акакій Петровичъ имѣлъ самую обыкновенную наружность и занятія (онъ служилъ въ «департаментѣ внѣшнихъ дѣлъ»). Привычки его были весьма простыя, а надежды, планы, желанія—самыя обыденныя.

Digitized by Google

Только одно, самое пламенное изъ его желаній носило характеръ нѣкоторой фантастичности и, принимая въ соображеніе средства Акакія Петровича, неудобоисполнимости. Онъ непремѣнно хотѣлъ посѣтить чужія, далекія страны.

Наканунѣ Рождества, вечеромъ, когда застаетъ Акакія Петровича этотъ разсказъ, онъ какъ-то особенно размечтался о своемъ, давно предполагаемомъ путешествіи.

— Пора,—думалъ онъ,—давно пора. Меня уже начинаетъ покрывать плѣсень. Надо освѣжиться... Красоты природы, произведенія искусства, иные люди, иные нравы, вѣчная весна... Увидя все это, я рискую умереть отъ восторга. Дрожалъ же я когда-то отъ радости, завидѣвъ первый листокъ, распускающійся на деревѣ!

Мысли Купырьки приняли практическое направленіе, онъ разсчиталъ, что для путешествія ему не хватаетъ трехъ-четырехъ-сотъ рублей. Къ веснѣ эти деньги будутъ отложены, и тогда!..

Купырька, взволнованный и потрясенный, поднялся съ кресла, на которомъ сидѣлъ.

— Стало быть,—думалъ онъ,—черезъ два-три мѣсяца я отправлюсь. Какими долгими покажутся мнѣ эти три мѣсяца... Надо какъ-нибудь сократить ихъ, уйти въ скорлупу, замкнуться, забыться... Мнѣ будетъ не трудно сдѣлать это: я просидѣлъ въ своей скорлупѣ тридцать лѣтъ, и вся моя жизнь—забытье, безсодержательное, безцѣльное, пустое, туманное...

Купырька снова сѣлъ въ свое кресло и глубоко задумался.

. . . . . .

Три мѣсяца прошли, какъ одинъ день, или, пожалуй, какъ всѣ послѣднія тридцать лѣтъ. Акакій Петровичъ не замѣтилъ ихъ. Онъ началъ сознавать себя только въ вагонѣ.

Digitized by Google

Путешествіе! Заграничный паспортъ въ карманѣ, деньги тамъ-же; полсотни сигаръ въ дорожной сумкѣ; маленькій чемоданъ подъ скамьею; два три экземпляра дѣльныхъ газетъ и столько же недѣльныхъ журналовъ, ярко вымазанныхъ всѣми цвѣтами радуги,— разбросаны на сидѣньи. Варшавскій вокзалъ, вагонъ 2 класса, пикантная визави изъ породы перелетныхъ ласточекъ, третій звонокъ и... вздохъ облегченія и улыбка торжества, сарказма, насмѣшки всему, что остается здѣсь, подъ сѣрымъ небомъ Петербурга. Прощальная улыбка геморою, привѣтъ протертому камышевому стулу, улыбка тюремнымъ стѣнамъ департамента и швейцару, поставленному только для того, чтобы разливать желчь у всѣхъ ищущихъ его услугъ.

Свистокъ оберъ-кондуктора, отвѣтный свистъ паровоза... Ра-а-зъ, ра-а-зъ; ра-зъ, ра-зъ; разъ, разъ, разъ...

— Поѣхалъ... Ѣду... Уѣхалъ. А!!

Музыку дѣлаетъ тонъ, и на свѣтѣ нѣтъ ничего полнѣе и выразительнѣе тоновъ человѣческаго голоса. Если-бы Сальвини былъ призванъ на консультацію съ Росси, Барнай, Бернаръ, то и они-бы остановились передъ выразительностью этого короткаго, ничего на бумагѣ не выражающаго «А!».

Въ немъ было все, въ этомъ «А!». Тутъ было наслажденіе новизною положенія, дикій восторгъ обитателя Новой Деревни, очутившагося внезапно на берегахъ озера Комо. Это былъ жгучій протестъ противъ жизни, связавшей человѣка по рукамъ и ногамъ, зажавшей ему глотку, приковавшей его къ тачкѣ навсегда... Это былъ гнѣвъ, но онъ звучалъ примиреніемъ. Это была обида, но ее хотѣли простить.

Акакій Петровичъ откинулся на спинку дивана и дѣлалъ нечеловѣческія усилія, чтобы скрыть расползавшуюся по всей его добродушной физіономіи блаженную улыбку довольства. Онъ не хотѣлъ компрометировать себя передъ сосѣдкой.

Digitized by Google

Быстро промелькнули первыя станціи. Въ памяти осталась только одна, именно та, гдѣ пришлось обѣдать, хотя и съ опасностью подавиться, но за то съ аппетитомъ школьника, сдавшаго экзаменъ и старающагося, поэтому, какъ можно скорѣе, забыть все, что запоминалось съ такимъ трудомъ.

Вечерѣло. Непривычный къ продолжительной ѣздѣ по желѣзной дорогѣ, Купырька чувствовалъ усталость и какую-то нѣмую боль во всѣхъ членахъ. Онъ сдѣлалъ кое-какія приспособленія и постарался уснуть, но чѣмъ больше онъ желалъ сдѣлать это, тѣмъ меньше чувствовалъ себя способнымъ забыться хоть на минуту. Купырька продралъ головою подушку, принималъ самыя невозможныя позы, но сонъ бѣжалъ отъ его глазъ.

— Ну, что-же,—думалъ онъ,—маленькія непріятности не должны мѣшать большимъ удовольствіямъ. Я буду вознагражденъ. Я воочію увижу Европу... Парижъ... Одно слово, которое даетъ тысячи идей...

. . . . . .

И вотъ онъ—Парижъ.

Бульвары, рестораны, пассажи, движеніе, свѣтъ, толкотня, гортанная скороговорка, нарядныя женщины, роскошныя зданія, блескъ, сутолока, шумъ бури и грохотъ водопада.

Купырька слоняется по улицамъ, съ чувствомъ боязливаго недоумѣнія. Онъ находится въ положеніи человѣка, попавшаго на большую фабрику. Барабанная перепонка разрывается отъ стука и треска, глаза утомлены цѣлою системою вертящихся колесъ, острыя испаренія захватаютъ дыханіе.

Восхищенія, восторговъ,—нѣтъ и слѣда; ихъ замѣняетъ боязливое отвращеніе. Музеи, картинныя галлереи, театры, уличная жизнь, ничто не удовлетворяло Купырьку.

— Это не для меня,—говорилъ онъ себѣ.—Я слишкомъ горожанинъ, чтобы прельститься городомъ. Мнѣ

Digitized by Google

нужно другое: тишина полей, ласковый плескъ моря...

А между тѣмъ, въ его душѣ таилось сознаніе, что онъ не умѣетъ взять того, что предлагаетъ ему блестящій городъ. Это была какая-то странная апатія, нравственная импотенція, причины которой Купырька не понималъ. Онъ намѣревался уѣхать.

Судьба, однако, рѣшила иначе.

Въ Парижѣ, этомъ современномъ Содомѣ, Купырька встрѣтилъ дѣвушку, чистую и невинную, какъ лепестокъ розы.

Это, конечно, было удивительно, но на свѣтѣ бываютъ вещи еще болѣе странныя.

Дѣвушка полюбила его.

Его, внушавшаго всѣмъ чувство веселости или насмѣшливаго сожалѣнія!

Она полюбила его, несмотря на его лѣта, наружность, душевную черствость, полюбила, можетъ быть, потому, что видѣла въ немъ человѣка уничтоженнаго, задавленнаго, сплющеннаго прессомъ жизни.

Однажды, это было прекраснымъ, благоухающимъ вечеромъ, она положила свои маленькія ручки на его плечи и сказала: «люблю тебя!»

Купырька смѣшался, сконфузился, потомъ, оправившись, началъ долго, очень долго и очень краснорѣчиво объяснять ей, что она ошибается, что она не можетъ любить его и что самъ онъ уже не въ состояніи откликнуться на ея чувство.

Говоря откровенно, онъ подозрѣвалъ ее въ притворствѣ, можетъ быть, даже въ желаніи эксплоатировать его. Онъ не хотѣлъ, онъ не умѣлъ понять, что такъ притворяться нельзя. Онъ не замѣчалъ, съ какою дѣтскою довѣрчивостью смотрѣли на него голубые глаза дѣвушки, какъ часто и громко билось ея молодое сердце.

Въ теченіи цѣлой жизни, онъ видѣлъ вокругъ себя только ложь, и вотъ, когда въ первый разъ ему пришлось встрѣтиться съ правдой, онъ не узналъ ея.

Digitized by Google

— Да, да,—самодовольно твердилъ онъ себѣ,— я, сѣверный медвѣдь, застрахованъ отъ увлеченій... Меня не обманешь... Я уже пережилъ эту пору... Мнѣ не къ лицу это... Поздно!

Однако, придя домой, онъ бросился въ свою постель, зарылъ голову въ подушки и пролежалъ такъ три дня...

Долго, очень долго томился Купырька воспоминаніями объ этой любви, пришедшей Богъ вѣсть откуда, Богъ знаетъ зачѣмъ, отъ которой онъ отказался такъ-же, какъ самоубійцы отказываются отъ жизни.

Развѣ любовь не жизнь? Развѣ жизнь не любовь?

Парижъ сдѣлался невыносимъ для Купырьки. Въ грохотѣ экипажей, въ уличномъ шумѣ, въ шелестѣ листьевъ, вездѣ слышалось ему ненавистное, ужасное, леденящее слово: поздно! . . . . . .

. . . . . .

Италія. La bella Italia. Венеція. Лагуны, дворецъ дожей, гондолы, лаццарони, музыка, напѣвы, пѣсни. Вѣчный, убаюкивающій плескъ моря, безпредѣльная глубь синяго неба и, среди всего этого, фигура Акакія Петровича Купырьки, полная трагическаго комизма.

— Отчего мое сердце не бьется восторгомъ,—шепчетъ онъ, какъ-бы боясь, чтобы его не услыхалъ кто-нибудь.—И кто это сказалъ, что въ Италіи чудное море, прекрасный климатъ, роскошное небо, цвѣты и благоуханія, любовь и розы...

Можно-ли такъ безсовѣстно лгать!

Италія—это страна сквозного вѣтра, домовъ безъ печей, адской жары, дождя, гнусавыхъ монаховъ и нищихъ, а Венеція — городъ насморка... Лагуны во время отлива сильно припахиваютъ, а гондолы очень похожи, въ миніатюрѣ, на тѣ «канальскіе» пароходики, которые ходятъ въ Петербургѣ, по его каналамъ.

Солнце медленно погружалось въ волны безграничнаго моря. Тихій вѣтерокъ навѣвалъ мечты...

Digitized by Google

— Ужасно тяжелая вещь—эти макароны,—думалъ въ это время Купырька,—и что это за меню? Супъ съ макаронами, къ жаркому макароны, паштетъ изъ макаронъ...

Купырька, совершенно неожиданно даже для самого себя, покраснѣлъ.

— Что-же это я!?—сказалъ онъ почти вслухъ.—Вокругъ меня всѣ чудеса благодатнаго юга, торжество природы, праздникъ весны, а я... Отчего я не восхищаюсь всѣмъ этимъ? Отчего я не падаю ницъ предъ тѣмъ, о чемъ мечталъ цѣлую жизнь? Отчего я не нахожу того, что надѣялся встрѣтить?!

А тихій вѣтерокъ, несшійся издалека, будто нашептывалъ, будто подсказывалъ: «поздно, поздно, поздно!»

. . . . . .

Страна солнца—Египетъ.

Купырька стоитъ передъ пирамидой и смотритъ на колоссальное сооруженіе, а съ пирамиды взираютъ на него «двадцать вѣковъ». Акакій Петровичъ не находитъ, однако, ничего особеннаго въ глыбахъ бураго камня; двадцать вѣковъ, въ свою очередь, видѣли слишкомъ много, чтобы заинтересоваться титулярнымъ совѣтникомъ Купырькой.

Акакій Петровичъ заноситъ въ дневникъ свои впечатлѣнія: «Пыль, зной, жара, вотъ отличительные признаки той мѣстности, куда закинула меня любознательность. Вмѣсто поэтическихъ призраковъ сѣдой древности, пирамидъ, сфинксовъ, саркофаговъ, мумій, пальмъ, легендъ, меня встрѣчаютъ впечатлѣнія отрицательнаго свойства. Я не могу проникнуться и вдохновиться этими призраками, а вотъ пыль и песокъ, тѣ, дѣйствительно, проникаютъ и за голенища, и за спину, и въ волоса, засыпаютъ глаза, забиваются въ носъ, хрустятъ на зубахъ!».

Акакій Петровичъ сидѣлъ на обломкѣ колонны суроваго стиля.

Digitized by Google

— Да,—говорилъ онъ,—я видѣлъ Рейнъ при лунномъ сіяніи, слышалъ напѣвы Швейцаріи, былъ въ вѣчномъ городѣ, бродилъ по Коллизею... Я, прожившій почти полвѣка на углу Фонарнаго переулка и Екатерининскаго канала (д. № 9, кв. 64, прибавила, независимо отъ воли, его память), я вижу теперь пирамиду Хеопса... закатъ африканскаго солнца... Вонъ пальмы помаваютъ... помаваютъ надо мной...

И Акакій Петровичъ пришпоривалъ свое поэтическое чувство, какъ лѣнивую лошадь.

Онъ никакъ не могъ напасть на мысль, что лошадь вовсе не была лѣнива, о, нѣтъ, это былъ добрый конь, но онъ застоялся въ россійской конюшнѣ, за неимѣніемъ свободы движенія отяжелѣлъ, и никакія усилія не могли заставить его вспомнить свою прежнюю, хотя и довольно отвлеченную, какую создаетъ русская жизнь, прыть.

— Помавала... помавала...

Дальше этого поэзія не шла.

Купырька заплакалъ.

— Я неблагодарный, — говорилъ онъ.—У меня нѣтъ эстетическаго чувства... Я прозаикъ, матеріалистъ... Хуже: я чиновникъ!

Онъ не могъ придумать болѣе вѣрнаго и выразительнаго эпитета.

— Да, чиновникъ, а не человѣкъ!

Купырька говорилъ, а слезы катились по его загорѣлому, добродушному лицу, смѣшивались съ пылью и текли маленькими ручьями жидкой грязи.

— Я чиновникъ и, поэтому, поѣду лучше домой, буду, по прежнему, ходить въ департаментъ, и писать тамъ дополненія къ отношеніямъ. Такова, видно, ужь судьба нашего брата — ни на что, за исключеніемъ канцеляріи, не годиться. Мертвымъ не слѣдуетъ вставать изъ гроба.

Опущенный взглядъ Акакія Петровича упалъ на колонну, которая служила ему сѣдалищемъ. Она была

Digitized by Google

покрыта стершимися отъ времени письменами; тѣми письменами, которыя могъ читать только одинъ Шамполліонъ, да и то потому, что его некому было провѣрить.

Вдругъ...

Купырька, какъ ужаленный, вскочилъ съ камня и съ испугомъ отеръ лобъ, какъ-бы опасаясь, что слишкомъ жгучее солнце подѣйствовало на его умственныя способности.

Было чего испугаться.

Акакій Петровичъ получилъ въ дѣтствѣ реальное образованіе и не только не могъ разбирать іероглифовъ, но даже не зналъ греческаго языка, того самаго, изученіе котораго сдѣлалось обязательнымъ для всѣхъ молодыхъ людей, желающихъ заниматься впослѣдствіи перепискою канцелярскихъ бумагъ «по вольному найму» и, вообще, спасать отечество.

Теперь-же Купырька прочиталъ іероглифы, начертанные на колоннѣ.

Іероглифы говорили: «Лучше никогда, чѣмъ поздно».

Эти немногія слова освѣтили Акакію Петровичу многое.

Онъ не успѣлъ еще придти въ себя, какъ собралась гроза. Вѣтеръ бушевалъ съ силою, превосходящею всякое описаніе. Стемнѣло; яркіе зигзаги молніи слѣпили глаза.

Къ довершенію ужаса Акакія Петровича, онъ ощущалъ какіе-то подземные толчки.

Песокъ засыпалъ ему глаза, почва колебалась. Опрокинутый сильнымъ ударомъ, Купырька упалъ на что-то жесткое.

Въ крайнемъ ужасѣ, онъ открылъ глаза и увидалъ себя... на полу, въ вагонѣ.

Поѣздъ, стуча и громыхая, подходилъ къ станціи. Свѣча въ фонарѣ догорѣла и, мелькая, произво-

Digitized by Google

дила въ сновидѣніи Акакія Петровича впечатлѣніе молніи.

Стало быть, это былъ сонъ!

Сонъ!.. Между тѣмъ, дѣйствительность такъ соотвѣтствовала этому сну. Непривычный къ путешествію, Акакій Петровичъ былъ весь изломанъ, голова его горѣла, мысли путались... Онъ съ грустью сознавалъ, что «поздно» часто бываетъ синонимомъ «никогда». Его сновидѣніе навѣяло на него тоску. Онъ загрустилъ по хмуромъ, осеннемъ небѣ Петербурга, по его улицамъ, скверамъ... Онъ понялъ, что «прекрасное далеко» не для него; не было силъ ни душевныхъ, ни физическихъ, чтобы воспринять это прекрасное. Тогда онъ вышелъ на станцію, взялъ обратный билетъ и, такъ какъ на этой станціи встрѣчались два поѣзда, то черезъ полчаса Купырька уже ѣхалъ по направленію къ Петербургу. Невеселыя мысли бродили въ его головѣ, когда онъ подъѣзжалъ къ станціи Ландварово. Онъ считалъ свое путешествіе оконченнымъ такъ печально, такъ глупо, такъ неудачно. Поѣздъ только-что вышелъ со станціи и началъ брать ходъ, какъ послышались свистки паровозовъ, страшный шумъ, лязгъ цѣпей, трескъ ломающагося дерева... Вагонъ началъ качаться изъ стороны въ сторону, приподнялся, такъ сказать, на заднія ноги, вздрогнулъ и...

— Да вставайте-же, баринъ! Что-й-то такое! Бужу, бужу...

Передъ Купырькой стояла подруга его одиночества—кухарка Аксинья.

— Несчастіе? Сошелъ съ рельсовъ!? Столкнулись поѣзда!—бормоталъ Купырька съ просонья.

— Эхъ, какой вы несоотвѣтственный человѣкъ, право!—горячилась Аксинья:—точно малый ребенокъ... въ креслахъ заснулъ... Вставайте... тамъ дворники съ праздникомъ поздравить пришли.

Digitized by Google

— Такъ, стало быть, это я... во снѣ?! Это все было во снѣ? И путешествіе, и возвращеніе... и мой сонъ тоже былъ во снѣ? Какой странный сонъ! «Лучше никогда, чѣмъ поздно»... Поздно!!..

— Гони ихъ въ шею, — прибавилъ онъ неожиданно.

Digitized by Google

Digitized by Google

НА ВИНОГРАДѢ ВЪ ЯЛТѢ.

(Очеркъ изъ жизни русскаго курорта).

Digitized by Google

Digitized by Google

I

«Третій сезонъ», какъ называется въ Ялтѣ время винограднаго леченія, былъ въ полномъ разгарѣ. Весеннее леченіе кумысомъ, благодаря плохой погодѣ, не отличалось особеннымъ многолюдствомъ; середина лѣта, когда на Южномъ берегу пользуются морскими купаньями, тоже прошла довольно вяло, но «на виноградъ» публика съѣхалась въ Ялту въ совершенно неожиданномъ количествѣ. Каждый день на великолѣпной набережной русскаго курорта появлялись новыя лица, тотчасъ-же замѣчавшіяся основавшимися уже здѣсь пріѣзжими и снабжавшіяся ими, болѣе или менѣе, удачными ироническими кличками и прозвищами. Дилижансы, идущіе изъ Симферополя, черезъ Алушту, и почтовые экипажи и пароходы изъ Севастополя привозили въ Ялту цѣлыя массы новыхъ гостей, какъ изъ внутреннихъ городовъ Россіи, такъ и съ курортовъ Кавказа, а главнымъ образомъ, изъ другихъ мѣстностей Крыма, въ томъ числѣ изъ пыльнаго Симферополя, изъ живописной и здоровой, но скучной Алушты, или изъ душнаго Севастополя, откуда ѣздятъ въ Ялту, чтобы пожуировать и развлечься.

Прекрасная по расположенію, но пыльная и знойная ялтинская набережная наполнялась народомъ съ самаго утра. Дачное населеніе, особенно въ женской его части, предпочитало снованье по набережной да-

Digitized by Google

лекимъ прогулкамъ въ роскошныя окрестности Ялты, въ лѣсистыя горы Яйлы, на знаменитый водопадъ Учанъ-су или въ поэтическую Алупку. Здѣсь, на набережной, не было персиковыхъ, миндальныхъ и абрикосовыхъ деревьевъ, не виднѣлось ни розъ, ни фіалокъ, не было ни зеленыхъ шатровъ грецкаго орѣха, ни хаотически разбросанныхъ скалъ, но за-то здѣсь можно было видѣть множество туалетовъ, миленькихъ, простенькихъ, «смѣшныхъ» и «ужасныхъ», знакомиться съ интересными статскими и соблазнительными военными и любоваться на такъ называемыхъ «проводниковъ» (предметъ особаго вниманія дамъ), здоровенныхъ малыхъ на разнообразные вкусы, длинныхъ и худощавыхъ, приземистыхъ и ожирѣлыхъ, но неизмѣнно сильныхъ, смуглыхъ, бѣлозубыхъ, и, главное, полныхъ невозмутимо-самодовольной наглости и нахальства.

Съ теченіемъ времени, число пріѣзжающихъ въ Ялту значительно уменьшилось, и скоро эти пріѣзжіе становились извѣстными на перечетъ. Прибылъ изъ большого губернскаго города отставной генералъ, вотъ уже тридцать лѣтъ «приготовляющій для печати» какія-то записки, настолько правдиваго свойства, что почтенный авторъ ожидалъ, для обнародованія своихъ мемуаровъ, смерти всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, а въ томъ числѣ и своей собственной. Съ генераломъ пріѣхалъ его секретарь—молодой человѣкъ, очень юркаго вида, именующій себя присяжнымъ повѣреннымъ, но, какъ оказалось, по его-же разсказамъ, занимающійся и «литературой», и какими-то удивительными банковскими операціями, и доставленіемъ для желающихъ различныхъ мѣстъ, и необычайно счастливой игрой въ карты, и даже частной врачебной практикой.

Прибывшая вслѣдъ затѣмъ молодая дама изъ Москвы, жена ученаго, какъ говорили въ Ялтѣ, разумѣя подъ именемъ ученаго—едва-ли не профессора

Digitized by Google

магіи, зарекомендовала себя передъ Ялтой собственными стараніями. На вторыя-же сутки по пріѣздѣ, поздно вечеромъ, передъ домомъ молодой женщины состоялся большой турниръ, съ легкимъ членовредительствомъ, двухъ мѣстныхъ Донъ-Жуановъ: молодого человѣка изъ ялтинской парикмахерской, имѣвшаго наканунѣ честь причесывать прибывшую даму, и одного изъ содержателей лошадей для катанья, хотя и не занимающагося «проводничествомъ» спеціально, но не отказывающагося иногда демонстрировать дамамъ, отправляющимся верхомъ, безъ кавалера, прелести и красоты мѣстной «природы».

Спустя день, въ городъ пріѣхала не старая еще особа, обратившая на себя вниманіе ялтинцевъ огромнымъ количествомъ своего багажа—сундуковъ, корзинъ и чемодановъ такой прочной конструкціи, какъ будто-бы въ нихъ лежали особыя драгоцѣнности. По справкамъ ялтинскихъ аборигеновъ оказалось, что не старая еще особа, въ сущности, очень стара, *потому что* она еще дѣвушка. При этомъ прибавляли, что она—дѣвушка безукоризненной репутаціи (какъ успѣли узнать объ этомъ,—Богъ вѣсть), страдаетъ какими-то сложными недугами, имѣетъ независимое состояніе тысячъ въ 300 или въ 400, что въ ея сундукахъ находится гардеробъ и разныя вещи, такъ какъ она пріѣхала въ Крымъ года на два (если не умретъ черезъ недѣлю), и что она пробыла въ пути около трехъ мѣсяцевъ, такъ какъ пріѣхала съ окраинъ Восточной Сибири. Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ «сибирячки», какъ назвали ее въ Ялтѣ, почти всѣ наличные холостяки маневрировали около не молодой, но богатой пріѣзжей и пускали въ ходъ свои рессурсы: одинъ—щегольскіе, подвитые усы, другой—свой титулъ, прося пріятеля называть его не иначе, какъ mon prince, третій, военный,—свой фантастическій бешметъ, четвертый, живописецъ,—свой мечтательно-вдохновенный, а въ сущности, весьма теля-

Digitized by Google

тинообразный видъ; пятый, мѣстный татаринъ, владѣлецъ виноградника и табачной плантаціи,—свои бѣлые зубы и непринужденную простоту обращенія.

Для скандальной хроники Ялты представлялся очень благодарный матеріалъ, но, къ сожалѣнію, «сибирячка» опасно захворала и была позабыта.

На смѣну ей пріѣхало еще нѣсколько лицъ: какой-то пожилой господинъ, армянскаго типа, давшій, по пріѣздѣ, клятву нѣсколькимъ владѣльцамъ гостиницъ и содержателямъ меблированныхъ комнатъ въ томъ, что онъ проживетъ въ Ялтѣ не за десять-пятнадцать рублей въ сутки, а всего за два рубля. Онъ сдержалъ свое обѣщаніе, помѣстившись, какъ говорила мѣстная хроника, во дворѣ татарской сакли, въ деревнѣ Дере-кой, питаясь исключительно шашлыкомъ, по пятачку за «палочку» (шашлыкъ готовится изъ баранины, насаживаемой кусочками на деревянный шпинекъ) и запивая его «бузой», мѣстнымъ напиткомъ, вродѣ кваса или пива, очень невкуснымъ. Пріѣхала изъ какой-то отдаленной мѣстности Южнаго берега «зрѣлая дама», но прожила въ Ялтѣ не больше трехъ дней, по прошествіи которыхъ въ городѣ не оказалось ни ея, ни Селямета, румянаго и стройнаго татарина. По справкамъ оказалось, что дама справила татарину новую шитую золотомъ куртку и увезла его съ собою въ Москву.

Сплетни и слухи въ русскомъ курортѣ становились, однако, все однообразнѣе. Новыхъ пріѣзжихъ почти не было. Въ цѣлую недѣлю пріѣхали только двѣ супружескія пары: одна, по общему мнѣнію, счастливая, а другая—несчастная. Счастливая устроилась тотчасъ-же по пріѣздѣ. Мужъ прикомандировалъ себя къ одной изъ увеселительныхъ дѣвицъ, а женѣ былъ представленъ, именно, тотъ изъ соблазнительныхъ военныхъ, который имѣлъ, по мнѣнію ялтинцевъ, наибольшіе шансы на успѣхъ своего знакомства.

Digitized by Google

«Несчастная» супружеская пара показывалась вездѣ вмѣстѣ, на набережной, на музыкѣ, на прогулкахъ, непремѣнно въ фаэтонѣ, такъ какъ мужъ, по обычаю всѣхъ пріѣзжающихъ въ Ялту мужей, не умѣлъ ѣздить верхомъ, оба — съ угрюмыми лицами, перекидываясь изрѣдка безсодержательными фразами, жадно смотря по сторонамъ, страстно желая забыть другъ о другѣ, но не имѣя силъ противостоять взаимной, жгучей и злобной ревности.

II.

Послѣ промежутка, дня въ три или четыре, не отмѣченнаго пріѣздомъ въ Ялту какихъ-либо выдающихся личностей, прибыла новая супружеская пара, сразу обратившая на себя вниманіе. Мужъ былъ длинный и сухощавый человѣкъ, очень болѣзненнаго вида, но отличался такою простотою обращенія и веселостью нрава, что съ первыхъ-же словъ покорилъ сначала нумерного, согласившагося перемѣнить ему умывальный приборъ, потомъ владѣльца второстепенной гостиницы, гдѣ длинный господинъ остановился, а затѣмъ и всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось видѣться и разговаривать. Было что-то странно задушевное, простое и дѣтское, въ рѣчахъ этого больного и болѣзненнаго человѣка. Сохраняя въ лицѣ спокойную важность и сосредоточенную невозмутимость, онъ говорилъ иногда самыя удивительныя вещи, столько-же доступныя пониманію простого и необразованнаго человѣка, сколько поражавшія своею глубиною, иногда юморомъ, порою сарказмомъ,—его развитаго собесѣдника. Недюжинный умъ и всестороннее образованіе, повидимому, нисколько не исключали, въ длинномъ господинѣ, дѣятельности его сердца, его дѣтской впе-

Digitized by Google

чатлительности и отзывчивости, какъ не заглушала серьезная болѣзнь его ребяческой веселости и подвижности.

Вмѣстѣ съ длиннымъ господиномъ пріѣхала молодая и стройная женщина, которую ялтинская молва тотчасъ-же назвала его женою. На этотъ счетъ у ялтинцевъ издавна была выработана удивительная способность узнавать, не то инстинктивно, не то гипнотически, не то какъ-нибудь еще иначе, настоящее положеніе и взаимныя отношенія пріѣзжающихъ. Имъ не были нужны ни метрики, ни брачныя свидѣтельства, ни какіе-либо другіе документы; ялтинцы смотрѣли, какъ идетъ мужчина съ дамою подъ руку, какъ онъ сажаетъ ее въ экипажъ, подслушивали одну-другую интонацію въ разговорѣ и, на основаніи этихъ и еще какихъ-то неизвѣстныхъ, но мелкихъ примѣтъ, составляли безошибочное мнѣніе о соціальномъ положеніи новаго человѣка, объ его отношеніяхъ къ своимъ спутникамъ, о вкусахъ, наклонностяхъ, достоинствахъ и недостаткахъ. Длинный господинъ былъ признанъ всею наблюдающею, вѣрнѣе—скучающею и сплетничающею Ялтою чрезвычайно симпатичнымъ человѣкомъ, симпатичнымъ до степени, внушающей подозрѣніе и возбуждающей опасенія. Что касается жены новаго пріѣзжаго, то она тотчасъ-же была признана красавицею.

Такою лестною молвою спутница длиннаго господина была обязана своимъ дѣйствительно прекраснымъ глазамъ. Огромные, влажные, черные при огнѣ и зеленоватые днемъ, эти глаза, казалось, существовали сами по себѣ, жили иною, отдѣльною жизнью, чѣмъ ихъ обладательница. Казалось, что и принадлежали-то они, въ сущности, вовсе не ей, а какому-то другому существу высшаго порядка, столько было въ нихъ, въ этихъ глазахъ, тихой и глубокой думы, чарующей нѣжности и задушевной ласки. Отдавая должное красотѣ этихъ глазъ, ялтинцы признавали ихъ,

Digitized by Google

однако, отнюдь не способствующими упроченію супружескаго счастія... и немножко затруднялись въ своихъ выводахъ, когда имъ пришлось сопоставить это обстоятельство съ счастливымъ и довольнымъ видомъ длиннаго господина... Какъ-бы то ни было, для праздной части населенія, не занятой своими личными дѣлами, представлялось обширное поле для интересныхъ наблюденій надъ новоприбывшею четой.

По самымъ точнымъ свѣдѣніямъ, облетѣвшимъ на другой день курортъ съ аккуратностью оффиціальнаго бюллетеня, длинный господинъ, тотчасъ-же по водвореніи въ двухъ комнатахъ гостиницы «Ялта», предоставилъ своей женѣ разбирать, съ помощью слуги и горничной, свой багажъ, пить чай и отдыхать, а самъ побѣжалъ на морской берегъ и, спустясь къ самой водѣ, забавлялся тѣмъ, что догонялъ морскія волны, когда онѣ отливали отъ берега, и стремглавъ улепетывалъ своими длинными ногами обратно, когда эти волны шумной грядой бѣжали къ землѣ. Потомъ онъ захватилъ пригоршней морской воды и попробовалъ, какова она на вкусъ. Затѣмъ снялъ фуражку и что-то запѣлъ слабымъ, груднымъ баритономъ. По сообщенію другого досужаго корреспондента-добровольца, длинный господинъ пѣлъ извѣстный романсъ «Моряки», причемъ преимущественно исполнялъ куплетъ:

«Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина».

Потомъ онъ подбоченивался, и выступая журавлиной иноходью, съ особеннымъ, повидимому, удовольствіемъ повторялъ:

«Но туда выносятъ волны
Только сильнаго душой».

И заканчивалъ славными грудными нотами и съ большою экспрессіею:

«Смѣло, братья: вѣтромъ полный,
Прямъ и крѣпокъ парусъ мой».

Digitized by Google

Вернулся онъ домой не слишкомъ поздно и засталъ жену—сидящею на балконѣ. Они вмѣстѣ сидѣли тутъ почти до полуночи и, своимъ внѣшнимъ согласіемъ и дружелюбіемъ, грозили повторить хорошо извѣстную ялтинцамъ «несчастную» пару, скованную цѣпями взаимной привычки, ревности и самолюбія.

По дальнѣйшимъ свѣдѣніямъ, длинный господинъ, котораго звали Дмитріемъ Сергѣевичемъ Лаишевымъ, оказался столичнымъ жителемъ, не имѣющимъ, кромѣ службы, никакихъ особыхъ средствъ и рессурсовъ для жизни. Служба эта была по выборамъ и требовала наличности большого и безусловнаго довѣрія. Дмитрій Сергѣевичъ былъ женатъ уже около трехъ лѣтъ; дѣтей, такъ-же какъ и какой-бы то ни было родни, не имѣлъ, и баловалъ свою жену, какъ ребенка, спрашивалъ во всемъ ея мнѣній и совѣтовъ, какъ у матери или старшей сестры, и заботился объ ея нравственномъ и умственномъ развитіи, какъ заботятся умные и честные отцы о духовной жизни своихъ подростающихъ дочерей.

Молодая женщина, по общему отзыву, держала себя до сихъ поръ съ большимъ тактомъ. Не придавая себѣ вида напускной скромности, не будучи тѣмъ, что называется prude, она умѣла отклонить отъ себя нѣсколько слишкомъ рискованныхъ знакомствъ, очень ловко не замѣчала ухаживаній пріѣзжей молодежи, успѣвшей втереться въ дружбу къ мужу, и совершенно игнорировала мѣстныхъ сердцеѣдовъ, грозу южнобережныхъ мужей,—красавцевъ проводниковъ. Загородныя прогулки она дѣлала или въ обществѣ двухъ молоденькихъ дѣвушекъ, дочерей мѣстнаго чиновника, или съ мужемъ, или, наконецъ, одна, въ сопровожденіи Шарика, собаки при гостиницѣ, котораго всѣ ласкали и никто не кормилъ.

Между тѣмъ, мѣстные Донъ-Жуаны, вкусы которыхъ успѣли развиться въ такой-же степени, въ какой обострились ихъ аппетиты, такъ усердно поо-

Digitized by Google

щряемые пріѣзжими дамами, сдѣлали новоприбывшую предметомъ своихъ исканій.

Началось съ того, что нѣкоторые изъ проводниковъ держали между собою пари, что каждый изъ нихъ съумѣетъ подѣйствовать на воображеніе новой красавицы. Само собою разумѣется, что они выразились о предметѣ своего пари нѣсколько реальнѣе и грубѣе. Потомъ проводники надѣли на себя лучшія куртки съ золотымъ шитьемъ, стоимостью до полутораста рублей, и стали гарцовать на своихъ небольшихъ, но хорошо содержимыхъ и выкормленныхъ лошадяхъ, подъ окнами гостиницы и по бульвару, когда дама ихъ сердецъ была на улицѣ.

Молодая женщина ихъ не замѣчала или дѣлала видъ, что не замѣчаетъ. Нѣкоторые изъ проводниковъ, считавшіеся особенными ходоками по дамской части, со свойственною татарамъ непринужденностію, звали ее на прогулку и предлагали, при этомъ, красивой «ханымъ» (барынѣ, госпожѣ) какъ лошадей, такъ и свои услуги, безплатно. Молодая женщина не слышала этихъ, комическихъ въ своей простотѣ и непосредственности, выходокъ нахальства и спокойно проходила своею мѣрною, изящною поступью какъ мимо проводниковъ, такъ и вообще среди шумной и разряженной толпы, наполнявшей набережную. Ялтинцы соскучились ждать какого-нибудь пикантнаго эпизода и обратили все свое вниманіе на дѣйствительно выдающееся происшествіе, вѣрнѣе-преступленіе, совершенное татариномъ одной мѣстности Южнаго берега надъ молодою дачницею, и въ сотый разъ перечитывали извѣстія о случившемся, обошедшія всѣ русскія газеты.

Тѣмъ временемъ, Дмитрій Сергѣевичъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько самыхъ разнообразныхъ экскурсій. Онъ не на шутку заблудился въ ущельяхъ Аю-дага, лазилъ и почти добирался до лѣсистыхъ вершинъ Яйлы, побывалъ въ поэтической Алупкѣ, откуда ни за что

Digitized by Google

не хотѣлъ уходить, не смотря на увѣщанія своихъ спутниковъ, былъ на Учанъ-су и въ Гурзуфѣ. Всѣ свои, иногда очень далекія, прогулки онъ совершалъ, не прибѣгая къ помощи верховыхъ лошадей, такъ-какъ не умѣлъ ѣздить верхомъ, и не нанимая экипажа, потому что всѣ эти парные фаэтоны, щегольскія коляски и легкія, плетеныя корзиночки,—paniers de Nice—считалъ для себя слишкомъ дорогими. По этой-же послѣдней причинѣ, онъ не бралъ съ собою и проводника.

Судьба, однако, скоро выручила Дмитрія Сергѣевича и послала ему чрезвычайно удобнаго и полезнаго спутника, оказавшаго ему, нѣсколько позже, такую услугу, о которой съ шумнымъ удивленіемъ заговорила ничему не удивляющаяся Ялта.

III.

Этого спутника звали Алимъ - цыганъ. Дмитрій Сергѣевичъ познакомился съ нимъ въ Симферополѣ, въ татарской части города, которую онъ осматривалъ съ неистовымъ любопытствомъ петербуржца, никогда не выѣзжавшаго дальше Петергофа или Павловска. Въ цыганѣ Дмитрій Сергѣевичъ нашелъ себѣ отличнаго гида, который, однако, не дѣлалъ изъ проводничества профессіи. Алимъ шатался по городу, въ качествѣ простого фланера, и въ свою очередь, былъ очень доволенъ, пріобрѣтя въ спутники такого-же фланера-путешественника.

У послѣдняго, къ тому-же, былъ съ собою большой запасъ табаку, который у Алима давно вышелъ. Этого было достаточно, чтобы цыганъ прошатался съ своимъ новымъ знакомымъ цѣлое утро. Дмитрій Сергѣевичъ, въ свою очередь, былъ очень заинтересованъ

Digitized by Google

Алимомъ, какъ туземцемъ, отличающимся къ тому-же крайнею типичностью лица, фигуры, манеръ и костюма. Алимъ былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, средняго роста и сухощаваго, но чрезвычайно мускулистаго сложенія. Совершенно худое лицо его съ темнобронзовымъ, обожженнымъ цвѣтомъ кожи, съ большимъ и горбатымъ носомъ и черными глазами, цвѣта каменнаго угля, — отличалось мужественною красотою. Національность Алима была неясна даже для него самого. Онъ называлъ себя цыганомъ, но въ его жилахъ текла кровь тѣхъ-же самыхъ генуэзцевъ, которые дали изящество типа своимъ потомкамъ—крымскимъ татарамъ. Одежда Алима оставляла желать многаго не только по качеству, но и по количеству. Онъ былъ одѣтъ въ какое-то невѣроятно истасканное нижнее платье съ большими отдушинами и потертую куртку, перетянутую дырявымъ поясомъ. Нищенскій костюмъ Алима не производилъ, однако, никакого угнетающаго и непріятнаго впечатлѣнія, съ такою граціею и ловкостью онъ носилъ его и такъ эффектно въ немъ позировалъ.

Тѣмъ не менѣе, послѣ трехчасовой прогулки и оживленной бесѣды, Алимъ нашелъ возможнымъ принять отъ своего новаго знакомаго, какъ знакъ возникающей между ними дружбы, поношенные панталоны и малороссійскую рубашку, изъ которой стала осыпаться вышивка.

Для этого Дмитрій Сергѣевичъ привелъ цыгана въ свой нумеръ гостиницы и съ истиннымъ наслажденіемъ смотрѣлъ, съ какимъ непринужденнымъ достоинствомъ Алимъ протянулъ, здороваясь, руку его женѣ, а потомъ сѣлъ за столъ и спросилъ у нея себѣ чаю. Молодая женщина, въ свою очередь, въ первый разъ встрѣтилась съ нравами и обычаями крымскаго простонародья и отъ души забавлялась, при видѣ хладнокровной увѣренности и горделиваго самообладанія, съ которымъ держалъ себя Алимъ.

Digitized by Google

Въ концѣ концовъ, всѣ трое очень понравились другъ другу. Алимъ одобрительно отозвался о красотѣ молодой женщины, назвавъ ее «якши ханымъ», и долго жалъ своими черными и грязными руками руку самого Дмитрія Сергѣевича, говоря, что онъ теперь—его «кардашъ», т. е. братъ.

Супружеская чета, въ свою очередь, отнеслась къ Алиму самымъ дружественнымъ образомъ. Дмитрій Сергѣевичъ долго смѣялся, вспоминая посѣщеніе цыгана, а Надежда Михайловна нервно вздрагивала, представляя себѣ, какъ опасно было-бы влюбить въ себя этого звѣря, ловкаго и граціознаго, какъ тигръ, и конечно такого-же сильнаго, смѣлаго и кровожаднаго. Подъ вліяніемъ такихъ страшныхъ представленій, которымъ молодая женщина отдавалась, однако, довольно охотно, она провела безпокойную ночь, часто просыпалась и даже имѣла небольшой лихорадочный бредъ, въ которомъ она на что-то негодовала и отъ чего-то отказывалась.

Спустя двѣ недѣли по прибытіи своемъ въ Ялту, Дмитрій Сергѣевичъ, собирая на берегу разноцвѣтные черноморскіе камушки, изъ которыхъ хотѣлъ сдѣлать себѣ прессъ-папье, набрелъ глазами на знакомый узоръ своихъ старыхъ панталонъ. Онъ перенесъ глаза вверхъ и увидѣлъ Алима, всматривающагося въ лазурную даль моря. Свиданіе состоялось при самыхъ теплыхъ выраженіяхъ чувства съ обѣихъ сторонъ. Алимъ, по прежнему, не имѣлъ никакихъ занятій, а жилъ на тѣ небольшія деньги, которыя перепадали ему отъ туристовъ за мелкія услуги. Встрѣтившись съ Дмитріемъ Сергѣевичемъ, онъ тотчасъ-же прикомандировалъ себя къ нему и уже почти не разставался съ нимъ, дѣлая далекія экскурсіи или спокойно сидя дома, во время отдыха отъ какого-нибудь перехода, верстъ въ сорокъ. Подружившись съ Лаишевымъ, Алимъ перенесъ часть своего благоволенія и на его жену: одобрительно хлопалъ ее по плечу,

Digitized by Google

когда она являлась въ комнату, въ своемъ кокетливомъ пенюарѣ, приносилъ ей цвѣты и орѣхи, горделиво увѣряя въ томъ, что «самъ воровалъ, завтра еще воровать буду», пилъ чай по шести стакановъ подъ рядъ, но съ однимъ маленькимъ кусочкомъ сахару, и очень любилъ смущать молодую женщину, уставивъ на нее неподвижно свои угольные, мерцающіе свѣтомъ, какъ у голоднаго волка, глаза, выкативъ ихъ изъ орбитъ, для усиленія впечатлѣнія и эффекта. Впрочемъ, Надежда Михайловна успѣла понемногу привыкнуть къ выходкамъ молодого цыгана, прежде такъ ее удивлявшимъ и шокировавшимъ, и съ знойнымъ наслажденіемъ разсматривала смуглаго красавца, столь непохожаго на бѣлесоватыхъ, худосочныхъ, безсильныхъ, неувѣренныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, претенціозныхъ молодцовъ, которые считаются, на сѣверѣ, красавцами только потому, что всѣ остальные мужчины еще хуже ихъ.

Тѣмъ временемъ, дружба между Дмитріемъ Сергѣевичемъ и Алимомъ завязывалась не на шутку. Не смотря на огромную разницу во взглядахъ и развитіи культурнаго столичнаго жителя и простодушнаго сына крымскихъ горъ и степей, въ обоихъ были общія черты душевной ясности, врожденной порядочности и рѣзко выраженнаго альтруистическаго настроенія. Въ своихъ далекихъ странствованіяхъ новые друзья переговорили обо всемъ, что могло интересовать того и другого. Алимъ разсказывалъ Дмитрію Сергѣевичу различныя горныя легенды, которыя зналъ во множествѣ; говорилъ о нравахъ и обычаяхъ крымскихъ татаръ; сводилъ его въ какую-то пустынную долину, гдѣ остановились таборомъ цыгане, пришедшіе чуть-ли не изъ Малой Азіи, съ женщинами, занимавшимися кабалистикой, и нагими ребятишками; показывалъ Дмитрію Сергѣевичу мѣстныя произведенія земли и моря, крабовъ, медузъ, сталактиты изъ пещеръ; давалъ очень вѣрныя и нерѣдко забавныя характе-

Digitized by Google

ристики пріѣзжихъ и туземцевъ. Дмитрій Сергѣевичъ, съ своей стороны, разсказывалъ Алиму о каменныхъ громадахъ сѣверной столицы, о полугодовой зимѣ съ ея красотами и наслажденіями, о различныхъ городскихъ профессіяхъ, объ успѣхахъ современной науки и обо многомъ, что живо интересовало цыгана.

Бесѣды ихъ принимали иногда особенно интимный характеръ. Алимъ разсказывалъ, что онъ влюбленъ въ дочь одного татарина—Тохтаръ-эффенди. Кромѣ того, онъ сознался и въ другихъ своихъ любовныхъ авантюрахъ, носившихъ, однако, строго утилитарный характеръ. Одна барыня подарила ему золотые часы, которые онъ впрочемъ скоро потерялъ, по непривычкѣ носить съ собою драгоцѣнныя вещи. Другая дарила ему по десяти рублей, и больше. Подобныя повѣствованія не казались въ устахъ Алима ни грязными, ни отвратительными, благодаря неподражаемому тону наивности, непосредственности и правоты, которымъ они разсказывались.

Дмитрій Сергѣевичъ говорилъ Алиму о своей женѣ, и однажды спросилъ его мнѣнія на ея счетъ. Алимъ тотчасъ-же и не обинуясь, какъ будто предвидѣлъ вопросъ и давно приготовилъ отвѣтъ, формулировалъ свое мнѣніе: ханымъ—красавица, большая красавица, и ханымъ врядъ-ли обманетъ когда-нибудь своего мужа, но за то, если обманетъ, то будетъ потеряна для него навсегда. Кромѣ того, онъ, Алимъ, знаетъ, какіе именно люди опасны для ихъ супружескаго счастія, и такъ какъ онъ для него «кардашъ», то съумѣетъ предупредить опасность, какъ-бы велика и серьезна она не была.

Дмитрій Сергѣевичъ засмѣялся любезной предупредительности цыгана, потомъ на минуту задумался, и наконецъ, пожавъ очень грязную, по обыкновенію, руку своего проводника, отправился съ нимъ домой.

Digitized by Google

IV.

Спустя нѣсколько времени, въ экскурсіяхъ Дмитрія Сергѣевича и Алима стала принимать участіе и Надежда Михайловна. Раза два или три, во время короткаго нездоровья мужа, молодая женщина дѣлала продолжительныя путешествія, въ сопровожденіи одного лишь Алима. Скучающіе горожане попробовали, было, пустить на ея счетъ болѣе или менѣе нечистоплотную сплетню, но цыганъ такъ много терялъ, въ сравненіи съ разряженными красавцами-проводниками, составившими своими любовными похожденіями громкое имя, онъ былъ такъ незамѣтенъ, скроменъ и простъ, что сплетня умолкла сама собою.

Между тѣмъ, молодая женщина возвращалась съ этихъ одинокихъ прогулокъ, довольно, впрочемъ, не частыхъ, — нервною, разстроенною и раздраженною. Алимъ былъ спокоенъ, но, казалось, обдумывалъ нѣчто очень рѣшительное и несовсѣмъ обыкновенное.

Въ одинъ яркій, солнечный день, который Дмитрій Сергѣевичъ рѣшилъ провести въ отдыхѣ послѣ вчерашняго утомительнаго похода на Демерджи, гору, находящуюся за Алуштой, — къ нему, по обыкновенію, зашелъ Алимъ.

— Прощай, Дмитри Сергѣй,—сказалъ онъ.

— Какъ—прощай? Почему—прощай?—воскликнулъ Лаишевъ, почти въ испугѣ вставая съ дивана и тщетно стараясь, въ своемъ волненіи, попасть ногою въ туфлю.

— Завтра ѣду въ Севастополь, а оттуда въ Одессу,—продолжалъ цыганъ.

Дмитрій Сергѣевичъ казался очень изумленнымъ и сильно разстроеннымъ, и нѣкоторое время не находилъ, что сказать своему пріятелю.

Digitized by Google

— Пойдешь—провожать меня?—съ наивною увѣренностью спросилъ Алимъ.

— Провожать? Пойду. Конечно, пойду. Только зачѣмъ ты ѣдешь? Вѣдь, все равно, тамъ у тебя не будетъ никакого дѣла. Разскажи мнѣ, зачѣмъ ты ѣдешь?

— Я разскажу... все тебѣ разскажу, Дмитри Сергѣй... Только не здѣсь... Приходи лучше на наше мѣсто... знаешь, въ Чертову ворóнку... Приходи черезъ два часа и жди меня на томъ камнѣ, гдѣ ты вырѣзалъ свое имя.

Дмитрій Сергѣевичъ тотчасъ-же далъ обѣщаніе быть на условленномъ мѣстѣ и снова сталъ приставать къ Алиму съ разспросами. Послѣдній былъ, однако, отчего-то сильно не въ духѣ. Онъ только спросилъ, дома-ли ханымъ и, узнавъ, что она ушла съ полчаса тому назадъ, сверкнулъ глазами и ушелъ, не отвѣчая на вопросы Лаишева.

До «Чертовой ворóнки» было не больше получаса ходьбы, и Дмитрій Сергѣевичъ могъ безпрепятственно волноваться на всѣ лады—остальные полтора часа времени. Извѣстіе объ отъѣздѣ Алима подѣйствовало на него самымъ угнетающимъ образомъ, и онъ успокоился немного лишь на мысли—отговорить молодого цыгана отъ его поѣздки, предложивъ ему, если потребуется, небольшую сумму денегъ, въ возмѣщеніе его разсчетовъ.

«Чертовой ворóнкой» называлось глухое и дикое, но чрезвычайно живописное ущелье, на самомъ берегу моря. Ущелье, въ самомъ дѣлѣ, представляло собою гигантскую воронку, или опрокинутый конусъ—круглую яму, съуживающуюся книзу, почти правильной формы, неменьше семи сажень глубиною. На верхнихъ краяхъ воронки росли деревья, кое-гдѣ повитыя дикимъ плющемъ, а на ея скатахъ, усыпанныхъ огромными камнями причудливой формы, приткнулось нѣсколько кустиковъ. Скаты воронки были

Digitized by Google

сначала почти отвѣсны, и спуститься на ея дно можно было, только сдѣлавъ значительный обходъ по спирали. Здѣсь, надъ глубокимъ и дикимъ оврагомъ, не разъ сиживалъ Лаишевъ, въ тихой бесѣдѣ съ Алимомъ или въ молчаливомъ созерцаніи пышнаго моря и этого причудливаго хаоса скалъ и обломковъ.

Дмитрій Сергѣевичъ былъ на мѣстѣ, по крайней мѣрѣ, за полчаса до условленнаго времени. Въ грустномъ раздумьи онъ присѣлъ на большой камень, расположенный подъ купою деревьевъ, надъ самымъ краемъ «воро́нки», и сталъ ожидать Алима, размышляя, какимъ образомъ онъ могъ такъ привязаться къ этому цыгану, хотя и очень симпатичному на видъ, но, вѣроятно, такому-же плуту и обманщику, какъ и вся его цыганско-татарская братія.

День выдался особенно яркій и знойный. Море блестѣло свѣтомъ раскаленной стали. Шумъ прибоя едва доносился до этой вышины. Дмитрій Сергѣевичъ растянулся на «своемъ» камнѣ, на которомъ были вырѣзаны имена—его, жены и Алима, и предался восторженному созерцанію окружавшихъ его красотъ, подъ вліяніемъ котораго затихали его сегодняшнія неудовольствія и волненія.

Въ это время, изъ глубины оврага, до слуха Дмитрія Сергѣевича долетѣли звуки двухъ молодыхъ голосовъ. Одинъ изъ этихъ голосовъ принадлежалъ его женѣ.

Онъ узналъ ея звучный, грудной контральто, и въ страхѣ передъ тѣмъ, что ожидаетъ его черезъ минуту, какое горькое разочарованіе готовитъ ему судьба, зажмурилъ на мгновеніе глаза, какъ закрываетъ ихъ человѣкъ передъ всякой опасностью и передъ каждымъ ударомъ слѣпого случая.

Съ зажмуренными глазами онъ услышалъ этотъ знакомый голосъ еще яснѣе и, казалось, еще ближе. Сомнѣнія больше не могло быть: его жена — здѣсь, въ этой глуши, въ сладкомъ tête à tête съ своимъ

Digitized by Google

любовникомъ. Ее выслѣдилъ Алимъ... Призвавъ его сюда, онъ хотѣлъ открыть ему глаза. Его отъѣздъ становится вполнѣ понятнымъ. Оказавъ такую печальную услугу, онъ не хочетъ быть постояннымъ напоминаніемъ его несчастія, его позора... Врожденный тактъ подсказалъ цыгану, что ему надо уйти, дать человѣку пережить свое горе и помириться съ своимъ несчастіемъ.

И Дмитрій Сергѣевичъ, которому захотѣлось собственными глазами удостовѣриться въ истинныхъ размѣрахъ своей бѣды, припалъ грудью на камень и раздвинулъ руками колючія вѣтви куста, извѣстнаго подъ названіемъ «держи-дерево».

На днѣ котловины, въ тѣнистой ея сторонѣ, подъ небольшимъ деревомъ, укутанномъ гроздьями лишаевъ, сидѣла на камнѣ Надежда Михайловна.

Около ея ногъ, растянувшись на другомъ, длинномъ и гладкомъ камнѣ, полулежалъ въ небрежной позѣ мужчина, очевидно,—туземецъ.

Дмитрій Сергѣевичъ смигнулъ слезы, выступившія на его глаза отъ сильнаго напряженія, съ которымъ онъ всматривался въ глубину темной котловины, и узналъ въ туземцѣ Алима.

Онъ вздохнулъ свободнѣе и собрался уже крикнуть, чтобы извѣстить жену и пріятеля о своемъ приходѣ.

Въ эту минуту, Надежда Михайловна откинула свою бѣлую, выхоленую руку на шею цыгана, бронзовую и по цвѣту, и по своей античной, точно вылитой формѣ.

— Алимъ,—сказала она, и голосъ ея зазвучалъ страстными, горячими нотами, отъ которыхъ кровь бросилась въ лицо Дмитрія Сергѣевича. — Алимъ... неужели ты уѣдешь?... И такъ скоро... Послушай, я не хочу этого... Ты, вѣрно, не любишь меня... Я тебѣ не нравлюсь, неправда-ли? Въ такомъ случаѣ, скажи мнѣ объ этомъ прямо... Послушай меня... не-

Digitized by Google

ужели ты уѣдешь, когда я обѣщаю тебѣ... ну, обѣщаю тебѣ все, все, что ты захочешь, всѣ ласки, на которыя я способна, всю жизнь, которая безъ тебя мнѣ будетъ въ тягость... Я буду дѣлать все, что ты мнѣ прикажешь... Я не хочу, я не хочу, чтобы ты уѣхалъ... Пойми, что я люблю тебя...

И перегнувъ, движеніемъ газели, свой стройный станъ, молодая женщина очутилась почти въ объятіяхъ цыгана.

Алимъ, молча, отодвинулся; презрительная улыбка приподняла его шелковые усы и обнажила сверкающіе бѣлизной зубы.

— Говоришь—любишь?—сказалъ онъ послѣ небольшого молчанія.—Такъ-ли это, ханымъ? Есть-ли у тебя чѣмъ любить? У тебя блѣдная кожа... Смотри, ты еще молодая, а между тѣмъ на твоемъ лицѣ уже давно завяли твои розы. Ты пріѣхала сюда лечиться... Можетъ быть, это твоя болѣзнь, а ты думаешь, что это — любовь... Нѣтъ, нѣтъ, ханымъ... Тебѣ нечѣмъ любить, потому что у тебя нѣтъ для любви никакой силы.

Молодая женщина смотрѣла на Алима влажными, помутившимися глазами и, казалось, была близка къ обмороку.

— Нѣтъ, нѣтъ, — задумчиво повторилъ цыганъ еще разъ. — Для любви надо много... Я только не знаю, какъ назвать это... Вотъ, смотри, — говорилъ онъ, внезапно одушевляясь и схватывая въ руки молодой, но уже окрѣпшій дубокъ, скатившійся съ вершины оврага,– мнѣ ни за что не переломить деревцо, потому что его не переломитъ и первый силачъ во всемъ Крымѣ, татаринъ—чабанъ изъ Дерикоя. Мнѣ не переломить его, ханымъ, — повторялъ онъ, дѣлая отчаянныя усилія сломить деревцо.—Но если я знаю, что я люблю тебя... Смотри:

Съ невѣроятнымъ приливомъ энергіи и бѣшеной силы, той силы, которою обладаютъ во время при-

Digitized by Google

падковъ сумасшедшіе, цыганъ снова схватился за дубокъ, и почти въ ту-же минуту обломки свѣжаго дерева полетѣли въ разныя стороны.

— Видишь теперь, что значитъ любовь, ханымъ,—сказалъ цыганъ, весь блѣдный и задыхающійся отъ страшнаго, нечеловѣческаго усилія.

— Ты меня любишь... ты меня любишь,—лепетала молодая женщина.—О, возьми меня и уничтожь, какъ это деревцо... Я буду счастлива... Я люблю тебя.

— И я люблю тебя, ханымъ,—воскликнулъ цыганъ, блѣднѣя все больше и больше. — Люблю твои бѣлыя руки, твои маленькія ножки, люблю твое платье и эти пылинки на твоей обуви. И все-таки, скажу тебѣ, ханымъ, что ты... что ты — хуже послѣдней изъ этихъ старухъ, которыя бѣгаютъ по набережной за проводниками, что я стыжусь своей любви къ тебѣ и что покаюсь въ ней своему старику-отцу, если попаду когда-нибудь въ свой родной таборъ.

Послѣднія слова цыгана возымѣли совершенно обратное дѣйствіе, чѣмъ на какое онъ, повидимому, разсчитывалъ. Молодая женщина охватила шею цыгана своими точеными руками и прильнула къ его устамъ бѣшенымъ поцѣлуемъ. Алимъ нетерпѣливо стряхнулъ ее движеніемъ плечъ, какъ стряхиваютъ съ себя червяка, упавшаго съ дерева.

— Поди и цѣлуй того, кто господинъ твоихъ поцѣлуевъ, — сказалъ онъ. — Цѣлуй его ноги и пыль изъ-подъ его сапогъ, такъ какъ ты не стóишь и этой пыли. Я говорю такъ не потому, что твой мужъ мнѣ—кардашъ, а потому, что онъ умѣетъ любить и имѣетъ на то большія силы. Не подумай, ханымъ,— прибавилъ цыганъ, — что я говорю про любовь его къ тебѣ, бѣлой, красивой женщинѣ... Дмитри Сергѣй любитъ весь міръ... И весь міръ отвѣчаетъ на его любовь... И солнце для него свѣтитъ ярче, и волны бьютъ о берегъ ровнѣе, и вѣтеръ дуетъ привѣтли-

Digitized by Google

вѣе, и люди улыбаются на его улыбку. Все отвѣчаетъ на его любовь, кромѣ тебя, ханымъ...

Алимъ вынулъ изъ-за пояса татарскій ножъ и, быстро срѣзавъ длинную и гибкую вѣтвь какого-то дерева, мгновенно очистилъ ее отъ сучковъ и листьевъ.

— Я позвалъ сюда Дмитри Сергѣя, чтобы показать ему тебя... Онъ не пришелъ, а мнѣ слѣдуетъ уходить... Но прежде, чѣмъ уйти, я сдѣлаю на твоихъ бѣлыхъ плечахъ и на твоемъ красивомъ лицѣ такую отмѣтку, по которой мой кардашъ узнаетъ, гдѣ и зачѣмъ ты была!

Произнеся эти слова, цыганъ съ силою взмахнулъ прутомъ, очевидно, пробуя его гибкость, около самаго лица молодой женщины.

Она слабо вскрикнула, и почти въ тоже самое мгновеніе, въ двухъ шагахъ отъ нея и цыгана, упалъ Дмитрій Сергѣевичъ, соскочившій съ семисаженной высоты.

Этотъ страшный скачекъ, по удивительной случайности, прошелъ для Лаишева сравнительно благополучно; онъ упалъ на группу пышныхъ кустарниковыхъ растеній, но тѣмъ не менѣе, ошеломленный паденіемъ, не могъ подняться безъ посторонней помощи. Алимъ торопливо подошелъ къ нему и, нѣжнымъ движеніемъ, помогъ ему сѣсть на камень. Надежда Михайловна стояла, прислонившись къ дереву, почти теряя сознаніе. Алимъ скоро оставилъ Лаишева и снова подошелъ къ ней.

— Вотъ, видишь, ханымъ,—сказалъ онъ, съ выраженіемъ неукротимаго гнѣва,—Дмитри Сергѣй слышалъ, какъ я говорилъ про свою любовь къ тебѣ... онъ видѣлъ, какъ ты цѣловала меня... но онъ не нарушилъ твоего покоя... Когда же онъ увидѣлъ, что я хочу поднять на тебя руку, онъ соскочилъ... смотри—откуда...

Digitized by Google

И Алимъ грубымъ движеніемъ поднялъ голову молодой женщины кверху. Потомъ онъ снова направился къ Дмитрію Сергѣевичу и, неожиданно схвативъ его руку, поднесъ ее къ своимъ губамъ. Лаишевъ съ трудомъ поднялся съ своего мѣста и подошелъ къ женѣ, которая, какъ снопъ, свалилась къ нему на руки.

Алимъ взглянулъ еще разъ на молодыхъ супруговъ и, бросившись по сравнительно отлогой сторонѣ ворóнки, быстро полѣзъ кверху. Скоро онъ выбрался изъ котловины и продолжалъ карабкаться все выше и выше.

— Прощай, Дмитри Сергѣй!—закричалъ онъ, съ легкостію серны взбираясь на почти отвѣсную кручу. — Алимъ — твой кардашъ... вѣрный кардашъ. Бери свою жену... Алимъ подарилъ тебѣ твою ханымъ.

Цыганъ обходилъ, цѣпляясь за горные кусты, большой камень, вѣрнѣе—цѣлую скалу, возвышающуюся стоймя. Черезъ минуту онъ снова лѣзъ вверхъ, передъ глазами супруговъ.

— Прощай, ханымъ,—продолжалъ онъ кричать, усиливая свой голосъ, сообразно съ увеличивающимся разстояніемъ.—Цыганъ тоже имѣлъ любовь къ тебѣ... Эй! слышишь, ханымъ... И не такую, какъ ты... Твоя любовь—больная и слабая... Моя—сильная, крѣпкая... Прощай, Дмитри Сергѣй... Прощай, ханымъ. Имѣй любовь къ нему... Только онъ да я... Э—гей!... и спрыгнули бы для тебя съ такой кручи.

Голосъ Алима потерялся въ вышинѣ; лица его уже не было видно, фигура постепенно уменьшалась въ своихъ размѣрахъ и снова скрылась въ извилинахъ скалъ.

— Э—гей!... Дмитри... Прощай, Дмитри!...—донеслось еще разъ съ головокружительной высоты, и Алимъ окончательно пропалъ изъ вида.

На днѣ котловины остались мужъ и жена; наединѣ съ своимъ стыдомъ и горемъ, передъ суро-

Digitized by Google

вымъ призракомъ неизвѣстнаго будущаго, предъ смущеннымъ ликомъ разбитаго прошлаго.

— Дмитри... Э—э—гей!—прозвучалъ въ послѣдній разъ съ горныхъ вершинъ свободный кликъ свободнаго человѣка.

Провинціальная сплетня, Богъ знаетъ—какими путями, возстановила описанную сцену на другой же день, и не только во всѣхъ ея подробностяхъ, но еще и съ значительными прибавленіями и комментаріями. Черезъ два дня Лаишевыхъ въ Ялтѣ больше не было, а мѣстные проводники считали убытки, которые причинилъ имъ невѣдомый нищій—цыганъ, отбивъ у нихъ, какъ они полагали, пріѣзжую красавицу—ханымъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВЕЧЕРИНКА У СУМАСШЕДШИХЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Я, знаете-ли,—человѣкъ не конфузливый,—сказалъ своимъ слушателямъ Ермолай Николаевичъ,—но бываютъ случаи, одно воспоминаніе о которыхъ заставляетъ чувствовать приливъ крови къ лицу и желать провалиться сквозь землю. Да, вотъ, послушайте, какая каверза случилась однажды со мною... каверза, съ которой, впрочемъ, и началось мое благополучіе...

Года два тому назадъ, рано утромъ, пріѣхалъ ко мнѣ мой пріятель, главный докторъ одной изъ частныхъ лечебницъ для душевно-больныхъ. Пріятель привезъ мнѣ билетъ на вечеринку и спектакль, устраиваемые его паціентами, пансіонерами лечебницы, для своихъ товарищей по недугу. Согласно традиціонно-театральной любезности, къ билету была приложена и гектографированная афиша. Я выразилъ доктору свое опасеніе, чтобы зрѣлище нервныхъ и душевныхъ больныхъ не произвело на меня слишкомъ тяжелаго впечатлѣнія.

— Вздоръ, вздоръ,—горячо возразилъ мой пріятель.—Тяжело больныхъ, само собою разумѣется, не будетъ ни на сценѣ, ни между зрителями. Да и вообще, большинство моихъ паціентовъ ты никогда не отличилъ-бы отъ людей, съ которыми сталкиваешься ежедневно. Мои больные произведутъ на тебя самое пріятное впечатлѣніе, и ты убѣдишься самъ, къ какимъ великолѣпнымъ результатамъ приводитъ моя система...

Digitized by Google

Въ назначенный день и часъ, я пріѣхалъ въ лечебницу моего пріятеля — психіатра и входилъ, въ его сопровожденіи, въ неслишкомъ большую, но свѣтлую и эффектную залу, одна часть которой была занята сценой, устроенной, очевидно, домашними средствами. Нѣсколько рядовъ буковыхъ стульевъ уже были заняты публикою. Часть зрителей еще не садилась и расхаживала въ сосѣднихъ комнатахъ, составляя, по временамъ, веселыя и оживленныя группы.

Всѣ были одѣты въ обыкновенное платье. Многія женщины могли считаться очень хорошенькими и отличались своими нарядными и даже роскошными туалетами.

— Это одна изъ сторонъ моей системы, — сказалъ мнѣ докторъ.—Что можетъ быть ужаснѣе вида больничныхъ халатовъ, колпаковъ, туфель, необритыхъ лицъ и непричесанныхъ волосъ. Мои больные, какъ видишь, тщательно слѣдятъ за своею наружностью.

— Однако, я могу очутиться въ очень неловкомъ положеніи, — замѣтилъ я. — Между больными находятся, конечно, и ихъ ближайшіе родственники; кромѣ того, въ публикѣ есть врачи съ ихъ семействами. Не оріентировавшись предварительно, я рискую отнестись къ здоровому, какъ къ больному, и наоборотъ.

Психіатръ улыбнулся съ довольнымъ видомъ.

— Ты мнѣ льстишь, — сказалъ онъ. — Конечно, моя система имѣетъ огромныя преимущества, тѣмъ не менѣе, больного отъ здороваго отличить не трудно. Сейчасъ я познакомлю тебя съ наиболѣе выдающимися экземплярами.

Съ этими словами, докторъ взялъ меня подъ руку и подвелъ къ сидѣвшему въ первомъ ряду креселъ длинному и тощему, глистообразному господину, имѣвшему чрезвычайно величественный видъ. Госпо-

Digitized by Google

динъ ежился, надувался, топорщился, окидывалъ молніеноснымъ взглядомъ окружающихъ и съ перваго-же раза производилъ впечатлѣніе человѣка съ разстроенными умственными способностями.

— Mania grandiosa, — шепнулъ мнѣ докторъ, произнеся сначала обычную формулу представленія.— Постарайся быть съ нимъ возможно почтительнѣе и подобострастнѣе. Его пр — во управляетъ N—скимъ департаментомъ,—прибавилъ онъ громко и смотря на меня съ многозначительнымъ видомъ. — И если ты когда-нибудь вздумаешь упорядочить свои дарованія и принести свои таланты на пользу отечеству, то генералъ можетъ быть для тебя полезнымъ руководителемъ.

— Очень радъ, очень радъ,—произнесъ больной пренебрежительно. — У насъ слишкомъ много талантовъ и совсѣмъ нѣтъ работниковъ. Впрочемъ... понавѣдайтесь. Я буду имѣть васъ въ виду.

Какъ ни былъ я подготовленъ встрѣтиться съ проявленіями маніи величія, однако, меня покоробило отъ этого нестерпимо надутаго тона.

— Скажи ему что-нибудь про его литературные труды,—снова шепнулъ мнѣ пріятель. —Лѣтъ двадцать тому назадъ, онъ написалъ тощую брошюрку: «О воздѣйствіи примѣненій» или что-то въ этомъ родѣ, и до сихъ поръ носится со своимъ произведеніемъ.

— Я имѣю честь быть давно знакомымъ съ его пр—вомъ, по извѣстной книгѣ, сочиненію его пр—ва. Въ русской литературѣ не много произведеній, отличающихся такой полнотой и такой эрудиціей, — произнесъ я, стараясь, чтобы въ моемъ голосѣ не прозвучали, какъ-нибудь, ноты насмѣшки.

Бѣдный маніакъ готовъ былъ лопнуть отъ раздувавшей его гордости и величія. Лесть, однако, не сдѣлала его доступнѣе. Брюзжащимъ тономъ, едва выговаривая слова, онъ снова обѣщалъ имѣть меня

Digitized by Google

въ виду. Я не вытерпѣлъ и, почтительно раскланявшись съ больнымъ, отошелъ въ сторону, гдѣ стояла группа молодыхъ людей, весело между собою бесѣдующихъ.

— Эти будутъ немного позабавнѣе, — сказалъ мнѣ докторъ.—Это идіоты; всѣ три —идіоты отъ рожденія. Они неизлечимы, но... но съ ними можно говорить не безъ удовольствія. Иногда они бываютъ очень забавны.

Молодые люди имѣли очень блѣдныя и одутловатыя, какъ у всѣхъ идіотовъ, лица. Одинъ изъ нихъ пришепетывалъ и сюсюкалъ, другой заикался и, подыскивая въ своихъ рѣчахъ выраженія, повторялъ одно и то-же слово десятками разъ. Третій постоянно произносилъ «pourquoi?», не обращаясь ни къ кому особенно. Впрочемъ, всѣ они казались молодыми людьми «изъ общества», до такой степени было велико вліяніе манеръ и костюма, за которыми такъ строго наблюдали въ лечебномъ заведеніи моего пріятеля.

— Э... мы очень... польщены, — сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей, у котораго, казалось, еще не угасло нѣкоторое сознаніе. — Коко и Пьеръ разсказываютъ о своемъ визитѣ къ Альфонсинкѣ. Это очень, очень пикантно, — добавилъ онъ на чистѣйшемъ бульварномъ жаргонѣ и закатился смѣхомъ, напоминающимъ ржаніе молодого жеребенка.

— Развѣ твои паціенты могутъ уходить изъ лечебницы?—спросилъ я доктора шепотомъ.

— Конечно, нѣтъ. Это — ихъ фантазіи, галлюцинаціи... Они врутъ, какъ сорокъ тысячъ Хлестаковыхъ, и при этомъ сами вѣрятъ своему лганью. Съ особеннымъ наслажденіемъ завираются они, когда заходитъ рѣчь объ ихъ денежныхъ средствахъ или-же объ ихъ побѣдахъ надъ женщинами. Это ведетъ иногда къ непріятнымъ послѣдствіямъ. Вздумаетъ, напримѣръ, Коко, ни съ того ни съ сего, разсказать,

Digitized by Google

что онъ находится въ близкихъ отношеніяхъ съ mademoiselle B. (тоже—моя паціентка), и разсказываетъ съ такими подробностями, что иной разъ даже я, докторъ, поддаюсь на ихъ убѣжденную ложь.

— А вы знаете неприличные анекдоты? — внезапно спросилъ меня сюсюкающій Пьеръ.

Я былъ въ недоумѣніи.

— Разскажите ему что-нибудь изъ «Шута», что-ли... Эти идіоты страшно любятъ порнографію.

— Нѣтъ, нѣтъ, я лучше ласкажу, самъ ласкажу, — завопилъ третій юноша, съ блѣдно-свинцовымъ лицомъ, и тутъ-же, пришепетывая, заикаясь и торопясь, разсказалъ анекдотъ, который могъ-бы заставить покраснѣть обезьяну.

Я поспѣшилъ откланяться и направился съ докторомъ къ группѣ молоденькихъ женщинъ.

— Эти дамы страдаютъ различными недугами, — суфлировалъ мнѣ докторъ на ходу. — Эта высокая брюнетка хвораетъ мрачною меланхоліею. Прежде, чѣмъ попасть сюда, она посвящала все свое время благотворительности. Само собою разумѣется, что ея благотворительность была вполнѣ сумасшедшею. Эта толстушка, съ лицомъ русскаго типа, помѣшана на оперѣ вообще, и на Мазини, въ особенности. Вертлявая вдовушка страдаетъ недугомъ, очень удобнымъ для насъ, мужчинъ. Она больна, какъ-бы тебѣ сказать... излишнею влюбчивостью. На это у насъ существуетъ терминъ: «нимфоманія», но тутъ есть много оттѣнковъ. Что бы ни говорили злые языки, ея влюбчивость имѣетъ скорѣе платоническій, чѣмъ чувственный характеръ...

— Боже мой, какъ онъ похожъ на Мазини! — воскликнула, указывая на меня, молодая особа, свихнувшаяся на оперѣ, когда мы подошли къ дамской группѣ.

Для лицъ, не имѣющихъ понятія о наружности Мазини, или моей, прибавляю. что Мазини — чер-

Digitized by Google

новолосъ, а я — лысъ; Мазини — тученъ. а я худощавъ; Мазини — малаго роста. я — очень большого.

— Мазини, конечно, большой художникъ,—промолвила дама, одержимая меланхоліею, – но на свѣтѣ слишкомъ много скорбей, нищеты и несчастія, чтобы отдавать свое сердце искусству...

Фраза была сказана гладко и ровно, но чуткое ухо доктора тотчасъ-же уловило нелогичность соединительнаго «но», и онъ съ улыбкою посмотрѣлъ въ мою сторону.

Молоденькая вдовушка не отвѣтила на мое привѣтствіе ни одного слова, но за-то посмотрѣла на меня такими влюбленными, такими нѣжными, полными огня и нѣги глазами, что я отъ души пожалѣлъ, зачѣмъ она помѣшана.

Весьма естественно, — подумалъ я, — что женщина въ здравомъ разсудкѣ не станетъ смотрѣть такимъ образомъ на пятидесятилѣтняго человѣка, помятаго не только годами, но и самою жизнью.

Одному за другимъ докторъ представлялъ меня: пожилому ревнивцу, свихнувшемуся отъ подозрѣній своей молоденькой жены, которой онъ отравлялъ жизнь своими преслѣдованіями; потомъ молодому чиновнику, вообразившему себя знаменитымъ трагическимъ актеромъ и попавшему въ лечебницу прямо изъ министерской пріемной, гдѣ онъ вздумалъ читать, предъ многочисленными посѣтителями, монологи изъ «Короля Лира»; затѣмъ, пожилой женщинѣ, одержимой болѣзненною скупостью, которая заставляла ее, имѣющую полумилліонное состояніе, буквально умирать съ голоду; потомъ какой-то купчихѣ, посвятившей свою жизнь на ухаживанье за животными и учредившей въ своемъ домѣ богадѣльню «на пятьсотъ престарѣлыхъ и увѣчныхъ собакъ и кошекъ обоего пола».

Передъ моими глазами прошла, такимъ образомъ, цѣлая коллекція людей, утратившихъ лучшее достоя-

Digitized by Google

ніе человѣка—разумъ. Впечатлѣніе было грустное и тяжелое, не смотря на то, что всѣ паціенты моего пріятеля были отлично выдрессированы и не позволяли себѣ почти ни одной дикой выходки, если исключить нѣсколько нелѣпыхъ фортелей, выкинутыхъ идіотами Коко и К°.

Спектакль начался, но вниманіе мое было занято не сценой. Я переживалъ еще разъ впечатлѣнія, вынесенныя изъ моихъ новыхъ и странныхъ знакомствъ. Больные-актеры играли, между тѣмъ, какой-то, сколько я могъ замѣтить, — водевиль, и играли для людей, потерявшихъ разсудокъ, болѣе, чѣмъ удовлетворительно. Нельзя было, конечно, требовать отъ нихъ художественности исполненія, но они размахивали руками и передвигались по сценѣ съ такою-же условною, театральною «непринужденностью», съ какою производятъ это сотни здравомыслящихъ любителей. Пожилой, круглый и плѣшивый человѣкъ, занимавшій амплуа комиковъ, обнаруживалъ даже недюжинное дарованіе: онъ былъ забавенъ, не смѣша, и веселъ, не поддѣлываясь подъ веселье. Иногда, впрочемъ, у исполнителей выходили паузы. Казалось, что каждый изъ актеровъ встрѣчался со своею idée fixe, и тогда руки его опускались; глаза, съ тупою покорностію преобладавшей въ его мозгу идеѣ, устремлялись въ пространство; по лицу пробѣгало выраженіе смущенія и неловкости. Можетъ быть, впрочемъ, что такія паузы происходили у исполнителей и отъ недостаточнаго знанія ролей, потому что, заслышавъ голосъ суфлера, они тотчасъ-же оправлялись и съ новымъ апломбомъ говорили смѣшныя слова, прятались за портьеры, входили и уходили, словомъ, играли, какъ настоящіе любители театральнаго дѣла.

Какъ-бы то ни было, зрѣлище этихъ больныхъ людей, старающихся развеселить своими водевильными дурачествами другихъ больныхъ, — дѣйствовало на меня угнетающимъ образомъ. Я сослался на не-

Digitized by Google

обходимость посѣтить еще одну вечеринку и, съ облегченнымъ сердцемъ, вышелъ изъ печальнаго пріюта, надъ которымъ красовалась синяя вывѣска, съ золотою надписью: «Лечебница доктора N—скаго».

Со времени спектакля умалишенныхъ, прошло не болѣе двухъ дней, какъ докторъ снова почтилъ меня своимъ посѣщеніемъ.

— Поздравляю, отъ всей души поздравляю!—кричалъ онъ мнѣ, еще раздѣваясь въ передней.—Успѣхъ, полный успѣхъ, огромный успѣхъ!

— Какой успѣхъ? Что ты хочешь этимъ сказать? Спектакль, что-ли, имѣлъ успѣхъ? — спросилъ я, не догадываясь о причинѣ экзальтаціи моего пріятеля.

— Какой тамъ къ чорту спектакль! Спектакль—ничто иное, какъ собачья комедія драматическихъ недоносковъ. Я говорю про *твой* успѣхъ. Ты понравился, произвелъ впечатлѣніе.

— Мой успѣхъ?... Понравился?... Кому?

Въ это время, я готовъ былъ счесть самого доктора за сумасшедшаго.

— Ну, да, да... Его пр—во отъ тебя безъ ума... Просилъ непремѣнно и во что-бы то ни стало привезти тебя на его понедѣльники. Ты такъ ловко запустилъ ему комплиментъ объ его знаменитомъ трудѣ: «Воздѣйствіе примѣненій»...

— Какой его пр—во?... Если ты говоришь про этого маніака...

— Тс!.. Этотъ маніакъ, какъ ты его называешь, такая сила, такая сила!.. Захочетъ — умрешь, захочетъ—живъ будешь.

— Но, вѣдь, это-же — паціентъ твоей лечебницы?!.

— Что ты, съума сошелъ, что-ли? Онъ? мой паціентъ? Да если-бы у меня были такіе паціенты, такъ я...

Digitized by Google

— Да, вѣдь, ты самъ-же представлялъ меня всѣмъ больнымъ по очереди.

— Боже мой! неужели-же ты, въ самомъ дѣлѣ, не понялъ шутки! Эти больные — здоровѣе насъ съ тобой. Это, просто на просто, кружекъ любителей драматическаго искусства, который нигдѣ не могъ достать помѣщенія для своего спектакля. Я уступилъ кружку свою большую залу. Что касается больныхъ, то теперь у меня ихъ всего два человѣка, да и тѣ припрятаны, какъ нельзя лучше.

Я окончательно не зналъ, сердиться мнѣ или смѣяться.

— Такъ, стало быть, этотъ длинный господинъ — не сумасшедшій? — спросилъ я, опомнившись. — Ну, а другіе-то? Эти несчастные юноши-идіоты...

Мой докторъ замахалъ руками.

— Что ты, что ты! Это молодые люди изъ общества. Они приняты въ лучшихъ домахъ... причислены къ министерствамъ... У Коко—огромное независимое состояніе. Имъ ты тоже очень понравился. Вѣроятно, они сдѣлаютъ тебѣ визитъ.

— Благодарю покорно. Только этого не доставало. Послушай, однако, вѣдь, они идіоты, формальные идіоты...

— Боже мой, я никогда не думалъ, чтобы моя шутка имѣла такія послѣдствія. Они очень милые молодые люди. Ты смотришь на нихъ глазами человѣка, которому сказали:—вотъ идіоты. Ты слишкомъ склоненъ къ предубѣжденію. Ты самъ, наконецъ, идіотъ, если не умѣешь понять моей шутки, — воскликнулъ докторъ, окончательно разгорячившись.

— Хороша шутка, — сказалъ я, негодуя, въ свою очередь. — Вѣдь, я могъ сказать что-нибудь неловкое... выразить соболѣзнованіе... Да неужели-же и остальные?.. Нѣтъ, я не могу переварить этого. Эта печальная дамочка, одержимая меланхоліею...

Digitized by Google

— Посмотрѣлъ-бы ты на нее, на благотворительныхъ балахъ и базарахъ!—воскликнулъ докторъ.

— Эта барышня, нашедшая во мнѣ сходство съ Мазини...

— Обыкновенная меломанка, какихъ въ Петербургѣ цѣлыя сотни.

— Наконецъ, влюбчивая вдовушка...

— О, вдовушка! Вдовушка взяла съ меня клятву, что я введу тебя къ ней въ домъ. Не зѣвай, она ищетъ мужа, и у нея огромное состояніе. Вообще, какъ нельзя болѣе ясно, что ты посѣтилъ нашъ любительскій спектакль въ одну изъ щедрыхъ минутъ твоей судьбы.

Тогда я почувствовалъ, что краснѣю, краснѣю съ каждой минутой все больше и больше, и приближаюсь къ апоплексическому удару.

Какъ-бы то ни было, спектакль «умалишенныхъ» имѣлъ для меня важныя послѣдствія. Титулованный старецъ имѣлъ большое вліяніе на мою судьбу. Вдовушкѣ хотя и не удалось женить меня на себѣ, но... но...

. . . . . .

— А, впрочемъ, знаете-ли, господа, — прибавилъ Ермолай Николаевичъ неожиданно, — я и до сихъ поръ не знаю навѣрное, былъ-ли этотъ спектакль въ лечебницѣ умалишенныхъ остроумною мистификаціею или печальной дѣйствительностью. Все на свѣтѣ зависитъ, въ сущности, отъ угла зрѣнія!

Digitized by Google

ОБЕЗЬЯНА И ЖЕНЩИНА.

Digitized by Google

Digitized by Google

Я познакомился съ Соловцовымъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда онъ только что начиналъ свою литературную карьеру. Онъ произвелъ на меня самое благопріятное впечатлѣніе. Это былъ человѣкъ высокаго роста и сильнаго сложенія съ лицемъ шиллеровскаго типа. Увидя разъ, нельзя было забыть этого нервнаго лица, съ вѣчной и тревожной игрой ощущеній. Соловцовъ былъ человѣкомъ общительнымъ, веселымъ и остроумнымъ, но наблюдательный глазъ безъ труда могъ замѣтить, что веселость эта чисто наружнаго свойства и маскируетъ собою нѣчто другое, прикрываетъ какое-то великое горе.

Черезъ два или три мѣсяца, я былъ съ нимъ «на ты» и зналъ всѣ подробности этого «горя». Съ перваго раза, оно произвело на меня почти комическое впечатлѣніе. Соловцовъ былъ одержимъ галлюцинаціями; вездѣ и всюду его преслѣдовалъ образъ, не существующій въ дѣйствительности, образъ... обезьяны.

Позже, когда я узналъ о подробностяхъ этой галлюцинаціи и видѣлъ опустошенія, которыя она производила какъ въ нравственной, такъ и въ физической жизни Соловцова, мое смѣшливое настроеніе смѣнилось страхомъ и жалостью.

Однажды мы сидѣли въ его кабинетѣ за послѣобѣденнымъ кофе съ сигарами въ рукахъ. Помню, что я былъ особенно благодушно настроенъ и приста-

Digitized by Google

валъ къ Соловцову съ разспросами, видитъ ли онъ и теперь своего непрошеннаго гостя?

— Конечно,—отвѣчалъ онъ,— обезьяна сидитъ за твоею спиною и выглядываетъ изъ за твоего плеча.

Я машинально оглянулся назадъ, но, разумѣется, никакой обезьяны тамъ не было. Тѣмъ не менѣе, я чувствовалъ себя очень скверно и тѣмъ сквернѣе, что Соловцовъ представлялъ собою въ данный моментъ совершенно здороваго психически человѣка. Глаза его смотрѣли вполнѣ сознательно; лицо имѣло выраженіе спокойнаго мышленія.

— Однако, я ничего не вижу, — неувѣренно сказалъ я.

— Я знаю, что никто, кромѣ меня, этой обезьяны не видитъ, — отвѣчалъ Соловцовъ. — Между тѣмъ, я различаю каждый волосокъ на ея тѣлѣ. Однажды я справился съ зоологическимъ атласомъ и убѣдился, что она принадлежитъ къ породѣ орангъ-утанговъ. Она около двухъ съ половиною аршинъ роста, покрыта рыжеватою, нѣсколько свалявшеюся шерстью, узкіе глаза ея смотрятъ лукаво и осмысленно, особенно-же непріятна мнѣ постоянная улыбка ея большого, оскаленнаго рта.

— И часто является къ тебѣ эта обезьяна? — продолжалъ я свои разспросы.

— Сначала разъ въ мѣсяцъ, потомъ раза два въ недѣлю и теперь почти каждый день. Она не стѣсняется ни большимъ обществомъ, ни обстановкою, ни свѣтомъ. Я вижу ее въ бальной залѣ, въ театрѣ, раза два я встрѣчалъ ее даже въ церкви. Я не особенный христіанинъ, но присутствіе этой нечисти, да еще и нечисти-то фантастической, во храмѣ—всегда возмущало меня. Первый разъ она явилась ко мнѣ два года тому назадъ, въ этомъ самомъ кабинетѣ. Какъ теперь помню, позднимъ вечеромъ, я оканчивалъ одну изъ своихъ повѣстей. Поставивъ послѣднюю

Digitized by Google

точку, я взглянулъ передъ собою и увидѣлъ ее. Я протеръ свои утомленные глаза и встряхнулъ головою, — видѣніе не исчезало. Тогда я всталъ съ мѣста и бодро пошелъ къ нему. Обезьяна пропала, но, когда я обернулся назадъ, она стояла, прижавшись къ противоположной стѣнѣ комнаты.

— Ты, однако, сознаешь, что это только галлюцинація, что никакой обезьяны здѣсь нѣтъ и быть не можетъ, что это только призракъ твоего воображенія, которому ты далъ излишнюю волю?

— Конечно, это галлюцинація, но это-то меня и мучитъ. Настоящую, реальную обезьяну я могъ-бы выгнать, продать, уничтожить, а присутствіе этого отвратительнаго существа я терплю цѣлыхъ два года и, вѣроятно, буду терпѣть всю жизнь. Два года съ глаза на глазъ съ этимъ мерзкимъ, насмѣшливымъ животнымъ!.. Я дѣлаюсь неспособнымъ къ труду... Меня начинаетъ мучить безсонница... Я подумываю даже...

Соловцовъ замолчалъ. Лицо его выражало глубокую муку. Мнѣ было невыразимо жаль его.

— Ты, вѣроятно, совѣтовался съ докторами?— спросилъ я, чтобы прервать тяготившее меня молчаніе.

— Много разъ. Точно слѣдовалъ ихъ совѣтамъ... Предпринималъ даже, въ прошломъ году, путешествіе.

— И что-же?

Соловцовъ горько усмѣхнулся.

— Когда я вошелъ въ вагонъ,—сказалъ онъ,— на скамейкѣ сидѣла моя обезьяна. Мало того, на ней была одѣта дорожная сумка; она тоже собиралась путешествовать! Да, если Богъ захочетъ наказать человѣка, онъ отниметъ у него умъ, — прибавилъ онъ.

Я сталъ увѣрять его, что разстройство нервной системы, выражающееся галлюцинаціями, не есть еще потеря разсудка, старался развлечь его, но вечеръ закончился печально и уныло.

Digitized by Google

Черезъ недѣлю послѣ этого вечера, я уѣхалъ изъ города, оставивъ Соловцова почти въ безнадежномъ положеніи; здоровье его слабѣло, произведенія носили на себѣ отпечатокъ душевнаго разстройства.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе пятнадцати мѣсяцевъ. Весною 1889 года я поѣхалъ въ Ментону, куда призывали меня хлопоты по наслѣдству. Въ этомъ благодатномъ уголкѣ меня ожидалъ сюрпризъ. Въ первый-же день моего пребыванія въ Ментонѣ я встрѣтился съ Соловцовымъ.

Если-бы онъ не окликнулъ меня при встрѣчѣ, я ни за что не узналъ-бы его, такъ онъ перемѣнился въ эти полтора года. Веселый, здоровый, молодой, онъ ничѣмъ не напоминалъ прежняго ипохондрика и галлюцината. Онъ шелъ подъ руку съ молодой и красивой женщиной, которая, однако, не понравилась мнѣ съ перваго-же взгляда. Было что-то неуловимо хищное и жесткое въ бархатномъ взглядѣ ея глазъ, что-то странное и ложное въ дѣтской улыбкѣ ея коралловыхъ губокъ.

Произошло взаимное представленіе. Молодая женщина оказалась женою Соловцова. Завязался оживленный разговоръ и, въ концѣ концовъ, я попалъ къ Соловцовымъ и просидѣлъ у нихъ цѣлый вечеръ, вмѣсто того, чтобы быть у нотаріуса.

Я никогда не видалъ Соловцова такимъ веселымъ и довольнымъ, какъ въ этотъ вечеръ. Онъ разсказывалъ мнѣ исторію своей любви, не могъ нахвалиться своею женой, говорилъ про счастье, которое она дала ему, восхищался ея красотою и наивностью, словомъ, велъ себя, какъ настоящій влюбленный. Потомъ онъ разсказалъ мнѣ планъ своего новаго романа, прочелъ нѣсколько, дѣйствительно, блестящихъ главъ изъ него, и, наконецъ, съ счастливой улыбкой сообщилъ мнѣ, что призракъ, «тотъ смѣшной призракъ обезьяны» со времени его женитьбы не является ему больше.

Digitized by Google

Мы засидѣлись далеко за полночь, и я увѣрился, что мой симпатичный другъ нашелъ, наконецъ, свое счастье. Уѣзжая изъ Ментоны и прощаясь съ Соловцовымъ, я ощущалъ, однако, какую-то странную тревогу за это лихорадочное счастье. Я нѣсколько разъ начиналъ искать причины моихъ опасеній и всегда приходилъ къ жесткой улыбкѣ и фальшивому взгляду молодой жены Соловцова.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Житейскій вихрь закружилъ меня, развѣялъ старыя воспоминанія, заживилъ старинныя раны и заставилъ забыть прежнихъ друзей.

Прошлою осенью я ѣхалъ по какому-то дѣлу черезъ Петровскій паркъ, раннимъ утромъ. Погода, послѣ двухнедѣльнаго дождя, была теплая и ясная. Я велѣлъ кучеру ѣхать шагомъ и о чемъ-то крѣпко задумался; когда-же очнулся, мы почти выѣзжали изъ парка. На одной изъ скамеекъ, находящихся недалеко отъ воротъ сада, я замѣтилъ старческую фигуру, показавшуюся мнѣ знакомою. Странная поза, которую принялъ этотъ старикъ, заставила меня остановиться и выйти изъ экипажа. Старикъ сидѣлъ, широко разставивъ свои руки, какъ будто, обнимая кого-то. Онъ лепеталъ безсвязныя рѣчи и, съ видомъ глубокой нѣжности, дѣлалъ гримасы, могущія выражать поцѣлуй.

— Что вы здѣсь дѣлаете?—спросилъ я.

— Я съ обезьянкой своей... съ обезьянкой разговариваю, — отвѣчалъ онъ разбитымъ голосомъ и поднялъ на меня свои робкіе глаза.

— Соловцовъ!

Я предположилъ, что имѣю дѣло съ человѣкомъ, потерявшимъ разсудокъ. Ласками и убѣжденіями я заставилъ его сѣсть въ экипажъ и отвезъ его къ себѣ.

По пріѣздѣ домой я поколебался въ убѣжденіи, что Соловцовъ сумасшедшій. Онъ разсказалъ мнѣ событія послѣднихъ трехъ лѣтъ своей жизни такъ связно

Digitized by Google

и просто, мотивировалъ свое настоящее положеніе такъ естественно, что я до сихъ поръ не знаю, былъ-ли онъ маніакомъ, или только человѣкомъ глубоко несчастнымъ.

— Помните, вы встрѣтили меня въ Ментонѣ,— говорилъ онъ.—Я праздновалъ тогда свой медовый мѣсяцъ. Моя жена была прежде актрисой и до замужества носила фамилію Мерцаловой. Этою фамиліей полны скандалезныя хроники многихъ провинціальныхъ городовъ. Въ 18 лѣтъ она перебывала въ десяткахъ мужскихъ рукъ, и всѣ эти руки оставили на ней свои грязные слѣды. Къ сожалѣнію, я узналъ объ этомъ слишкомъ поздно. Я пережилъ много тяжелыхъ минутъ, но никогда не напоминалъ ей ея прошлаго. Первые полгода своей супружеской жизни я прожилъ, однако, спокойно и счастливо. Потомъ, мало по малу, стали проявляться ея грязные инстинкты, ея пошлыя убѣжденія и позорныя привычки. Еще въ Ментонѣ поднялись слухи, неудобные для моей супружеской чести. Тщетно я уговаривалъ ее, мать моего будущаго ребенка, пощадить свою репутацію, напрасно я окружалъ ее всею добротою, на какую только былъ способенъ, ее неотразимо тянуло къ себѣ болото, въ которомъ она выросла. Чувство горячей любви къ ней замѣнялось во мнѣ чувствомъ презрѣнія и отвращенія. Она возвращалась домой съ своихъ оргій пьяная и утомленная, но я не имѣлъ права разстаться съ нею, потому что ждалъ отъ нея ребенка. Это время, наконецъ, наступило.

Ненавидя меня, она перенесла свою ненависть и на ребенка. Однажды, возвратившись домой, я увидѣлъ, что она била его, восьмимѣсячную крошку! Я не буду говорить вамъ, что я съ ней сдѣлалъ. Къ моему отвращенію присоединился ужасъ. Тѣло малютки было покрыто синяками. Ребенокъ умеръ, когда у него начали прорѣзываться зубки. Я захворалъ и когда пришелъ въ сознаніе, то узналъ, что моя жена

Digitized by Google

уѣхала съ лакеемъ изъ гостиницы, въ которой мы жили... Вотъ, тогда-то я и понялъ, что...

Соловцовъ остановился.

— Что-же вы поняли?

— Что муки и ужасы, которые причиняла мнѣ когда-то эта фантастическая, омерзительная обезьяна, ничто въ сравненіи съ муками, которыя можетъ доставить—вѣнецъ созданія—человѣкъ, женщина, почти ребенокъ.

— Съ тѣхъ поръ,—продолжалъ Соловцовъ,—вы, можетъ быть, не повѣрите мнѣ?—я всей душею, безумно полюбилъ мой фантастическій призракъ,—мою обезьяну, но она не являлась ко мнѣ. И только недавно... мѣсяцъ тому назадъ... она пришла ко мнѣ... пришла раздѣлить мое одиночество. Если-бы вы знали, какъ я былъ радъ ей! Я отдалъ ей всю любовь и всю ласку, которыя накопились въ моемъ сердцѣ. Когда она со мною, мнѣ становится легче. Я знаю, что у меня есть другъ, безмолвный и безпомощный, но который за то не принесетъ мнѣ и огорченій, который не разорветъ въ клочки моего сердца.

Соловцовъ замолчалъ.

— Да,—сказалъ онъ потомъ,—къ такой нѣжной деликатности никогда не была способна моя жена. Когда мнѣ грустно, обезьяна не смѣется и даже, — прибавилъ онъ шепотомъ,—я замѣтилъ однажды на ея глазахъ... слезы!

Digitized by Google

Digitized by Google

ДВѢ ВСТРѢЧИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Какже, какже, — сказалъ одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ, — все это было и со мной и, скажу прямо, я до сихъ поръ горжусь этимъ, хотя, съ одной стороны... да, вотъ, вы увидите, что было съ этой «одной стороны». Я разскажу вамъ довольно интересный случай, который можно было бы озаглавить: «Двѣ встрѣчи». Только я долженъ выговорить себѣ право, одновременно съ разсказомъ, дѣлать замѣчанія и, вообще, говорить такъ, какъ располагаются въ моей головѣ мысли, въ противномъ случаѣ, я сейчасъ же собьюсь.

Три года тому назадъ, я ѣхалъ... Впрочемъ, позвольте. Странное дѣло: три года тому назадъ я, какъ будто, былъ тѣмъ же самымъ Николаемъ Петровичемъ Щегловымъ; мой ростъ, сложеніе, лицо, все это осталось такимъ же, какъ было прежде, душевныя свойства, степень развитія—тоже, а между тѣмъ, когда я говорю про того Николая Петровича, то выходитъ, будто это вовсе не я. Себя представить нельзя, а его я представить могу. Да, какъ теперь вижу: хорошій, добрый человѣкъ, но не я. Теперь я не могу влѣзть въ его шкуру, потому что насъ раздѣляютъ три года. И вообще, когда я начинаю собирать свои воспоминанія, то въ результатѣ оказывается, что эти воспоминанія относятся не ко мнѣ, а къ цѣлому ряду лицъ, къ маленькому семилѣтнему мальчугашкѣ въ синемъ атласномъ халатикѣ (не знаю, почему меня, или, вѣрнѣе, его, такъ одѣвали),

Digitized by Google

къ лѣнтяю гимназисту, потомъ къ студенту, посѣщающему зданіе университета ровно одинъ разъ въ годъ для обычной перемѣны вида на жительство. Помню, по этому поводу, какъ умилилъ меня, однажды, своею изысканностью профессоръ Н—евъ. Явился я, на второмъ или третьемъ курсѣ, на экзаменъ. Профессоръ, этакое—славное, интеллигентное лицо (я видѣлъ его въ первый разъ въ жизни), смотритъ на меня и удивляется. Очевидно, онъ тоже нашелъ во мнѣ что нибудь заслуживающее вниманія и сообразилъ, что видитъ меня тоже въ первый разъ въ жизни. Онъ смотритъ на меня, я смотрю на него, и оба, очевидно, довольны. Поднимается онъ потомъ немного съ мѣста и говоритъ: «Позвольте, говоритъ, познакомиться. Профессоръ такой-то». — Очень, говорю, лестно. Я—студентъ Щегловъ. — «Никогда не имѣлъ, говоритъ, удовольствія васъ видѣть»...—Я, говорю, тоже васъ не видалъ...—Говорили мы, говорили, а въ концѣ концовъ, онъ все-таки поставилъ мнѣ двойку... Странные все это были люди, какъ посмотришь на нихъ со стороны да издали. Перехожу къ своему разсказу. Три года тому назадъ, въ девять часовъ свирѣпаго, морознаго, декабрьскаго вечера, я садился въ вагонъ третьяго класса балтійской желѣзной дороги. Я ѣхалъ въ Нарву «по дѣлу». Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось тогда; теперь бы я сказалъ: безъ всякаго дѣла. Въ вагонѣ было темно почти такъ-же, какъ во чревѣ кита, въ которомъ сидѣлъ Іона. Здѣсь я долженъ сдѣлать еще одно замѣчаніе: я очень люблю дѣлать сравненія и всякія уподобленія, но они мнѣ никогда не удаются. Температура въ вагонѣ, по обыкновенію, была такая, что голова находится, будто, въ Африкѣ, подъ раскаленнымъ небомъ Сахары, а ноги въ Гренландіи или еще ближе къ сѣверному полюсу. Это сравненіе вѣрное. Однажды, заснувъ въ вагонѣ, я и сонъ такой видѣлъ: будто, выросъ я до такой степени, что въ лежачемъ положеніи зани-

Digitized by Google

маю четверть меридіана, такъ что, если моя голова находится на одномъ изъ полюсовъ, то ноги непремѣнно упираются въ экваторъ. Упираться ногами въ экваторъ, конечно, нельзя, ибо экваторъ ничто иное, какъ воображаемая, математическая линія, но такъ какъ я ѣдалъ во снѣ гречневую кашу въ обществѣ Магомета и гурій, такъ какъ на мнѣ ѣхалъ въ Сербію какой-то гусарскій офицеръ, и я, самолично, съ помощью простого вареннаго рака, произвелъ во Франціи революцію, то и имѣю полное основаніе упираться ногами во что угодно. Все это, однако, очень далеко отъ настоящей темы моего разсказа. Я помѣстился на скамьѣ, противъ какой-то закутанной, но стройной фигуры. Мой переѣздъ долженъ былъ продолжаться около шести часовъ, и я разсчитывалъ перемолвиться словцемъ съ моими спутниками. Къ сожалѣнію, кромѣ закутанной фигуры, въ этой части вагона никого не было. Поѣздъ тронулся. Говорятъ, что, на первой половинѣ пути, мысли пассажира не могутъ еще оторваться отъ «станціи отправленія», въ теченіи же второй половины—забѣгаютъ на «станцію прибытія». Съ этимъ я не могъ согласиться. Никого и ничего я не оставлялъ за собою въ Петербургѣ, и никто и ничто не ждали меня въ Нарвѣ. Я думалъ про вагонъ, про стукъ, происходящій отъ движенія поѣзда, про сигнальную веревку, пожалуй, еще про морозъ, и больше ничего. Этимъ временемъ, моя спутница, не вынесшая тропической атмосферы верхней части вагона, сняла съ головы своей платокъ. Тутъ я позабылъ все: и морозъ, и веревку, и вагонъ. Представьте себѣ дѣвушку, въ которую вы безнадежно и страстно были влюблены, когда вамъ не исполнилось еще и 18 лѣтъ. Я настаиваю на томъ, чтобы эта любовь была, именно, безнадежная, потому что если она была «раздѣлена» предметомъ вашего обожанія, то уже сдѣлалась вдвое меньше. Такъ выходитъ даже по ариѳметикѣ: величина, раздѣленная пополамъ,

Digitized by Google

вдвое меньше той-же самой цѣлой величины. Моя визави была олицетвореніемъ гетевской Маргариты. Блондинка... Знаете-ли вы, что такое настоящая блондинка? Это—чистота, невинность, мечта и поэзія. Большіе голубые глаза уносятъ васъ въ область тихихъ, фантастическихъ грезъ, а дѣтское выраженіе пурпуровыхъ губокъ даетъ вамъ идею о горячей, но чистой и честной любви. Поѣздъ пробѣжалъ не одинъ десятокъ верстъ, пока я, вытаращивъ глаза, предавался моему созерцанію. Дѣвушка улыбалась съ добродушною невинностію. Очевидно, что ея чистота берегла ее отъ дурного мнѣнія обо мнѣ. Я чувствовалъ, что мнѣ надо было заговорить, но ни одно путное слово не шло съ моего языка, и ни одной, подходящей къ случаю, мыслишки не сидѣло въ головѣ. Не знаю почему, но больше всего въ это время я думалъ о московской царь-пушкѣ. Меня спасло обледенѣлое окно вагона.

— Какъ холодно...— сказалъ я такимъ тономъ, какимъ говорятъ: не правда-ли, какую глупость я сказалъ?

— Напротивъ, здѣсь очень жарко,—отвѣтила она мягкимъ и мелодичнымъ голосомъ.

— Конечно, но я говорю... холодно... на улицѣ...— сказалъ я и сейчасъ-же почувствовалъ, что сказалъ глупость, потому что за окномъ вагона никакой улицы не могло быть.

Тѣмъ не менѣе, нашъ разговоръ тронулся и пошелъ, сначала медленно, потомъ скорѣе и, наконецъ, со скоростію 70 верстъ въ часъ. Сравненіе для человѣка, ѣдущаго по желѣзной дорогѣ, довольно удачное.

Оказалось, что мою спутницу зовутъ Марья Игнатьевна, она принадлежитъ къ простому семейству (Маргарита—Гете тоже была мѣщаночка) и ѣдетъ теперь къ отцу, который служитъ управляющимъ въ имѣніи князя N. Въ Петербургъ, гдѣ она живетъ вмѣстѣ съ своей теткой, она вернется черезъ недѣлю.

Digitized by Google

Насмотрѣвшись въ столицахъ на фарфоровыхъ, раскрашенныхъ куколъ, которыхъ зовутъ барышнями, я отдыхалъ душою, при видѣ этой простой чистоты, этой душевной свѣжести и непочатости.

Я до сихъ поръ помню обрывокъ какого-то стихотворенія, которое декламировалось тогда само собою въ моей головѣ и наполняло горделивымъ счастьемъ мое сердце:

«... мнѣ не позабыть,
Что я покой дѣвичьихъ дней
Считалъ грѣхомъ смутить».

Мы пріѣхали въ Нарву въ 3 часа ночи добрыми друзьями, довѣрившими другъ другу свои маленькія тайны и разсказавшими подробно свои нехитрыя біографіи. Термометръ на станціи показывалъ 26 ниже нуля. Ночь была ненастная. Поднималась метель. Марьѣ Игнатьевнѣ предстояло проѣхать еще 80 верстъ на лошадяхъ. Я сталъ уговаривать ее отложить поѣздку до утра.

Ѣхать, дѣйствительно, было немыслимо; легко можно было замерзнуть. Марья Игнатьевна согласилась переночевать въ Нарвѣ. Такъ какъ у насъ не было ни одной знакомой души въ городѣ, то мы, по необходимости, отправились въ лучшую гостиницу «С.-Петербургъ». Черезъ полчаса, умывшись и, вообще, приведя себя въ должный порядокъ, я перешелъ изъ своего номера въ комнату Марьи Игнатьевны пить чай. Спать не хотѣлось ни мнѣ, ни ей. Было что-то семейное, свѣтлое, чистое и радостное въ нашихъ дружескихъ отношеніяхъ. За окнами бушевала вьюга, а въ ярко освѣщенной и теплой комнатѣ царила благодатная тишина моего нарождавшагося счастья. Такъ, по крайней мѣрѣ, я думалъ тогда. Въ 5 часовъ я оставилъ мою уставшую спутницу, давъ ей слово, что пришлю служанку разбудить ее утромъ. Ночь прошла у меня въ радужныхъ грезахъ.

Digitized by Google

На утро я благословилъ ее, предвозвѣстницу моего будущаго счастья, и простился съ нею, позабывъ, однако, уговориться, относительно свиданія въ Петербургѣ, и не узнавъ даже ея фамиліи. Такъ окончился мой, единственный въ жизни, романъ.

Щегловъ замолчалъ.

— Позвольте,—заговорили присутствовавшіе всѣ вмѣстѣ,—вѣдь, вы озаглавили вашъ разсказъ: «Двѣ встрѣчи». Гдѣ же другая встрѣча?

Щегловъ покраснѣлъ.

— Дѣйствительно, — сказалъ онъ,—черезъ полгода я снова встрѣтился съ ней, но...

Онъ замолчалъ снова.

— Однимъ словомъ,—прибавилъ онъ потомъ,—я сыгралъ такого дурака, что не хочется и вспоминать объ этомъ. Марья Игнатьевна...

Щегловъ остановился еще разъ, потомъ плюнулъ и сказалъ:

— Языкъ не поворачивается. Не могу.

Digitized by Google

II.

ШАРЖИ И КАРРИКАТУРЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВОЗДУШНЫЙ ШАРЪ И УТЮГЪ.

Подъ арками Гостинаго двора, среди набросанныхъ кучами бумажныхъ цвѣтовъ, деревянныхъ и тряпочныхъ куколъ-уродцевъ, лубочныхъ картинъ, глиняной скульптуры и тому подобнаго хлама, въ неумолчномъ шумѣ свистулекъ, пищиковъ, дѣтскихъ барабановъ, трубъ и пистолетовъ, медленно движется тысячеголовая толпа, состоящая, по преимуществу, изъ взрослыхъ. Дѣти попадаются «на вербахъ» лишь въ видѣ исключенія. Они или катаются вокругъ Гостинаго двора въ «своихъ» экипажахъ, и тогда игрушки подносятся разносчиками къ дверцамъ кареты, или-же съ удивительною энергіею протискиваются въ сплошной толпѣ гуляющихъ, работаютъ руками и плечами, упираются, въ случаѣ надобности, головой въ животъ какой-нибудь медлительной купчихи и шмыгаютъ между ногами зазѣвавшагося фланера. Встрѣчаются «на вербахъ» ребятишки и въ сопровожденіи старшихъ, но такихъ, сравнительно, немного. Только наиболѣе чадолюбивые отцы и матери рѣшаются «связываться» съ дѣтворой и брать на себя «такую обузу».

Къ числу такихъ чадолюбивыхъ отцовъ, несомнѣнно, слѣдовало отнести и отставного капитана Ѳедора Ѳедоровича Брамстеньгина, вышедшаго на вер-

Digitized by Google

бы со своими дѣтьми—Петей, восьми лѣтъ, и Марусей, семи.

Передъ прогулкой между отцомъ и дѣтьми произошелъ слѣдующій діалогъ:

— Это что?—спросилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Петю, показывая ему трехрублевый кредитный билетъ.

Петя, отлично зная о причинѣ вопроса и предвкушая грядущее наслажденіе отправиться на вербы и пріобрѣсти тамъ пожарную команду, бѣгающаго крокодила, воздушный шаръ и тысячу другихъ чрезвычайно интересныхъ вещей,—счелъ, однако, нужнымъ скрыть свой восторгъ и поэтому отвѣчалъ съ равнодушнымъ видомъ:

— Деньги, папаша.

— То-то что деньги. Цѣлыхъ три рубля. Это ассигновано тебѣ на покупку всякой дряни на вербахъ.

— А мнѣ? — воскликнула семилѣтняя Маруся, съ загорѣвшимися глазками.

Петя, въ это время, былъ уже въ другой комнатѣ, гдѣ и задавалъ на свободѣ неистовую выпляску, нѣчто вродѣ военнаго танца Дагомейцевъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ почувствовалъ приливъ родительской нѣжности и сказалъ, привѣтливо улыбаясь Марусѣ:

— Тебѣ тоже—три рубля... Кутить, такъ кутить!

Маруся покраснѣла отъ удовольствія, но тотчасъ-же сдержала себя и, поцѣловавъ родительскую десницу, сказала съ неподражаемою интонаціею:

— А деньги, папа?!.

— Деньги будутъ у меня, потому что ихъ надо расходовать съ умѣньемъ. Надо воздерживаться отъ покупки ненужныхъ вещей, единственное достоинство которыхъ состоитъ въ томъ, что онѣ бросаются въ глаза. Если покупать со смысломъ и толкомъ, то на три рубля можно купить столько-же, сколько, безъ смысла, на тридцать...

Digitized by Google

Черезъ часъ почтенный родитель былъ со своими дѣтьми подъ арками Гостинаго двора.

— Шаръ!.. огромный воздушный шаръ! — воскликнулъ маленькій Петя и даже защелкалъ зубами, какъ дикій звѣрекъ, завидѣвшій самую привлекательнѣйшую изъ добычъ.

— Вздоръ, вздоръ! — отозвался Ѳедоръ Ѳедоровичъ, увлекая за собою мальчика.—Тряпка, надутая воздухомъ. Ни тряпка, ни воздухъ не представляютъ никакой цѣнности. Что касается надуванья, то оно стоитъ денегъ только для наивныхъ. А насъ не надуешь! Этотъ шаръ къ вечеру уже сядетъ на полъ, а завтра лопнетъ и не оставитъ послѣ себя ничего, кромѣ дурного запаха. Мы купимъ съ вами нѣчто лучшее... нѣчто осязаемое и даже тяжеловѣсное... что будетъ служить намъ всѣмъ долгіе годы... что не лопнетъ, не сломается и не измѣнитъ...

Маруся и Петя были очень заинтересованы.

— Мы купимъ себѣ утюгъ, да, хорошій, большой утюгъ, которымъ можно разглаживать разныя вещи и который всегда будетъ представлять собою извѣстную цѣнность.

Утюгъ былъ купленъ.

Дѣти смутились, но не надолго. Петя подумалъ, что утюгъ—вещь чисто женская и потому будетъ отнесенъ на счетъ Маруси, а Маруся, какъ-бы прозрѣвая Петину каверзу, сказала себѣ мысленно:

— Ну, это мы еще посмотримъ.

Нѣсколькими шагами дальше, вниманіе семьи было привлечено восковымъ купидономъ, чрезвычайно изящныхъ очертаній и свѣжихъ красокъ.

— Папа, купидонъ!—воскликнула Маруся.—Купи мнѣ его... Я повѣшу его къ потолку, и онъ будетъ летать надъ моей постелькой.

— Что-жь, купидонъ, такъ купидонъ, — отвѣчалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ съ добродушіемъ. — Жаль только, что онъ — восковой и черезъ недѣлю изъ

Digitized by Google

купидона, отъ пыли и грязи, превратится въ трубочиста. Кромѣ того, этихъ восковыхъ фигуръ никогда не донесешь до дому въ цѣлости, а непремѣнно отломаешь имъ руки или ноги... Тогда мнѣ придется браниться за вашу неряшливость, а если купидонъ стоитъ дорого, то, можетъ быть, и посѣчь виновнаго, потому что къ деньгамъ слѣдуетъ относиться съ уваженіемъ.

Въ концѣ концовъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ совершенно убѣдилъ Марусю въ непрактичности пріобрѣтенія купидона.

— Мы лучше купимъ коробку почтовой бумаги и конвертовъ съ нашими иниціалами,—воскликнулъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, сдѣлавъ удареніе на словѣ — «нашими».—Это—очень практичная вещь. Бумаги и конвертовъ хватитъ намъ на цѣлый годъ. Петя напишетъ письмо своей бабушкѣ въ Тулу, а Маруся... Маруся можетъ употребить листикъ этой бумаги на поздравительное стихотвореніе, которое она поднесетъ мнѣ въ первый день Пасхи.

Бумага съ иниціалами была куплена, и ребятишки съ ужасомъ складывали «въ умѣ» стоимость утюга и бумаги.

Вокругъ дѣтей бѣгали, между тѣмъ, маленькіе локомотивы, величиною съ мышку, и мышки, величиною съ локомотивъ, щебетали зелененькія птички съ настоящими перышками, плавало стадо лебедей въ тарелкѣ съ водою, стрѣляли хлопушки, извивались змѣйки, маршировали оловянные солдатики, совершали свой туалетъ страшно нарядныя куклы и цвѣли цѣлыя рощи огромныхъ цвѣтовъ, красныхъ, фіолетовыхъ, палевыхъ, желтыхъ и всякихъ другихъ.

Петя и Маруся были, однако, слишкомъ хорошо воспитаны, чтобы не понять, что порошокъ для чистки посуды, который только-что купилъ папа, — несравненно полезнѣе огромнаго махроваго розана изъ бумаги.

Digitized by Google

И розовые лепестки, въ первый разъ въ жизни Маруси и Пети, опадали на землю и были потоптаны тысячами тяжелыхъ, загрязненныхъ ногъ.

Пожарную команду нельзя было пріобрѣсти по дѣйствительно уважительной причинѣ. Самъ Петя сознался, что онъ тотчасъ-же устроилъ-бы дома «примѣрный» пожаръ, чтобы дать работу своимъ пожарнымъ. Онъ взялъ-бы газетной бумаги, корзинку изъ подъ пирожнаго, зажегъ-бы все это...

— И спалилъ бы всю нашу квартиру,—вскричалъ въ ужасѣ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.—Нѣтъ, нѣтъ, какія это игрушки!.. Какой дуракъ могъ ихъ выдумать... Мы лучше купимъ счеты, хорошенькіе костяные счеты. Я научу васъ обоихъ считать на нихъ, а это куда интереснѣе, чѣмъ устраивать пожаръ въ своей собственной квартирѣ.

Черезъ два часа, шесть рублей, ассигнованные «на вербу» для Маруси и Пети, были издержаны. Кромѣ утюга, коробки съ бумагою, костяныхъ счетовъ и порошка для чистки посуды, были куплены: непылящія щетки для карточнаго стола, жестяная терка для чистки картофеля и новая салфетка для столика въ дѣтской. Дѣти были отнюдь не опечалены такими покупками, такъ какъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ умѣлъ хорошо воспитать въ нихъ свои воззрѣнія. Впрочемъ, въ видѣ уступки крайнему малолѣтству своихъ птенцовъ, онъ купилъ Марусѣ горшечекъ съ искусственными ландышами, а Петѣ — полфунта халвы.

— Это, по крайней мѣрѣ, можно съѣсть,—сказалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ съ добродушной улыбкой.

И Петя ѣлъ халву, а также отламывалъ кусочки ея и для Маруси.

Digitized by Google

IMPRESSARIO МАРСОВА ПОЛЯ.

Часовъ въ 8 вечера, на черной половинѣ трактира, находящагося въ одномъ изъ переулковъ, близь Царицына луга, и слывущаго подъ названіемъ «У камня», сидѣлъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, одѣтый, какъ одѣваются въ Петербургѣ зажиточные ремесленники или мѣщане.

Около него, въ выжидающей позѣ, стояла невзрачная фигура въ поношенномъ цивильномъ платьѣ и съ яркими слѣдами алкоголизма на лицѣ.

— Съ кѣмъ имѣю честь познакомиться?—спросилъ поношенную фигуру человѣкъ въ мѣщанскомъ костюмѣ, владѣлецъ маленькаго театра драматическихъ представленій, во второй линіи балаганныхъ задворковъ.

Поношенная фигура церемонно раскланялась.

— Финогенъ Петровичъ Ужастенскій, фееристъ.

— Въ какомъ смыслѣ?—спросилъ подозрительно антрепренеръ, не разобравшійся въ такой спеціальности.

— Въ смыслѣ сбора. Пишу феерiи, патріотическія пьесы, волшебныя представленія, картинки изъ жизни мертвецовъ, трагедіи съ пѣніемъ и куплетами, батальныя комедіи съ морскими сраженіями, взрывами и пѣсенниками, и безъ оныхъ, а также обучаю статистовъ для морскихъ волнъ, разучиваю хоры и

Digitized by Google

— Что съ тобой дѣлать... Перейдемъ-ка въ отдѣльную коморочку, тамъ обстоятельно обо всемъ и перетолкуемъ. Господинъ буфетчикъ, переведи-ка ты насъ на верхъ, да селяночку рыбную закажи. Водку-то ты, господинъ фееристъ, пьешь или нѣтъ? Ты меня на счетъ этого сбилъ совсѣмъ.

— Теперь пью. Когда торгъ закончился, отчего и не выпить.

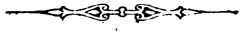
— Да, что-бы не забыть,—воскликнулъ антрепренеръ, обращаясь къ буфетчику, — раздобудь ты мнѣ, Парфенъ Семенычъ, какого-нибудь молодца побойчѣе. На завтрашнемъ представленіи вѣстника играть надо. Сегодняшнему вѣстнику я отказалъ совсѣмъ.

— Не потрафилъ въ чемъ-нибудь, вѣстникъ-то?

— Да какъ-же, братецъ мой, въ самую трагическую минуту, когда вѣстникъ долженъ выбѣжать и возгласить: «Съ турками миръ», моя-то оглобля какъ выкатитъ на сцену, да какъ рявкнетъ: «Съ мирками туръ», такъ публика и покатилась. Такой конфузъ вышелъ, что и описать невозможно. Такъ я въ надеждѣ, Парфенъ Семенычъ.

— Будьте благонадежны. По понедѣльникамъ много ремесленнаго народа безъ дѣла околачивается. Вѣстника выберу на совѣсть.

Антрепренеръ и сочинитель покинули общую комнату трактира.



Digitized by Google

ОТКРЫТІЕ.

Къ покосившемуся, но свѣже-выкрашенному забору загороднаго сада подъѣхалъ, на лихачѣ, франтоватый человѣкъ, добродушной наружности, въ цилиндрѣ и съ дождевымъ зонтикомъ. Швейцаръ отдалъ ему честь булавой, кассиръ любезно замоталъ головою, просунувъ ее въ окошечко кассы, а бильетеры широко распахнули еще несовсѣмъ просохшія двери. Очевидно, что посѣтитель былъ почетнымъ и желаннымъ гостемъ въ заведеніи.

— Открылись?—спросилъ господинъ въ цилиндрѣ, отвѣчая на поклоны.

— Открылись, Николай Марковичъ... Вся надежда на хорошее лѣто, да на завсегдатаевъ... Милости просимъ, пожалуйте...—говорилъ управляющій садомъ, слѣдуя за посѣтителемъ.

— Долги, стало быть, хозяину отсрочили?

— Отсрочили-съ. Конечно, не безъ прижимки и затрудненія, но отсрочили... Условія, можно сказать, довольно тяжкія.

— Что такъ?

— Да какъ-же, Николай Марковичъ. Кредиторамъ выдали сто двадцать безплатныхъ билетовъ на четыре персоны каждый. Буфетное угощеніе для нихъ и всѣхъ знакомыхъ, по уменьшенной цѣнѣ, да и то на книжку, съ разсчетомъ по окончаніи сезона. Потомъ, сво-

Digitized by Google

бодный входъ на сцену и въ уборныя актрисъ, съ правомъ штрафовать ихъ за упущенія по службѣ. Выборъ репертуара тоже по усмотрѣнію кредиторовъ. И, кромѣ всего, векселя на двойную сумму, по семи процентовъ въ мѣсяцъ.

— Ну, а какъ залоги со служащихъ?...

— Залогами только и дышемъ. Съ оффиціантовъ, съ бильетеровъ, съ кассировъ... За аренду буфета, фермы, стрѣльбы въ цѣль, цвѣточнаго кіоска, вѣшалокъ...

— На публику, значитъ, не очень надѣетесь?

— Да, вѣдь, какъ на нее надѣяться, Николай Марковичъ... Публика—народъ, можно сказать, довольно капризный... Ужь мы-ли ей не потрафляемъ... Калоспинтехромокрене съ декольтированными дѣвицами изъ-за границы выписывали. Моржа, стрѣляющаго изъ пистолета, показывали... Былъ у насъ и бульдогъ, который трубку курилъ и пиво пилъ... Патріотическое представленіе «Рука Всевышняго отечество спасла» давали и изъ «Прекрасной Елены» употребленіе дѣлали... Разнообразили репертуаръ, можно сказать, до послѣдней крайности. Одного срама отъ критики сколько вынесли. Полиція тоже къ нѣкоторымъ зрѣлищамъ претензіи находила. Дрессировалъ нашъ хозяинъ бульдога—«Хохъ, Бисмаркъ» кричать,—полиція не дозволила. На барышень изъ живыхъ картинъ, тоже по требованію начальства, стеганные ватные капоты должны были надѣть. А какая-же это живая картина—въ капотѣ? Притѣсненія, можно сказать, со всѣхъ сторонъ.

— Ну, а въ нынѣшнемъ году чѣмъ отличитесь? Въ чемъ состоитъ у васъ «гвоздь» представленій въ нынѣшнемъ году?

— Помилуйте, у насъ гвозди всѣ заколочены!—воскликнулъ управляющій, не понявъ вопроса или не дослышавъ.—Гвозди вездѣ заколочены на-гладко, чтобы публика платья не портила. Вотъ, на скамейки,

Digitized by Google

дѣйствительно, надо садиться съ опаскою: недавно окрашены, такъ еще не просохли. Троихъ посѣтителей уже пришлось отрывать отъ скамеекъ. Сѣли да и присохли. Всю краску отодрали, да еще сами-же и въ претензіи.

— Нѣтъ, я не про то,—сказалъ посѣтитель.— Какія у васъ нынче увеселенія?

— Увеселеній много, Николай Марковичъ. Премированныя красавицы изъ Португаліи, Лифляндіи, Лиссабона и другихъ странъ. Потомъ пѣтушиный циркъ съ Курильскихъ острововъ... Оперетка съ участіемъ лучшихъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Одинъ пѣвецъ, скажу по секрету, для самого Мазини ноты переписывалъ. Пѣвицы тоже не такія, какъ у другихъ, изъ отставныхъ папиросницъ съ табачной фабрики. У насъ главная пѣвица три года при гардеробѣ въ консерваторіи выжила. Было гдѣ научиться. Ну, и притомъ голосъ... самый медеистый, можно сказать...

— А отчего-же я не вижу всего этого въ афишѣ? — сказалъ посѣтитель, просматривая маленькій листъ бумаги съ двумя-тремя напечатанными на немъ строчками.

— Сегодня у насъ только оркестръ военной музыки и больше ничего. А исполнители еще не съѣхались. Кто изъ-за границы, кто съ Большой Охты, кто откуда... Вѣдь, всѣмъ надо задатки да авансы раздать... Извѣстно,—открытіе. Не угодно-ли присѣсть къ столику, а я сбѣгаю къ оркестру, скажу, чтобы вашъ любимый Буланже-маршъ сыграли. Да, позвольте, я скамейку-то газетнымъ листомъ прикрою, чтобы вы не прилипнули къ ней.

Посѣтитель сѣлъ къ столу на покрытую газетой скамейку, а управляющій побѣжалъ къ оркестру — отдавать приказанія.

Digitized by Google

ОНЪ, ОНА И ОНО.

Онъ былъ не столько молодъ, сколько симпатиченъ; она не столько хороша, сколько интересна. Онъ былъ холостъ, она замужемъ. Старая, какъ міръ, исторія, не перестающая быть вѣчно новою и занимательною.

— Судьба должна простить мнѣ мое увлеченіе,— говорила она. — Я невиновата, что мой мужъ стоитъ только уваженія. Мнѣ хочется любить, а приходится уважать. Это большая разница!

Онъ соглашался, что это, дѣйствительно, большая разница, и всѣми силами старался, чтобы его уважали, какъ можно меньше. Поэтому, онъ былъ остроуменъ до злости, веселъ до глупости и обольстителенъ до... невозможности противостоять обольщенію.

Для влюбленныхъ, проводившихъ свой досугъ въ маленькой и уютной холостой квартирѣ, наступила минута сладкаго отдыха, та минута, когда мужчина желалъ-бы сдѣлать какую-нибудь особенную, экстраординарную, невѣроятную глупость, чтобы доказать всю силу своей страсти, которая отнимаетъ у него умъ.

Извѣстно, однако, что глупости дѣлаются только тогда, когда онѣ совершенно нежелательны. Сознательное стремленіе къ глупости никогда не увѣнчивается успѣхомъ. Глупость, въ этомъ отношеніи, сходна съ поэзіею.

Digitized by Google

Полулежа въ креслѣ, онъ лѣниво обводилъ глазами всѣ предметы, находившіеся въ комнатѣ, но ни одинъ изъ нихъ не давалъ ему никакой идеи о глупости.

На столѣ лежала золотая шейная цѣпочка, изумительной венеціанской работы, толщиною не больше обыкновенной суровой нитки. Несмотря на это, работа была ажурная. Цѣпочка перехватывалась застежкою, украшенною алмазомъ, величиною съ ноготокъ мизинца его Мэри. Это очень хорошая рекомендація какъ для алмаза, такъ и для мизинца. Первый былъ обольстительно великъ, второй — очаровательно малъ.

— Эврика!—вскричалъ молодой человѣкъ, что въ вольномъ переводѣ съ греческаго, какъ извѣстно, значитъ: «Ахъ, я телятина!»

Онъ всталъ съ кресла, взялъ цѣпочку и надѣлъ ее на хорошенькую шейку Мэри. Цѣпочка легла волнистымъ изгибомъ по высокой груди молодой женщины... Впрочемъ, это не идетъ къ дѣлу и представляетъ интересъ только для одного молодого человѣка.

— Вавочка моя, — сказалъ онъ, употребляя ту терминологію влюбленныхъ, которая такъ дико звучитъ въ ушахъ простыхъ смертныхъ;—я хочу, чтобы ты думала обо мнѣ даже тогда, когда меня нѣтъ съ тобою. Пусть эта маленькая вещичка напоминаетъ тебѣ о большой любви твоего Рони.

Мы, къ сожалѣнію, никакъ не можемъ догадаться о христіанскомъ имени молодого человѣка. Женщины звали его именами, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ календарѣ.

— Это подарокъ?—съ негодованіемъ спросила молодая женщина.—Ты, вѣроятно, находишь, что тебя не стоитъ больше любить безкорыстно. А? Признавайся! Ты не стоишь больше моей любви? Ты измѣнилъ мнѣ? Когда мужчина предлагаетъ подарки, онъ измѣнилъ или разсчитываетъ сдѣлать это въ самомъ скоромъ времени!

Digitized by Google

Ея сѣрые, задумчивые глаза метали искры, розовыя ноздри раздулись, а маленькіе ногти уже были расправлены. Собиралась настоящая буря.

— Ты называешь это подаркомъ?!—воскликнулъ молодой человѣкъ съ экспрессіею. — Развѣ это подарокъ... Такая ничтожная бездѣлушка. Это мой капризъ... Я прошу тебя... Давно-ли ты научилась не исполнять моихъ просьбъ?

— Ты сумасшедшій! Я не могу взять эту цѣпочку, если-бы и хотѣла сдѣлать это. Какъ я объясню мужу, откуда я взяла ее?..

— Ахъ, о мужѣ-то я и позабылъ, — сказалъ молодой человѣкъ. — Мужъ... Да, мужъ это...

Онъ былъ глубоко опечаленъ и широкими шагами ходилъ по мягкому ковру своей спальни.

— Ба, — вскричалъ онъ, употребляя восклицаніе, которымъ начинаютъ свои пламенныя тирады герои великосвѣтскихъ романовъ. — Ты скажешь ему, что нашла эту цѣпочку на улицѣ.

— Я сомнѣваюсь, чтобы онъ повѣрилъ мнѣ. Онъ въ послѣднее время сдѣлался невыносимъ... постоянно оскорбляетъ меня своими подозрѣніями, недовѣріемъ...

— Стоитъ-ли говорить о немъ! Я хорошо знаю, какой это эгоистъ и деспотъ. Ты не должна стѣсняться... Наконецъ, можно сдѣлать вотъ что: ты представишь эту цѣпочку, какъ находку, въ полицію, и мужъ твой будетъ совершенно спокоенъ. По истеченіи-же законнаго срока, она снова будетъ возвращена тебѣ, за неотысканіемъ владѣльца. Хорошо, не правда-ли?

Молодая женщина колебалась.

— Если ты меня любишь... Страсть моя... Восторгъ мой!.. — Дальше пошли рѣчи, которыя пріятно говорить и слушать, но которыя скучно читать. Вавочка, наконецъ, согласилась. Лакею было поручено запачкать нѣсколько цѣпочку въ уличной грязи, что-

Digitized by Google

бы придать ей видъ настоящей находки. Молодые люди отъ души наслаждались своею изобрѣтательностію и съ нетерпѣніемъ ждали результатовъ.

Все шло, какъ по писанному: цѣпочка была «найдена» на улицѣ и съ восторгомъ показана мужу. Этотъ послѣдній, хотя и не заявилъ никакихъ подозрѣній, но, тѣмъ не менѣе, вполнѣ одобрилъ намѣреніе молодой женщины возвратить вещь ея настоящему владѣльцу. Цѣпочка, торжественно и съ соблюденіемъ всѣхъ десяти тысячъ формальностей, была представлена въ полицейское управленіе. На заявленіе о находкѣ было наклеено столько гербовыхъ марокъ, сколько захотѣлъ продать ихъ полицейскій сторожъ, берущій по 10 коп. съ марки профиту. Подпись руки свидѣтельствовалъ нотаріусъ. Нѣсколько рублей было проѣзжено на извозчикахъ. Мужъ, которому было поручено представить находку въ полицію, сбился съ ногъ и лежалъ въ постели отъ тѣхъ хлопотъ и волненій, съ которыми сопряжено всякое сношеніе съ канцеляріей.

Всѣ эти непріятности выкупались для молодой женщины плѣнительною мыслью о томъ, что «по истеченіи законнаго срока» хорошенькая цѣпочка, подарокъ ея милаго Рони, будетъ красоваться на ея шейкѣ.

Законный срокъ постепенно «истекалъ». Роня, по прежнему, безумно любилъ свою Вавку. Наконецъ, срокъ совершенно истекъ.

Съ самаго ранняго утра вожделѣннаго дня, Вавочка была въ наилучшемъ расположеніи духа. Сегодня она можетъ получить свою цѣпочку безъ всякаго риска и опасенія. Въ 12 часовъ она была уже въ полицейскомъ управленіи и кокетливо-оффиціальнымъ тономъ излагала сущность своего дѣла старому чиновнику, глаза котораго имѣли странное свойство бѣгать со скоростью пятидесяти верстъ въ часъ.

Digitized by Google

— Да... цѣпочка съ алмазомъ, — говорилъ онъ, уходя взоромъ въ неизмѣримую даль и тотчасъ-же возвращаясь обратно.—Я сейчасъ наведу справку.

Послѣдовала пауза. Вокругъ слышалось скрипѣніе перьевъ. Молодые писцы поглядывали на хорошенькую просительницу, чувствовали понятное волненіе и засыпали только-что написанныя бумаги, опрокидывая надъ ними чернильницы, вмѣсто песочницъ.

Старый чиновникъ закрылъ книгу и сказалъ, командировавъ глаза въ безграничное пространство:

— Владѣлецъ этой цѣпочки нашелся, сударыня. Онъ прислалъ заявленіе объ утерѣ ея и представилъ ясныя на принадлежность доказательства.

Вотъ тебѣ разъ!

Отъ удивленія Вавочка не могла промолвить ни одного слова.

— Цѣпочка оцѣнена въ три рубля,—продолжалъ чиновникъ съ путешествующими глазами.—По закону, вамъ надлежитъ получить одинъ рубль, а такъ какъ представленныя вами гербовыя марки оказались негодными къ употребленію, такъ какъ были сняты со старыхъ бумагъ, то вамъ слѣдуетъ представить двѣ новыя марки, восьмидесятикопѣечнаго достоинства. Потрудитесь доставить къ слѣдуемому вамъ рублю еще шестьдесятъ копѣекъ...

Молодая женщина, растерянная и смущенная, вынула изъ портмонэ мелкія деньги и, пролепетавъ какую-то благодарность, вручила ихъ чиновнику.

Минуту спустя, она мчалась на лихачѣ къ своему Ронѣ.

Взволнованная и раздраженная, она осыпала его вопросами, упреками, подозрѣніями. Въ головѣ ея шевелилась мысль, что онъ, просто, пожалѣлъ о своей щедрости и явился въ полицію за полученіемъ своей цѣпочки.

Digitized by Google

Молодой человѣкъ слушалъ все это, широко разинувъ ротъ. Онъ никакъ не могъ уяснить себѣ, какимъ образомъ нашелся владѣлецъ той вещи, которая принадлежала только ему.

Въ концѣ концовъ, онъ былъ совершенно не виновенъ во всей этой странной исторіи. Молодая женщина, однако, слишкомъ волновалась и не могла прочесть на удивленной физіономіи своего возлюбленнаго его полной невиновности. Ссора разгоралась сильнѣе и закончилась разрывомъ.

Онъ разстался съ нею навсегда; сердце его было разбито.

Она никогда въ жизни не переживала болѣе тяжелыхъ минутъ; ея «первая и единственная любовь» была оскорблена и поругана.

Тѣмъ не менѣе, ни онъ, ни она не были виноваты въ происшедшихъ несчастіяхъ.

Виновато было... *оно*, полицейское управленіе.

Нѣтъ надобности прибавлять, что весь описанный случай произошелъ въ далекой провинціи и почти въ доисторическія времена.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. НЕОБЫКНОВЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

стр.
1. Теорія доктора Кощунскаго (городская легенда) . . . 5
2. Воспоминанія покойника 43
3. Тринадцать сеансовъ эфиризаціи 55
4. Лучше никогда, чѣмъ поздно. 73
5. На виноградѣ въ Ялтѣ. (Очеркъ изъ жизни русскаго курорта) 87
6. Вечеринка у сумасшедшихъ 113
7. Обезьяна и женщина 125
8. Двѣ встрѣчи 135

II. ШАРЖИ и КАРРИКАТУРЫ.

9. Воздушный шаръ и утюгъ 145
10. Impressario Марсова поля 150
11. Открытіе 156
12. Онъ, она и оно 159

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

SEP 17 1971
DATE
437962

Digitized by Google

Slav 4350.57.381
Neo yknovennye razskazy.
Widener Library
006455265
3 2044 085 530 541